

Сага о
волсунгах

5739

«Книгохранение»

138

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПОДЪОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Р. О. ШОР и Б. И. ЯРХО

«КАНДИНАВСКИЕ»

А С А Д Е М І А
Москва — Ленинград

КАГА

И
С13

ВОЛКУНГАХ

ПЕРЕВОД, ПРЕДИСЛОВИЕ

И ПРИМЕЧАНИЯ

Б. И. ЯРХО

2 экз.

ACADEMIA

1934

«Игохранение»

ИЛНАЛ

Ф 5139
2/3

*Заставки, переплет и суперобложка
по рисункам А. И. Порет*

БИБЛИОТЕКА
Государственный Исторический музей
№ 10.860
" " XII 1935 г.

СЕРИЯ «СКАНДИНАВСКИЕ САГИ»

Девятый век клонится к закату. 872 год. Безлюдны обширные плоскогорья Исландии; уныло сереют конические сопки; сверкают глетчеры; жужжат комары над озерами. На много верст не видно жилья, не слышно говора. Только по изрезанным краям острова, у излучистых фьордов, у рыбообильных потоков ютятся там и сям редкие группы ирландских отшельников. Они одичали, мир для них исчез. В мозгу, истомленном аскезой, сотрясаемом экстазами полярной истерии, носятся обрывки полузабытой латыни и всосанные с молоком матери грезы о Стране Блаженства, об Эмайи многоцветной, где таинственные девушки поют не то о Кухуллине, не то о Христе. Они грезят. Они не знают и не ведают, что скоро на их пустынном острове раздадутся суровые голоса и топот многих копыт и что из этого шума выльются дивные песни и сказания. Они не знают, что кипит бой у Хафрсфьорда, что пала вольность норвежских племен. В этом году Харалд-конунг Халфданарсон расчесал и вымыл свои запущенные по обету кудри, и они засияли над его головой золотой королевской короной: из Харалда Косматого он стал Харалдом Прекрасноволосым, властителем всей Норвегии. Но пока он сажал своих ярлов на покоренных землях, пока объезжал подданных, торжествуя победу, из всех бухт и фьордов

побережья, из Рогаланда и Телемаркена, из Хордаланда и Агде отчаливали многовесельные струги. Отплывали херсы и хофдинги и вольные бонды, вся гордая сила страны, не хотевшая подчиниться насильнику. А с ними плыли их мызники и клиенты, слуги и рабы — целый народ. Иные нашли себе родину на море, рыская вольными викинггами по соленым водам. Другие водрузили свои резные родовые столпы на далеком острове, прогнали ирландских анахоретов, захватили землю. Со всех четырех концов населили они Исландию, уставили мызами, разделили на поместья.

Сперва старались устроиться так, чтобы было возможно больше похоже на родную Норвегию. Кто был главарем (хофдингом), тот им и остался, ибо ему принадлежали и ладьи, и стадо, и строительный лес. Он воздвигал храм своему избранному богу и сам становился там жрецом, «годом», и главою округа; вокруг него группировались крупные бонды (фермеры), мелкие землевладельцы и арендаторы (опоздавшие к захвату земель). Через два поколения общество стабилизировалось (кое-кто обеднел, кое-кто возвысился), установилось крестьянское государство, которое в 930 г. отпраздновало тысячелетие своей конституции, учредившей общее вече (алтинг), разделивший остров на четыре четверти и четверти — на округа. Со «скалы закона» Ульфлот-законоговоритель в 930 г. произнес вывезенный из Норвегии свод узаконений, который стал обязательным для всей Исландии.

Из подвижной жизни эпохи захвата стал постепенно кристаллизоваться быт. Поля обрабатывались, стада паслись, корабли возили по морям исландских викингов и исландских купцов, торговав-

ших рыбою, байкой, но главным образом поэзией. Да, поэзия была самым доходным и притом монопольным товаром. До сих пор история литературы с изумлением стоит перед трудно объяснимым, но несомненным фактом: норвежские роды, выехавшие на Исландию, вывезли с собою почти без остатка всю поэзию скальдов. До конца IX века мы еще знаем ряд имен норвежских поэтов, знаем и кое-что из их сочинений. Затем (за ничтожными исключениями) все скальды — исландцы; а в Норвегии стихи слагают одни только... короли. При шведском, норвежском, датском дворе никто не соперничает с исландцами в искусстве панегирика. Говорят, что искусство скальдов — аристократическая привилегия знатных родов. Если бы это даже было совсем неоспоримо, то все же это не объясняет загадочного факта. Разве из Норвегии выехали все знатные роды? Да и не только этот аристократический вид литературы достиг пышного развития на далеком острове. Что касается, например, народно-эпических песен, то они, несомненно, пелись и в Норвегии, но все, что до нас дошло, записано и, повидитому, сильно переработано в Исландии (см. предисловие к Волсунга-саге, § 4). Ибо ведь не только монополия поэзии, но и монополия учености до самого падения независимой республики (1261 г.) оставалась за Исландией: там только собирались, записывались, перелагались и комментировались в эпоху письменности (XII и XIII века) памятники родной литературы на родном языке*.

В Дании только Саксон Грамматик (XII век) собрал старинные предания и изложил их на латинском языке, да и то в значительной мере с помощью исландца Арвальда. В Норвегии аналогичная работа начинается только с середины XIII века.

Среди этого материала была совершенно новая форма — *сага*, т. е. прозаический рассказ, большей частью пересыпанный стихами. Как литературный жанр, сага оформилась уже в Исландии, причем сами исландцы различали следующие периоды: «время колонизации», так называемой «ланднам» (872—930 гг.); «век саг», т. е. героическая эпоха, полная бурных событий, от образования государства до умиротворения 930 — приблизительно 1030 гг.; «мирный век», когда, повидимому, складывались саги о предыдущем периоде (1030—1130 гг.); «век записей» (1130—1230 гг.); «время Стурлунгов» — кульминационный пункт развития исландской науки и возрождение старой литературы (1239—1261 гг.). После этого сагописание продолжается до XIV века, но теперь Исландия делит эту честь с покорившей ее Норвегией. Хотя записи саг, как видим, весьма поздние (большая часть относится к концу XII и началу XIII века), все же не подлежит сомнению, что многие из них возникли гораздо раньше. Мы можем установить непрерывную преемственную традицию между «веком саг» и «веком записей». Например, историк Ари Торгилссон Мудрый, родившийся в 1067 г. и написавший свою «Книгу об исландцах» в 1133—1134 гг., пользовался в юности рассказами старца Халла из Хаукадала (996—1080 гг.), т. е. непосредственного свидетеля «века саг». Все показания сходятся на том, что старые саги долго жили в устной традиции древних исландских родов, прежде чем быть записанными, и даже саги, вновь возникшие уже в эпоху письменности, предназначались для устного рассказа. Долгими зимами у костров семейной палаты, по дороге на тинг, в морском походе люди «стешились» увлекательными повестями. Уладив на вече местные

распри, позабавившись боем коней, собирались около палатки искусного рассказчика и слушали про дикие происшествия, про смелую месть, про распри минувших поколений.

Как сага возникла из простых сообщений, точно установить нельзя. Но более чем вероятно, что заимствована она у ирландцев, где мы гораздо раньше встречаемся с этой совершенно неизвестной континентальным народам формой *. Одно только вызывает удивление — это малое сходство в тематике исландских саг (в особенности древнейших фамильных) с ирландскими. Прежде всего, кельты совсем не знают бытовой саги: все у них сказочно, фантастично, сверхъестественно. Скандинавы же не только создали первый в средневековой Европе реалистический роман, но и в чудесных рассказах являют гораздо более умеренную, не столь гиперболическую фантастику, как ирландцы **.

Капитальная разница между Ирландией и Исландией заключается также в самом типе сказителя. Кельтские «фийлиды» — это профессионалы, целая каста, разделенная на разряды по степени учености (см. «Ирландские саги», стр. 49—50). Исландские рассказчики — это любители, люди природного таланта. Нигде не видно, чтобы они, подобно скальдам, извлекали какую-либо выгоду из своего искусства. Имена их до нас не дошли, но, согласно всем свидетельствам, то были крестьяне-землевладельцы, исландские

* См. А. А. Смирнов, «Древний ирландский эпос» («Ирландские саги», изд. «Akademia»).

** Для примера читатель может сравнить описание гнева героя в «Эгилс-саге» (см. примечание 33) с соответствующей картиной ирландской повести «Похищение быка из Куальнге» («Ирландские саги», стр. 147).

бонды. Родовые саги передавались от отца к сыну, а саги о путешествиях первоначально исходили от самих мореплавателей, а потом бытовали на тех же крестьянских мызах. К тому же классу принадлежали и сагописцы «эпохи записей», ученые историки, мифографы и переводчики. При дворах X и XI веков, тоже еще очень близких к крестьянскому укладу, исландцы (гости, дружинники, скальды) сохраняли все ту же манеру рассказа, ибо эстетические запросы норвежского короля и его ярлов были ничуть не выше, а, пожалуй, и ниже требований какого-нибудь исландского главара, который и сам был мастер рассказывать. Только с конца XII века начинает и в Норвегию и в Исландию проникать рыцарски-куртуазный дух, который веет в поздних сагах, но приближает их, конечно, не к кельтским придворным «скедам» (сагам), а к континентальным рыцарским романам.

Далее, мы поражаемся необычайному многообразию видов скандинавской саги по сравнению с кельтской: первая является понятием гораздо более широким, обнимает не один жанр (героический миф), а целую художественно-прозаическую литературу, от любовного романа до жития.

Здесь и *историческое повествование* о колонизации Исландии (Ланднамабок), о деяниях норвежских королей (Харалдов, Олафов, Магнусов), о завоевании островов Немецкого моря (Оркнейнга-сага и т. п.); здесь и *семейная хроника*, проникнутая идеей «судьбы рода» (Ватнсдела-сага)*, и *семейный роман* с жестокими распрями, с твердыми и благородными характерами, с живою игрой человеческих страстей

* Мы приводим по одному заглавию для примера, но количество дошедших до нас саг каждого жанра весьма велико.

(Ньялс-саг). Есть и *социальная повесть*, изображающая героическую борьбу маленьких людей против властных магнатов (например, сага о Храфнкеле, жреце Фрейя), или увлекательную жизнь государственного мужа, направляющего политические судьбы острова (Эурбьюггья-сага). Не лишенная юмора *новелла* характеризует природное сутяжничество исландцев и юридическую борьбу слабого с сильным (Бандаманна-сага). Не мало дошло до нас *героических биографий*, обессмертивших могучие фигуры Севера, (вроде саги об Эгиле, поэте и викинге). К биографиям же относится и изумительный *психологический роман* об объявленном вне закона Гисли Сурссоне — повесть страданий и отчаянной самозащиты нравственно безупречной личности в борьбе со всем обществом и собственной злой судьбой. Рядом с этим мы встречаем *любовный роман* с упорной, неизменной страстью, пересыпанный лирическими излияниями влюбленного скальда, — роман, несколько стереотипная схема которого основана отчасти на подражании одной саги другой, отчасти же на единстве описываемого быта (сага о Гунлауге Зменном Языке).

Порою биография, в особенности, если это биография викинга, прямо переходит в *роман приключений*. Есть, правда, и здесь совершенно реалистические *описания путешествий*, вроде повести об открытии Америки в 1000 г. (сага об Эйрике Красном); но как раз в этом жанре, не связанном с родной территорией и со свято хранимой местной традицией, открывается свободный доступ для фантастического элемента, в особенности, если речь идет о героях стародавних времен (Орвар-Одд-сага); тут *фантастическая сага* уже соприкасается с древне-германским

героическим эпосом, который тоже в позднюю эпоху обрабатывается учеными компиляторами в форме саги (Волсунга-сага). В особенности после уничтожения независимости Исландии, когда гордость древних крестьянских родов была несколько пришиблена, старая фамильная сага отступает на задний план перед чистым вымыслом. В этих поздних «живых сагах» о троллях, карлах и змеях сверхъестественный элемент уже не носит религиозного характера: это — просто пестрый узор на неприглядной канве жизни, откровенная выдумка, сказка (Гонгу-Хролфс-сага). Сказка эта уже лишена специфического национального и социального колорита; она — международна. От нее один шаг до переводного рыцарского романа, так называемых южных саг (о Тристане, Троянской войне и т. п.); саги о собственных епископах (в сущности, история исландской церкви, как, например, сага о крещении Исландии) сменяются житиями византийского происхождения. Все это многообразие тематики еще оттеняется поразительно живой психологией персонажей (особливо в бытовых сагах), рельефными портретами, сжатостью и динамичностью фабулы.

Между тем эта обширная литература, можно прямо сказать, совершенно неизвестна лицам, читающим только по-русски. Поэтому перевод некоторых наиболее удачных образцов не только доставит читателю интересное чтение, но и откроет ему новый, своеобразный мир.

Ввиду вышеупомянутого разнообразия саг оказалось нецелесообразным соединить издаваемые образцы в один сборник, как было сделано с едиными по своему характеру «Ирландскими сагами»: получилось бы такое же впечатление, как если бы мы

Соединили под одной обложкой «Мертвые души» с «Князем Серебряным». Тот факт, что серия открывается именно «Волсунга-сагой», сложенной сравнительно поздно (XIII век) и не бытовой, нуждается в некотором объяснении. Первая причина заключается в древности ее сюжета и значении его для мировой литературы: у нас нет хорошего перевода «Песни о Нибелунгах», вовсе нет перевода героических песен «Эдды»; поэтому желательно было дать читателю на ряду с образцами славянской («Сербский эпос») и романской («Песнь о Роланде») героической поэзии хотя бы один памятник германского эпоса. Далее, «Волсунга-сага», несмотря на свой международный сюжет, все же несколько введет непривычного читателя в сферу специфически скандинавского быта и мировоззрения и облегчит ему понимание реалистических саг.

СКАЗАНИЕ О СИГУРДЕ И НИФЛУНГАХ НА СКАНДИНАВСКОМ СЕВЕРЕ *

I. ЭПОХА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. — ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

§ 1. Исторические элементы сказания

При обсуждении генезиса сложного сказания или цикла, создававшегося в течение многих столетий, определение исходного пункта всегда более или менее зависит от установки исследования. Когда мы говорим, что такой-то мотив притянулся к имени исторического лица или к большому сюжету, то с тем же правом можно сказать, что имя или сюжет притянулись к этому мотиву, ибо здесь нет неподвижной точки, а есть только две подвижных. Но

* Начиная с 1736 г., когда П. Бодмер впервые обратил внимание новой Европы на существование и красоты «Песни о Нибелунгах», исследование этого сказания прошло через все фазы развития филологической науки. Каждая деталь составляла материал для контroversы. Кругозор расширялся по мере открытия новых памятников и роста научных познаний. Даже ограничивая свою тему обзором скандинавских вариантов, мы не в состоянии охватить здесь все поле исследования; иначе наше предисловие значительно переросло бы самый текст саги. Поэтому мы пытаемся только дать читателю представление об условиях возникновения и развития сказания при помощи гармоничной сводки чужих исследований и собственных наблюдений, без дегальной аргументации, без полемики и даже без цитирования источников отдельных положений, за коими обычно стоит целая литература.

многие из ингредиентов большого эпического комплекса не могут быть прикреплены исследователем ни к какой определенной эпохе; происхождение их теряется в доисторическом тумане, и искать его там — дело в значительной мере бесплодное. Поэтому мы предпочитаем исходить из некоторых исторических фактов, вошедших в состав исследуемого цикла и определяющих, по крайней мере, *terminus a quo* сложения *данного комплекса* с его основными мотивами и темами.

Не следует однако льстить себя надеждой, будто мы можем восходить к действительным событиям в том виде, как они произошли на самом деле. В сказ и в песню попадает далеко не все, а только то, что считается «достойным эпоса», т. е. чем-либо напоминает события, о которых повествовалось в прежних песнях и сагах; иными словами, уже в самый момент отбора реальный факт подпадает влиянию эпической традиции; часто он уже при первом пересказе слегка перефасонируется, а затем втягивается в общий литературный процесс, откуда, уже в виде «сюжета», выходит прямо в объятия современника-летописца, рассказ коего мы волей-неволей должны принимать за исходный пункт.

В частности, в отношении интересующего нас цикла Сигфрида и Нибелунгов наиболее ранние исторические следы приводят нас в эпоху переселения народов (V и VI века). Хотя подлинных песен от того времени не сохранилось, однако латинские показания летописцев знакомят нас с характером тех сюжетов, которые считались тогда достойными передачи.

То, о чем пели и сказывали германцы до V века, известно нам лишь по еще более кратким наме-

ка́м и упоминаниям (у Тацита, Иордана, Павла Диакона и др.), но все же мы до некоторой степени можем судить о тех изменениях, которые переселение внесло в тематику сказаний. Нам теперь трудно вдуматься в психологию эпохи, когда для целых народов грабеж становился основным средством к существованию. Некогда оседлые земледельцы и скотоводы, германцы срываются с места, то гонимые навигирующими с Востока ордами, то привлеченные молвой о богатых городах Юга, которые ослабевшая Империя уже не в состоянии защищать. Раньше германские племена тоже воевали с соседями для защиты границ или расширения посевов и тоже пели о героях, прославившихся в этих боях; теперь же жизнь их стала сплошной цепью воинских подвигов: батальные сюжеты умножались с каждым днем. Соседи-враги и соседи-союзники постоянно ~~менялись~~ соприкосновение с новыми племенами порождало оживленный эпический обмен. Внутри племени создавалась нервная, экзальтированная атмосфера, насыщенная добычей и опасностью, — психология огромной, многотысячной разбойничьей шайки.

Этой психологией окрашена вся социальная тематика дошедших до нас сказаний, очень далекая от примитивно-патриархальных нравов, так привлекательно описанных Тацитом (II век). Легкая и непрочная нажива, соприкосновение с римской культурой, от которой варвар усваивал только легкодоступные материальные блага (да и то наиболее грубые), необходимость в изменчивых условиях войны всех против всех часто действовать хитростью, жестокостью и обманом — все это развращало и вождя и рядового воина, создавало внутренние рас-

при на почве дележа добычи, пьянства, распутства. Идеалом эпоса становятся короли-атаманы, кровожадный ломбардец Альбоин, вероломный гот Теодорих. Здесь изменник Иринг возносится на такую же героическую высоту, как и верный до гроба Генсимунд. Почти все сказания этой эпохи носят мрачный, трагический характер героизма, чередующегося с преступлением: кровавые предательские убийства, пытки и увечья, жестокая расправа с побежденными и беспощадная месть.

Еще одна характерная черта этих сказаний: в центре действия почти всегда стоит грозная фигура женщины, заносищей или направляющей смертоносный клинок. В эпоху стабильности древнего быта и религии германец видел в женщине, по словам Тацита, «священное нечто и пророческое» (см. Указатель: *Волва*). Весь мир был для него насыщен таинственными женскими существами, направлявшими судьбы ратоборных мужей (габии, алагабии, идисы). Отсюда величественные фигуры женщин-пророчиц и вождей: таковы Веледа и Ауриция у Тацита («Германия», VIII) или Гамбара древнейшего ломбардского сказания (в «Происхождении Лонгобардов» и у Павла Диакона, I, 8). Но в эпоху отмирания язычества у племен, участвовавших в переселении, творчество рапсода выбирает из быта новые женские фигуры, окрашенные в тона этого быта. Героини эпохи переселения — уже не благодетельные советницы и заступницы племени, как Веледа или Гамбара, а коварные и кровожадные мстительницы или убийцы, трагичные и величественные в своей жестокости.

Такова ломбардка Руметруда, мстящая герульскому королевичу за насмешку, вызванную ее соб-

ственной заносчивостью: угощая его вином, она сажает его спиною к завесе, за которой скрыты вооруженные убийцы; это вызывает месть со стороны брата жертвы и приводит к истреблению герульского племени. Такова гепидка Росамунда, которую муж (король Албоин) заставляет пить из отцовского черепа и которая затем убивает спящего победителя. Такова королева Амалберга, своей надменностью подорвавшая независимость тюрингов и повалившая сотни людей под Франкскую секиру. Варвар узнал, что нет на свете ничего недоступного для храброго и беззастенчивого насильника. Боевые машины, направленные слабой рукою, сложные укрепления, защищаемые вялыми душами, — вся хитрая аппаратура римского военного искусства рушится под диким натиском того, кому нечего терять. Что такое просвещение, культура, талант, когда любой ритор, насквозь продушенный Вергилием и Теренцием, готов трепеща славославить пьяному волосатому победителю; когда можно бросить в тюрьму Драконтия и Боэтия со всей их ученостью и за малую подачку получить от Венанция Фортуната льстивый панегирик? Нет ничего святого для того, кто видел у своих ног сенаторов и епископов, разграбил десятки дворцов и храмов. И только один противник вечно покоряется и вечно восстает; противник, которого нельзя уничтожить, потому что он одновременно — и враг и добыча: женщина. Враг, которого надо держать в собственной постели и вечно ждать от него измены, отравы, убийства во сне. Женщина, постоянно колеблющаяся между страстью к победителю и любовью к своему роду, истребленному новым супругом, вновь направляет судьбы людей и племен. Свирепый воин бессилен

перед ней, бессилен уничтожить это тело, которое дурманит ум и превращает самого коварного добычника в неосмотрительного ребенка. Она задушит его детей, самому ему подаст отравленную чашу: он перебьет ее родичей, зверски расправится с ее слугами и любовниками, но самое ее не тронет, чтобы не лишиться белогрудой добычи. Эта бесконечная позиционная война двух непримиримых врагов, обнимающихся на мягких шкурах ложа, будит воображение певцов, становится излюбленным сюжетом песни.

И в эту эпоху развращенного и разнузданного варварства, украшенного гальскими шелками, бряцающего византийским золотом, в атмосфере предательских убийств, отравлений и мучительства, выросло Франко-бургундское сказание о Нибелунгах с его жестоким трагизмом и кровавой эротикой. В основе — это рассказ о гибели второго бургундского королевства на Роне (VI век), контаминировавшийся в памяти с преданием о гибели первого бургундского королевства на Рейне (V век). Элементы этих преданий сохранены современными историками еще в диспаратном виде, но в каждом из этих кусков встречаются лица, носящие имена героев нашего цикла и выполняющие сходные с ними функции. Полные тексты важнейших показаний мы приводим в Приложении I; здесь же даем только схемы, выделяющие существенные сходства.

а) *Сказание о гибели второй бургундской державы*

1) В 524 г. юный королевич Сигерик, сын Сигимунда, по наущению королевы убит родичами в постели. Убийство происходит при бургундском дворе по инициативе короля (мужа подстрекающей жейщины), у

которого есть брат Годомар (см. Указатель: *Готторм*). См. Приложение I, А.

2) Убийцам Сигерика мстит (за убийство своих родичей) бургундская княжна Хротихилд, выданная в чужую страну. Она побуждает сначала своего мужа (500 г.), а затем своих сыновей (523 г.) к войне с бургундами. После долгой защиты бургундские короли побеждены: одного брата бросают в колодезь (как Гуннара в змеиный загон); другой прогнан и погиб неизвестным образом. Бургундское королевство пало (534 г.).

б) *Сказание о нибели первой бургундской державы*

1) На Рейне (в области Вормса) в начале V века образовывается бургундское королевство. Согласно показанию «Бургундской правды» («*Monumenta Germaniae Historica*», *Leges*, III, 533), правили там короли Гибика (Гибих, Гьюки), Гундахари (Гунтер, Гуннар), Гислахари (немедк. Гиселхер в «Песни о Нибелунгах») и Гундомар или Годомар (Готторм).

2) Гундахари (413—437 гг.) разбит гуннами в 437 г., после чего его царство погибает, и бургунды переселяются на побережье Роны.

По крайней мере в VIII веке (Павел Диакон) уже господствовало мнение, что Атила самолично разбил Гундахари и уничтожил его державу (в чем нет ничего невозможного). См. Приложение I, Б.

3) Атила в свою очередь погиб в 453 г. на собственной кровати, лежа рядом с германской девушкой по имени Хилд (Илдико). См. Приложение I, В.

§ 2. Контaminaция

Нет сомнения, что упомянутые выше исторические лица идентичны с соответствующими героями ска-

зания о Нибелунгах. Но какие изменения сказание внесло в их действия и особенно в мотивы этих действий, — мы точно определить не можем, так как никто нам не ручается за полную достоверность показаний Григория Турского, Иордана и др.

Ясно, например, что Хротихилд не могла мстить за смерть Сигерика: он еще не родился, когда ее увезли к Франкам. Но так как месть ее совпала с убийством юноши, то возможно, что преступление Сигимунда выставлялось Франками в качестве оправдания их расправы с бургундскими королями (?). Возможно, что Илдико, действительно, была бургундской королевой, доставшейся Аттиле после разгрома рейнской державы; возможно также, что она убила Аттилу из мести. Но, может быть, рассказ о смерти Аттилы был позже обработан в модном тогда вкусе с введением трагической женской фигуры. Кто может это проверить на расстоянии пятнадцати веков?

Но одно не подлежит сомнению: Гундахари (437 г.) не мог участвовать в убийстве Сигимундова сына и подвергнуться мести Хротихилд (524 г.). Значит, налицо *контаминация* сказаний, причем так называемой *точкой притяжения* служил сходный мотив — «гибель бургундской державы» и, может быть, имя Годомара (старшего и младшего). Далее произошло обычное при контаминации скрещение персонажей и мотивов *. Гундахари (Гуинар) стал на место

* Обмен персонажами между контаминированными сказаниями можно иллюстрировать, например, зафиксированным в XII веке сюжетом «Герцога Эреста»: 1-й член *контаминации* — восстание Льудолфа против отца, Оттона Великого, и мачехи, Аделхейды (952—954 гг.); 2-й член — восстание Эреста, сына Гиселы, против отчима, Конрада II (1025—1030 гг.); *результат* — восстание Эреста против отчима, Оттона Великого. Другой пример: 1-й член — Гисла, сестра Карла Великого, рождает от брата незаконного сына

убийцы — Сигмунда, рейнская держава заменила ронскую. Типичная для таких случаев *конвергенция* лиц сказалась в объединении (впрочем, не вполне закончившемся) двух Хилд (Хротихилд и Илдиго), губительницы бургундов и убийцы Аттилы в одном лице — Кримхилд (Гудрун).

Контаминация могла произойти очень рано, хотя бы через два поколения после событий, может быть, уже в конце VI века. Вероятно, в эту эпоху Сигерик, самое имя коего певцы нетвердо помнили (не то Сигфрид, не то Сигвард), стал франком на том основании, что мстили за него франки. Самое сказание, порочащее бургундских королей, *сложилось у франков*, не замедливших приписать себе центрального героя. Это, конечно, должно было привести к неясности мотивов убийства. Как бы то ни было, основное сказание приняло в общем следующую форму: убийство франкского юноши бургундскими королями и месть (сперва бургундам, затем Аттиле), с двумя излюбленными женскими фигурами — убийцей и мстительницей.

В таком виде сказание заключало в себе некоторые неясности и противоречия.

а) Женщина-убийца действовала по двоякого рода побуждениям: во-первых, естественная неприязнь мачехи к пасынку; во-вторых, обида за презрение к ее низкому происхождению (бывшая служанка ненавидит высокородную соперницу даже после ее смерти). Когда Сигерик перестал быть бургундским королевичем, в мотивах убийства его бургундскими королями оставался пробел; версия о мачехе отпала, но, может

Роланда; 2-й член — Берта, дочь Карла, рождает от Авгилберта незаконного сына Нитхарта; *результат* — Берта, сестра Карла, рождает Роланда от герцога Англерского (Авгилберта).

быть, оставалось смутное воспоминание о социальной обиде, вызвавшей месть женщины-убийцы (будущей Брюнхилд).

б) В образе женщины-мстительницы плохо уживались оба элемента, которые в нем соединились: с одной стороны — месть бургундам, с другой — месть за бургундов (Аттиле). Создавалась неясность, противоречивость. Замечено, что именно такие исконные противоречия в основе сказания дают толчок к многообразию вариантов, т. е. стимулируют пышное развитие цикла. Пробелы заполняются, противоречия сглаживаются при помощи обработки во вкусе данной литературной среды.

§ 3. Героическое развитие

Прежде всего, как только сюжет попадает в водоворот литературного процесса, он начинает оформляться по требованиям какого-нибудь жанра, в данном случае героического повествования. Персонажи такой повести «героизируются», т. е. им приписываются дела и свойства, из которых в данной среде складывается идеал героя. Поэтому в процессе героического развития происходит так называемое *притяжение* традиционных мотивов*.

В частности, в вышеупомянутом комплексе исторических мотивов, в центре коего стояло убийство неповинного юноши, это событие было оформлено под чрезвычайно популярный мотив «гибели юного героя», и личность жертвы была героизирована. Притянулись к ней следующие древнейшие эпиче-

* Повторяем, можно рассматривать этот процесс и как притяжение исторических мотивов к сложившемуся идеальному представлению: сущность процесса от этого не изменится.

ские мотивы: 1) змееборство, 2) добывание так называемого «эпического сокровища» и 3) сватовство.

1) Происхождение мотива змееборства (встречающегося у десятков европейских и внеевропейских народов) не может быть приурочено ни к какой отдельной местности, ни к какой исторической эпохе. В германском мире он весьма распространен: змееборцами, помимо Сигурда (и Сигмунда), являются и англо-саксонский Беовульф, и Франкский Волфдитрих, и датский Фроди (Фрото), и норвежский Рагнар Лодброк, и исландский Гулл-Тори. Не подлежит сомнению, что этот мотив много древнее VI века и что, будучи фантастическим, он не мог быть искони связан с данной личностью; приписан же он был Сигурду еще до миграции сказания на Север, так как и немецкие сказания знают змееборство, хотя и в другой форме. Одна из этих форм (змея — хранитель клада) очень близка к англо-саксонской версии о змееборстве Сигмунда Велсинга (см. Приложение II), которое уже в конце VII века считалось «старым сказом» (ст. 870: eald-gesegeu). Иные полагают, что этот мотив был перенесен с Сигурда, на отца его. Но для этого необходимо предположить, что уже англосаксы отождествляли Сигмунда, отца Сигурда, с Сигмундом Велсингом, что, однако, не подтверждено ни английскими, ни немецкими памятниками. Вообще исконность связи между змеем и кладом в нашем цикле подвержена большому сомнению.

2) В немецкой версии («Песнь о Нибелунгах», «Тидрекс-сага») змея с «эпическим сокровищем» не связан: последнее («Песнь о Нибелунгах», III, VIII) Сигурд добывает в борьбе с 12 великанами и 700 витязей в стране Нибелунгов. С другой стороны, англо-саксонская версия о Сигмунде указывает на

приморский пейзаж, в то время как исконное Франкское змееборство должно было происходить в глубине материка. Франкский Волфдитрих тоже убивает змея не ради сокровища. Вероятно потому, что на материке оба мотива еще были разделены, а соединение произошло на скандинавской почве. В самом деле, хотя бы из главы XIV Волсунга-саги (и из соответствующей песни Эдды) можно усмотреть, что исконным хозяином клада является не змей, а карлик и вслед за ним страшное племя Хрейдмара, которое может захватить в плен даже богов. Для того чтобы связать «сокровище» со «змееборством», пришлось вообразить, что и змей — не змей, а оборотень из рода Хрейдмара. Повидимому, на Севере уже было распространено представление о «змее, хранителе клада» (в роде старого сказа о Сигмунде), и это представление контаминировалось со «змееборством» нашего сказания.

3) Мотив сватовства совершенно независим от двух предыдущих. Формы его, однако, весьма многообразны и соотношение их до сих пор составляет фольклористическую проблему. Чтобы разобраться в этом вопросе, выделим сперва элементы, общие обеим версиям (немецкой и скандинавской). Несомненно, общими являются два элемента: имя Брюнхилд и «сватовство для Гуннара». Не столь достоверен мотив «сватовства для себя», т. е. роман между Сигурдом и Брюнхилд до встречи с Гуннаром.

а) Происхождение имени Брюнхилд неизвестно. Реминисценция знаменитой борьбы двух Франкских королей, Брунихилды и Фредегунды (VI века), возможна, но маловероятна ввиду расхождения всех прочих обстоятельств.

б) В «сватовстве для Гуннара» обе версии сходятся на том, что Сигурд заменяет Гуннара при испытании. Однако формы преодолеваемых препятствий столь разнятся не только по версиям, но и внутри каждой из двух версий, что установить истинную форму невозможно.*

в) «Сватовство для себя» в немецкой версии прямо не засвидетельствовано. В «Песне о Нибелунгах» есть намек на нежные чувства Брюнхилд по отношению к Сигурду.

619 Сидел король бох-о-бок с невестой своей.
Она же видит Кримхилт (что ей всего больней)
С Сигфридом рядом и плакать начала,
Горячими слезами лик свой светлый облила.

Ее объяснение («ей жаль, что Кримхилт выходит за вассала») звучит явной отговоркой, тем более, что когда муж разъясняет ей истинное положение Сигурда, печаль ее не проходит. Этот мотив далее никак не развязывается; но все же вряд ли можно признать это место случайным. Возможно, что здесь — реминисценция каких-то отношений между Сигурдом и Брюнхилд, которые были известны в Германии, но которые слагатель «Песни о Нибелунгах» затушевывает, чтобы выдвинуть на первый план трагедию своей излюбленной героини, Кримхилт**.

Скандинавская версия представляет «сватовство для себя» в виде пробуждения спящей на горе вал-

* В «Песне о Нибелунгах» испытание разбито на два момента: воинские состязания во время сватовства (метание копья и камня, прыжок) и борьба с самой Брюнхилд уже после брака, в спальне; оба раза Сигурд заменяет Гуннара при помощи шапки-невидимки. О препятствиях в скандинавской версии см. § 3.

** «Песнь о Нибелунгах» есть по существу поэма о Кримхилт: она так и озаглавлена в одной из руко исей. Повествование (стр. 2) прямо начинается со слов: «В Бургундии дева знатная жила». Со-

кирии. В Германии (хребет Таунус) в XI веке засвидетельствована гора под названием Брюнхилдино Ложе: стало быть, существовало и на континенте представление о Брюнхилд, спящей на горе.

Эти факты приводят к следующим предположениям. В процессе «геронизации» Сигурда мотив «сватовства» был притянут в двух вариантах (очевидно, двумя разными певцами): «сватовство для короля» и «спящая красавица». Затем варианты встретились, и певцы стали согласовывать их по-разному. Судя по конфузии, которая царит в этом отношении в скандинавских обработках, процесс «биографической циклизации» нашего сказания еще не закончился, когда оно было перенесено на Север: это создавало стимул для размножения вариантов. Как и из какого источника появился новый вариант смерти Сигурда (убиение в лесу), мы не знаем; но фактически этот вариант существовал уже рядом со старым (убийство в кровати) до миграции сюжета на Север.

Неизвестно также происхождение Хогни (Хагена); засвидетельствован он в Германии с X века (см. Указатель: *Хогни*). Предположение, будто он занесен из нижне-немецкого цикла Хильды-Гудрун, ничем не подтверждается.

II. ЭПОХА ВИКИНГОВ. — ЛИРИКО-ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

§ 4. Сложение песен Эдды

Вот и весь состав основного сказания, который удастся извлечь из показаний историков и реконструировать на основании сличения скандинавской

ответственно этому интерес к Брюнхилд (Прюнхилт) в поэме очень невелик: не считается даже нужным сообщить читателю, что с нею случилось после убийства Сигурда (Сигфрида); она выполняет свою антипатичную роль и бесследно исчезает из повествования.

и немецкой версий. Затем, повидимому, распространившийся сюжет стал развиваться в Скандинавии независимо от континента, так что, появившись опять на письме в XIII веке, обе версии являют уже весьма отличный друг от друга вид.

Песни Эдды (см. Указатель: *Эдда*, II), древнейший памятник скандинавской версии, возникли в разное время от середины IX до конца XII века. Немецкие источники — еще моложе («Песнь о Нибелунгах», XII — XIII века, Тидрекссага — XIII век). Таким образом между показаниями историков и древнейшими песнями Эдды прошло более двух веков, в течение коих развитие сказания скрыто от нас. Мигрировали они туда, очевидно, в период 600—800 гг., когда археологами засвидетельствованы оживленные сношения между континентом и Норвегией (в обход Дании) [см. об этом: Rygh, «Aarbøger for nordisk Oldkyndighed», 18, 77, 131 f.; Nessel, «Beiträge zur Eddaforschung», 190 ff]. С IX века начинается изоляция скандинавских стран благодаря непрерывной вражде и ужасу, который внушали континентальным народам набеги викингов. Особенно сильно способствовало изоляции крещение саксов (804 г.), окончательно отделившее немецкий мир от скандинавов и в особенности от норвежцев, которые до самого конца X века упорно держались старой религии. В этот период сравнительной изоляции, длившийся приблизительно до конца XI века (т. е. до начала крестовых походов и введения латинской письменности в Исландии), сложились те особенности норвежско-исландской версии, которые мы находим в песнях Эдды.

Песни эти предостоят перед нами в далеко не примитивном виде. Это — высокопоэтические произве-

дения, предполагающие не только давнюю литературную традицию, но и долгое бытование самого сюжета на скандинавской почве: песни эти, как правило, не вводят слушателя в сюжет, не знакомят его с персонажами; певец уверен, что все это прекрасно известно всей аудитории.

Вот зачалю «1-й песни о Гудрун»:

В годы древние к смерти готовилась Гудрун,
Сидя со скорбью над Сигурдом.
Не плачет она, не плещет руками,
Не стонет жалобно, как прочие жены.

Или зачалю «Краткой песни о Сигурде»:

В годы древние Сигурд прибыл к Гьюки,
Волсунг юный, что в войнах бывал.
Дружбу скрепили с ним двое братьев,
Клятву дали крепкие духом.

Кто такая Гудрун? Где живет Гьюки? Что это за двое братьев?

Объяснять этого не надо, ибо все знают канву рассказа. Во «2-й песне о Гудрун» Хогни говорит о смерти Сигурда: «Лежит, порублен нашими руками, *убийца Готторма*, брошенный волкам». Ни до, ни после о Готторме не упоминается; чтобы понять слова песни, надо, очевидно, знать, что смертельно раненный Готтормом Сигурд успел разрубить убийцу пополам (см. Волсунг-сагу, ХХХ). Певец только развивает трагедию, чтобы доставить более глубокое наслаждение искушенным в поэтических красотах слушателям.

В общем песни нашего цикла можно смело называть *психологическими экскурсами* к основной «Саге о Сигурде», ходившей или в прозаической форме или в виде таких песен, какие не дошли до нас, т. е. совершенно связных, чисто повествовательных, вво-

дящих слушателя в новый для него рассказ. В самом деле, песни Эдды редко повествуют от своего лица: они обычно влагают тему в уста действующих лиц, преломляя, так сказать, сюжет сквозь призму переживаний соответствующего, большей частью страдающего, персонажа. Из 552 строф, относящихся к нашему циклу, в издании Геринга всего 104, т. е. около 18%, не содержат речей персонажей. Процент повествовательных строф ни в одной песне не доходит до 50. Многие песни названы «*trǫl*», т. е. «речи»; это означает, что речи в них составляют самую важную часть. Некоторые из них, действительно, на 100% состоят из речей, которые связаны между собой краткими пояснительными замечаниями в прозе (Регинсмол, Фафинсмол); такие песни являются чем-то в роде маленьких саг, только с преобладанием стихотворной части над прозаической: можно думать, что повествовательных стихотворных строф в них никогда не было. Так называемая «Древняя (или вторая) песнь о Гудрун» — сплошной монолог героини (по форме — это так называемый «трегроф», т. е. причитание), но и в нем разговоры занимают 17 строф из 45; 15 строф посвящены описанию душевных переживаний. Из вышеупомянутых 104 недиалогических строф лишь около 80 повествуют о событиях; остальные тоже посвящены психологическим рефлексам персонажей (см., например, примечание 58). Песни таким образом являются как бы художественными иллюстрациями к знакомому связному рассказу.

§ 5. Бытовой элемент

Форма такой отдельной, не претендующей на полноту песни позволяет автору пользоваться любым из известных ему вариантов легенды, не очень

заботясь об их согласовании. Вот почему мы встречаемся в Эдде с весьма различными (дифференцированными) трактовками сюжета. Кроме дифференциации вариантов, благодаря заложенным в основном сказании (изводе) противоречиям, певцы прибегают еще при случае к введению новых мотивов. Эти нововведения черпаются ими главным образом из быта или из религиозных воззрений своего времени, т. е. эпохи викингов. Да и отбор материала производится сообразно со вкусами и понятиями той же эпохи.

Викинг — это морской разбойник, с необычайной быстротой превращающийся в мирного купца, «гостя», как только он наталкивается на превосходные силы. Когда начались морские набеги скандинавов на побережную полосу, точно неизвестно (первые упоминания — в начале VII века). Но приблизительно с 800 г. это становится массовым явлением. Способствовало этому главным образом увеличение населения, которого скудная и примитивно обрабатываемая почва не могла прокормить. Практиковавшаяся (во избежание дробления земли и обнищания) майоратная система заставляла младших сыновей зажиточных бондов (фермеров) искать пропитания на стороне. Отец или старший брат снаряжали для него большую или меньшую ладью и отправляли его в «торговое» плавание. Новый стимул к уходу с суши на море появился тогда, когда прежние разрозненные скандинавские княжества начали постепенно объединяться в три большие королевства — Швецию (VIII век), Данию (начало X века) и Норвегию (конец IX века). Тогда среди викингов оказалось много знатных людей, не пожелавших подчиниться централизованной власти. Из них

и вербуются так называемые «морские короли», все королевство коих состояло из одного или нескольких стругов. Вновь образовавшейся на почве этого недовольства исландской республике тоже приходилось отдавать морю своих сыновей. Всякий, кто жаждал быстрого обогащения или не мог ужиться в организованном обществе, снаряжал свой корабль или присоединялся к дружине атамана. Сравнительно редко струги объединяются в большие флотилии, в роде той, которая осаждала Париж в 885—886 гг.; с такими и даже меньшими флотами норманны завоевывали целые государства. Но в подавляющем большинстве случаев дружина викинга была крайне малочисленна: 12, 24, 36 человек. Именно эти мелкие банды и держали в страхе и трепете все побережье Северного и Балтийского морей. Где появлялась узкая длинная «сnekкья» или большой острогрудый «дракон», там эсты, куры, финны, фризы и саксы молились своим богам, часто без боя бежали в лес, оставляя деревню на разграбление. Где нельзя было взять силой, варяг действовал хитростью, и не один противник погибал смертью Аскольда и Дира. И, в самом деле, если мы сравним свидетельства об ужасе, который внушали норманны всем народам, с показаниями о численности дружин, то мы должны составить себе чрезвычайно высокое мнение о силе, храбрости и военном искусстве викингов.

В постоянной борьбе с морской стихией и численно превосходным противником вырабатывался особый тип смелого, беззастенчивого и коварного хищника. Жажда золота и славы — основной жизненный стимул. Часто викинг не верит ни во что, только «в мощь свою и силу», как тогда выражались. Но уж если он избирает себе бога, своего «Фултруи»

(«крепкая надежда»), то бог этот — Óди, воинственный Меркурий германцев, купец и воин, колдун, лекарь, обманщик, обольститель женщины и поэт, «отец побед» и «строитель козней». Óди — по нашим понятиям — божество абсолютно аморальное (жестокое, беспринципное, несправедливое); на самом же деле у него есть своеобразная мораль, даже целое учение, изложенное в Эдде*.

1 Двери оглядывай, коль в дом войдешь,
Выходы высмотри,
Входы выследи.
Не ведаешь ты: может быть, враг
Кроется там под кровлей.

Так начинаются «Речения Вышнего». Затем следуют наставления, как держать себя по отношению к другу и недругу, как притворяться в обществе лживых (45), как лестью соблазнять жен (92), как осторожно измерять свои силы (65), никому не доверяться (63), малым даром покупать большую дружбу (52), даже богам не жертвовать слишком много, соразмеряя приношение с ожидаемой милостью (146).

58 Бодрствуй с зарею, коль благо чужое
Иль жизнь ты жаждешь отнять.
Лежачему волку не вырвать добычи.
Спящий не сломит врага.

Óди учит крепко цепляться за жизнь, хотя бы ценой увечья (70—71), воздавать дружбой за дружбу, враждой за вражду. Не надо быть слишком мудрым (54—56), надо жить бодро, наслаждаться борьбой, богатством, любовью и дружбой, — всеми видами общения с людьми: «человек человеку радость» (47). Но выше всех земных благ — слава.

* См. также «Эдда», пер. Свириденко: «Изречения Высокого».

- 77 Сгинет скот, сгинет род,
Сам ты смертью умрешь.
Но молвь людская не мрет вовек,
Коль добрую добыл ты славу.
- 78 Сгинет скот, сгинет род,
Сам ты смертью умрешь.
Одно мне ведомо, что вечно живет:
Молвь о мертвом муже.

Из этого учения создается теория жизненного стимула, которая вся формулируется в четырех словах: золото, женщина, месть, слава. Если прибавить к этому единственный унаследованный у предков сдерживающий устой — верность роду, то получим все пружины нашего сказания.

1) *Золото* приводит в действие весь механизм трагедии: из-за него Регин побуждает Сигурда убить змея; и оно становится проклятием для всех родов, которые им владеют. Необходимо подчеркнуть, что эта роль золота совершенно отсутствует в немецкой версии. Правда, по некоторым данным можно судить, что в основном изводе значение клада, вероятно, не было так затушевано, как в куртуазной «Песне о Нибелунгах», но, несомненно, норвежско-исландская версия сильно развила этот мотив, создала целую праисторию клада и то-и-дело возвращается к нему. (Так, например, Атли исключительно из желания завладеть наследием Фафни затевает убийство Гьюкунгов, в то время как в немецкой версии все совершает Кримхилд исключительно из жажды мести).

2) Что касается женских фигур, то и они под влиянием скандинавского быта приобретают особый характер и особые функции.

Уже в основном сказании были две героини-антагонистки: одна — убийца (Брюнхилд), другая — мстительница (Кримхилд-Гудрун). Очевидно, сначала

симпатии певцов были на стороне последней, и такое отношение сохранилось во всех немецких версиях: как «Песнь о Нибелунгах» относится к Брюнхилд, мы видели выше; в более поздней поэме «Роговой Сейфрид» (XV век) Брюнхилд совсем исчезла, и некоторые ее функции перенесены на Кримхилд.

На Севере симпатии явно разделились. В Эдде есть, если можно так выразиться, «гудрунофильские» и «брюнхилдофильские» певцы; третьи (в роде «Краткой песни о Сигурде») стараются сохранить объективность и беспристрастие наподобие сказителей саг. В «Первой песне о Гудрун» Брюнхилд злобно отзывается о плачущей над мужем Гудрун.

25 Тут молвила Гудрунд Гьюкадоттир:
«Не смей, постылая, ни слова сказать.
Недолею доблестных долго была ты,
На волнах напасти вечно ты носишься,
Грозная кара семи конунгов,
Нагуба счастья для прочих жен».

В скорби по Сигурде Гудрун горько плачет и причитает, а Брюнхилд мечет искры из глаз и яд из ноздрей. Но большинство памятников совсем иначе оценивает Брюнхилд — невинную жертву злого рока и людского обмана.

Краткая песнь о Сигурде, 5:

Она в жизни не знала ни зла ни позора,
Ввек за собою вины не ведала,
Зла не делала и делать не думала:
Горю причиной — грозные порны.

А «Езда Брюнхилд в Хел» — сплошная апология воинственной и энергичной поленицы. Сообразно с таким поворотом симпатий в пользу Брюнхилд ее роль усиливается, и образ ее обрастает мотивами, заимствованными из скандинавского быта и религи-

озных представлений; ее переживания становятся увлекательной литературной темой. Вероятно, этому не мало способствовало и то, что ее личность отлично укладывалась в бытовой тип, сильно развившийся в эпоху викингов: это — «поленица» (см. Указатель), «девушка со щитом», одетая в кожаные брюки и сражавшаяся бок-о-бок с викингами. Действительно, в «Езде Брюнхилд в Хел» горная великанша бросает Брюнхилд упрек в том, что она на своем веку убила многих людей, а Брюнхилд ей отвечает:

- 5 Крив твой укор, баба из камня,
Хоть в войске ходила я прежде у викингов.
Выше тебя вечно я буду
Для всех, кто слышал про род наш славный.
6 Звали меня все, кто знали,
Дома в Хлюмдале «Хилд под шлемом».

Среди многообразных препятствий при «сватовстве к Брюнхилд» имеется, между прочим, одно, совершенно чуждое континентальным представлениям. Это — так называемый «скьялдборг», стена или заслон из щитов. В дошедших до нас песнях и сагах это понимается буквально, как ограда, построенная *Одином* из щитов вокруг спящей красавицы.

Езда в Хел, 9:

Скрыл за щитами в Скаталунде,
Красвыми, белыми; края сходились*.

Это — очевидно, поздняя версия. В бытовом плане «скьялдборг» — это заслон из щитов, который держат живые воины (см. примечание 34). Только такой заслон и представляет «препятствие»; а между тем, в главе XX нашей саги Сигурд входит за щитовую ограду совершенно свободно. Очень возможно,

* По другому варианту: «Красными, белыми, крепко спящую».

что первоначально для достижения красавицы надо было выдержать бой с вооруженными воинами, на что есть не мало указаний и в памятниках. Так, в «Плаче Оддрун» описывается, как Сигурд подъехал к крепости («борг») Брюнхилд. «Задрожали земля и небо» (так же, как при проскакивании через огонь), но испытание здесь другое:

17 Стали сражаться фряжскою сталью
И разбили борг, владение Брюнхилд.

В Волсунга-саге говорится, что для овладения Брюнхилд Сигурду пришлось убить каких-то людей по ее указанию (глава XXIX); это, очевидно, заимствовано из песни, до нас не дошедшей. Если вспомним, что в эпоху викингов вокруг вождя часто воздвигался скьялдборг (например, вокруг Олафа Святого в битве при Стикластадир в 1030 г.), то легко предположить, что «заслон» появился как бытовая черта для оживления картины боя, а потом был понят буквально.

3) В образе второй героини, женщины-мстительницы, исконное противоречие (Хротихилд-Хилдик) тоже разрешилось приспособлением к местным понятиям, по которым можно было мстить за братьев, но не братьям. Женщина, поднявшая руку на собственный род, была, очевидно, настолько неправдоподобным типом, что ее просто вычеркнули из сказания. Напротив, родовые связи были гораздо сильнее семейных, и женщина-героиня (Сигню, Гудрун) скорее убьет собственных детей, рожденных от чужанина, чем покусится на сыновей своего отца*. По-

* В «Краткой песне о Сигурде» (52) Гуннар грозит Брюнхилд высшим горем: «Достойна была бы ты, чтоб мы зарубили Атли у тебя на глазах, чтоб видела ты кровавое тело брата, перевязала ему сочащиеся раны».

этому Гудрун не участвует в убийстве братьев, а, напротив, мстит мужу, Атли, за их смерть. В немецкой же версии весь план убийства бургундов и задуман и выполнен ею. Мало того, в «Слове об Атли» (ст. 46—47) Гудрун сама берет меч и сражается за братьев против дружины мужа, убивает своего деверя и двух воинов. Так эпоха викингов превратила и Гудрун в «деву со щитом».

Гренландская песня («Речи об Атли») идет даже дальше этого, приписывая Гудрун участие в морском походе на восток вместе с братьями и Сигурдом (каждый правит своим стругом); там они убивают конунга, закупают землю; херсы (главари округов) в страхе им подчиняются. Словом — полная картина набега викингов конца IX и X веков, когда пираты уже не всегда довольствовались грабежом, а стремились осесть на захваченных землях; вспомним, что так возникли норманские державы на о-вах Северного моря, в Ирландии, Франции (герцогство Нормандское и графство Шартрское), в Англии и Сицилии (XI век) *. Итак, Гудрун окрасилась в цвета эпохи.

4) Вообще любопытно отметить, что ряд подвигов в наших песнях сопряжен с морским походом: Сигурд ведет струги против Люнги, Нифлунги едут к Атли по морю. Эта инсценировка, очевидно, введена под влиянием норвежских сказаний (о Волсунгах и Хелги), присоединившихся к нашему циклу (см. ниже).

5) Месть Сигурда за смерть отца — обычная черта бытовых саг — несомненно, присоединилась к сказа-

* Более раннее (середина IX века) образование такой же державы в России объясняется, по видимому, тем, что русско-варяжские князья прибыли из Швеции, где государство централизовалось раньше, и, стало быть, раньше появились «морские короли».

нию уже на исландской (или норвежской?) почве как неизбежный вывод из того факта, что Сигурду был приписан отец и что этот отец был кем-то убит. Самая форма мести, так называемый «кровавый орел» (см. Указатель: *Люнви*) — тоже продукт эпохи викингов; только в это время он и засвидетельствован.

6) Смерть самого Сигурда перешла на Север в двух вариантах: старом, с убийством на ложе (*«Краткая песнь о Сигурде»*), и более новом, с убийством на воле, повидимому, уже без участия Готторма, т. е. Годомара (*«Отрывок из песни о Сигурде»*). Немецкие варианты знают только последний тип. Эдда же прибавляет еще третий — убийство по дороге на тинг (народное собрание) (см. примечание 61). Такого рода эпизод вполне подходит к исландской бытовой обстановке.

7) Обряд побратимства (смещение крови в следах ног), которым Сигурд скрепил свой союз с Гьёкунгами (*«Отрывок из песни о Сигурде»*, 18), может быть, и восходит к древне-германским временам, однако, он не засвидетельствован в немецкой версии. Мы знаем, что среди викингов побратимство было весьма распространенным явлением. Достаточно процитировать биографию знаменитого поэта Тормода Колбрунарскальда (XI век), а также *«Боса-сагу»*, *«Сагу об Эгиле и Асмунде»*, *«Стурлаугс-сагу»* и многие другие. Побратим стал типичным персонажем исландской героической литературы*.

Чтобы понять интерес исландских земледельцев к подобным темам, надо прежде всего вспомнить, что сами викинги были плотью от плоти той крестьян-

* Относительно некоторых более мелких бытовых черт отсылаем к Примечаниям и к Указателю.

ской аудитории, среди которой бытовали эти песни и сказания. Викинг на зиму обычно возвращался в отчий дом. Его богатство шло на пользу роду, его ратная слава — тоже. Не одна мыза была куплена на серебро, добытое мечом, и владелец ее в старости непрочь был порассказать и послушать про прежнее привольное житье. Да и жизнь исландских бондов, безвыездно сидевших на земле, очень мало напоминала мирную сельскую идиллию, как читатель убедится из дальнейших книг этой серии. Он увидит, что не только воители, но и женские типы сказания о Нибелунгах вполне уместаются в рамках исландского быта X—XI века, что воинственный крестьянин и викинг близко соприкасаются друг с другом, часто даже совмещаются в одном лице.

§ 6. Религиозный элемент

Еще одним из важнейших отличий скандинавской версии является обилие религиозных языческих мотивов, которых почти нет в немецкой. Основное сказание могло содержать такие элементы только в составе своих героических мотивов, восходивших к седой древности; в исторических песнях (или сказках), легших в основу цикла, их быть не могло, так как все события разыгрались среди христианизованных народов (арнан-бургундов и католиков-франков). Немецкие памятники развивались в еще более пропитанной христианством среде и почти утратили то немногое, что еще оставалось от язычества: сохранились только намеки на происхождение клада от карликов (Алберих) и великанов да рассказ о мифическом кузнеце, сковавшем меч Сигурда. Утерялась даже «спящая красавица».

Все это не только уцелело в норвежско-исландских песнях, но еще обогатилось новыми элементами из специально скандинавских верований. Сюда, вероятно, относится культ *судьбоносных богинь* (норны, дисы — см. Указатель), о которых читатель найдет ряд упоминаний в Волсунга-саге. Хотя этот культ и являлся общегерманским, однако ни из чего не видно, чтобы эти существа фигурировали в основном сказании о бургундах. Они внесены фаталистическим мировоззрением эпохи викингов.

Все остальные религиозные элементы относятся так или иначе к культу Óдина, бога викингов и скальдов.

1) Уже в Эдде Óдин принимает деятельное участие в судьбах Сигурда. Переход клада в руки Хрейдмарова рода совершается при его участии. Выступает он здесь в качестве члена германской троицы, но состав этой троицы (вообще сильно варьирующий по племенам и эпохам) здесь носит чисто скандинавский характер. Хёни (или Хёнир) нам мало известен, но Локи, насмешливый, коварный и жестокий полудемон, — это продукция позднего норвежско-исландского, а, может быть, и собственно исландского язычества. Вся его фигура уже окрашена религиозным скептицизмом лукриановского типа*, и все сюжеты, в которых он участвует, не служат к особому возвеличению старых богов. Так и в «Речах о Регине» троица выставлена в весьма невыгодном свете: убивают неповинную выдру, попадают в плен, обязаны платить виру (позор!), золото добывают путем открытого грабежа. Нет ни малейшего сомнения в том, что все это — исландская прибавка к основ-

* О нем подробнее см. в примечаниях С. Свириденко к «Словесной распре Локи» («Эдда», изд. Сабашниковых, стр. 189—200).

ному сюжету, возникшая в те времена, когда старая религия уже приходила в шатание (конец X века). Пока земледелец еще держался старой религии Тора, а воин-купец призывал Óдина, многие исландцы уже принимали христианство или хотя бы «осеяли себя крестом» (так наз. «примсигнинг»), что давало им возможность общаться с христианами. Другие, как сказано, не верят ни в сон ни в чох, надеются на собственную силу и удачу. Это — время религиозных памфлетов, исходящих, однако, не из христианской, а из самой языческой среды, так как в них нет ни малейшего намека на новую религию.*

Наряду с этими элементами распада встречаются и традиционные представления об Óдине, что вполне естественно в эпоху брожения. Сюда относится вмешательство Óдина в судьбы своих избранников. Любопытно отметить, что это вмешательство встречается в Эдде только в мотивах, пристегнутых к циклу на Севере (поход против сынов Хундинга, смерть Синфьотли), но не в основных частях сюжета, пришедших с материка (см. Предисловие, § 10, 6).

2) Тесно связан с Óдином и культ *валкирий* (см. Указатель). Хотя этот культ воинственных богинь существовал и на континенте (как показывает одно древне-немецкое заклинание), но ни из чего не видно, что это представление соединялось в Германии с образом Брюнхилд; нет никаких оснований полагать, что «спящая красавица» на Таунусе была валкирией, тем более, что в немецких сказках о «спящей царевне» (см. «Сказки братьев Гримм»),

* Достаточно сравнить «Локасенну» или «Харбардсльд» в «Эдде» с христианскими полемическими стихами, например, в «Саге об Олафе Триггвасоне» (эпизод с Волси) или в «Орвар-Одд-саге», чтобы в этом убедиться.

№№ 50 и 111) нет ничего, указывающего на воинственность героини.

В Скандинавии же Сигурд стал участником мифа о валкирии Сигдрифе («движущая победу»), против воли Óдина даровавшей победу юному Агнару, а не старому Хьялмгуннару, за что она и была погружена в сон (см. Волсунга-сагу, гл. XX). Этот миф пересказан в прозе Эдды («Речи Сигдрифы»), но там цитируются стихи в доказательство того, что рассказ взят из песни. Правда, в «Речах Сигдрифы» валкирия нигде не отождествлена с Брюнхилд, но «Езда Брюнхилд в Хел» показывает, что это отождествление произошло задолго до составления сборника Старшей Эдды и соответствующего места из Младшей.

8 Был мной в те годы в Готских землях
Сивый Хьялмгуннар свержен в Хел... и т. д.

Делом рук Óдина является здесь и специфическое для северной версии «препятствие», *польмя*, горящее вокруг заколдованной валкирии. Большинство исследователей полагает, что «вафрлоги» — не что иное, как опоэтизированное северное сияние. Тем больше оснований считать его скандинавским аугментом сказания.

Очевидно весь миф существовал на Исландии в готовом виде и был притянут к сказанию о разбуженной Сигурдом Брюнхилд.

3) Валкирия оказывается сведущей в рунах и заклинаниях, в приготовлении чудодейственного питья. В «Речениях Вышнего» (см. пер. Свириденко, стр. 312) Óдин рассказывает, как в муках он выстрадал знание рун. Он — великий чародей, образ его — плод магического мировоззрения, столь интенсивного у се-

верных народов. Связано это также и с тем, что религия Óдина есть по преимуществу почитание высшей духовной деятельности, как залога человеческого величия. Сила Óдина происходит от мудрости, которую он почерпнул из источника Мимира; она противопоставляется грубой физической силе и прямой честности, составляющим основу морального мировоззрения поклонников Тора. К мудрости же относится и прозрение в сущность вещей, которое дано поэту (Óдин называется «великим поэтом» — *fimbulthulr*), и особенно магу, ибо магия в это время была единственным видом естествоведения и медицины (как врач, Óдин-Воден был известен и немцам). Попав в круг одинского мировоззрения, наше сказание начинает насыщаться одинскими мотивами. И Брюнхилд и Гудрун являются пророчицами; Гримхилд подносит питье забвения сначала Сигурду, потом собственной дочери (это особенно интересно, так как эти мотивы двигают действие); Гудрун и Костбера сильны в начертании и чтении рун; Сигурд понимает говор птиц; Гуннар игрою на арфе зачаровывает змей; жены Гуннара и Хогни разгадывают сны.

Сюда же относятся упоминания об оборотнях (Отр, Фафни) и вторжение этого мотива в самую канву сказания: оборотнем-орлом является Атли («Речи об Атли», 18); в змеином облике его мать убивает Гуннара («Плач Одрун», 30). Сам Óдин — мастер менять лик: у Снорри в «Речах Браги» мы читаем, что Óдин в виде змеи проник в гору к великанам, а в виде орла вылетел оттуда.

4) В этом же кругу идей вращаются и поучения, которые составляют все содержание «Речей Сигдрифы» (см. Волсунга-сагу, гл. XXI) и вкраплены

в «Речи о Регине» и в «Речи о Фафни» (см. Волсунгсагу, гл. XVIII, XX). Поучения эти (то моральные, то магические, то религиозные, то просто бытовые советы) совершенно соответствуют по духу тем, которыми полны песни об Óдине («Речения Вышнего», «Речи Гримни», «Речи Вафтрудни»), в «Речах о Регине» они даже вложены в уста Хникара-Óдина, который учит Сигурда распознавать добрые и злые приметы перед боем. И здесь мы всецело находимся в кругу *одинского мировоззрения*.

§ 7. Циклизация

а) Генеалогическая циклизация

Песни Эдды, в том виде, в котором они до нас дошли, не представляли отдельных, независимых повествовательных единиц: в сознании певцов и слушателей они были связаны с целым комплексом сказаний, далеко уже выходящим за пределы наследия VI века. Этот комплекс мы называем *циклом*. Из всех процессов образования такого большого эпического тела в сложении северной версии Сигурдова цикла преобладает *генеалогическая циклизация**.

Мы уже не раз упоминали о том, какую роль понятие рода играет как в Норвегии, так и в Исландии. До сих пор норвежские крестьяне помнят свою генеалогию на много поколений назад. Древние исландцы тщательно берегли память о предках, составляли длинные родословные таблицы (*landfedhgatal*); каждый род имел свою сагу; в бытовых сагах о глав-

* Биографическая циклизация была, повидимому, в большей своей части осуществлена еще на материке; а неясный пункт биографии Сигурда (две или одна поездка к Брюнхилд?) так и остался невыясненным.

ных действующих лицах почти всегда говорится, чьи они дети, чьи внуки. Человек в мирном обществе не мыслился отдельно от рода. Ясно поэтому, что и Сигурд, человек, «о коем слава не замолкнет, пока свет стоит», не мог оказаться без рода и племени. А как раз его происхождение и было позабыто, поскольку он из бургунда стал Франком. Кроме того, континентальное сказание не сообщало родословных сведений и о многих других персонажах. Исландские певцы и рассказчики, которым это казалось нелепым, деятельно принялись за восполнение этого пробела, ставя на нем заплатки из уже готового эпического материала местного и иностранного происхождения, а порой из продуктов собственной фантазии.

1) Генеалогическое упорядочение *внутри* основного сказания коснулось прежде всего Хогни (Хагена), который из дружинника бургундских королей превратился в их брата. Ему же был приписан и сын-мститель*. Далее, безродная Брюнхильд получила отца (Будли) и, главное, брата Атли, т. е. Аттилу. Это позволило связать ее смерть с убийством бургундов путем привычного и вполне бытового мотива родовой мести. Неизвестно, откуда взялась у Брюнхильд еще и сестра Оддрун.

2) Затем начинается генеалогическое расширение сказания в обе стороны, т. е. в сторону предков и потомков.

Предки Сигурда нашлись сами собой. Разве не гласило историческое предание, что он — сын Сигмунда? А сказание о славном герое Сигмунде Волсунге (дяде Фьотли) было уже распространено по

* У Хогни вырастает целая семья: жена Костбера, дети Сневар и Солар и свояк Оркнинг (в «Речах об Атле»).

побережью Немецкого моря (см. Приложение II); герой этот к тому же был змееборцем (яблочко от яблони недалеко падает). И вот змееборец Сигурд Сигмундарсон стал Волсунгом. Род хоть куда! Волсунга-сага и Эдда свидетельствуют о том, что про него ходило не одно сказание, пелась не одна песня. Как многие роды, и этот возводил себя к асам, в частности, к Óдину, вернее, был вовлечен в орбиту Óдина поклонниками этого бога. Последствия этого были разобраны нами в предыдущем параграфе. К сожалению, мы не знаем, где и когда возникло сказание о Волсунгах.

Несомненно, на норвежской или исландской почве произошло сцепление этого сказания с песнями о датском герое Хелги (см. Указатель), который из Халфданарсона путем той же генеалогической циклизации превратился в Сигмундарсона. Неизвестно только, кто был раньше притянут к циклу Волсунгов — Сигурд или Хелги. Как бы то ни было, у Сигурда появились единокровные братья — Хелги и неведомый Хамунд, о котором почти нигде не говорится*.

3) В сторону *потомков* сказание циклизуется путем привлечения другого общегерманского повествования о готском короле Эрманарихе (см. Указатель: *Нормунрек*). Скандинавская версия в общем и по имени и по ходу действия чрезвычайно близко подходит к ранним и поздним материковым вариантам, цитируемым нами в Приложении I, Г. В разрозненном виде эти варианты дают большинство мотивов, которые в Эдде составляют связный рассказ. Мы не можем здесь входить в скрупулезное обсуждение

* В «Эпизоде с Норнагестом» указано на его участие в походе против Лунгви.

всех отступлений и особенностей каждого памятника. Нас интересует только скандинавская обработка. Несомненной прибавкой является включение этого сказания в цикл Волсунгов путем придуманного родства между Сунндою (женщиной, умерщвленной Эрманарихом) и Сигурдом. Генеалогическая циклизация, орудующая в качестве связи все тем же мотивом «родовой мести», кроме того, сделала Сара и Аммиа детьми Гудрун от вымышленного для этой цели третьего брака. Остальные мотивы, которых нет у Иордана (злодейский нрав Иормунрека, убийство сына, ухаживание Рандвара за Сванхилд, клевета Бикки-Сибиха), скорее наводят на мысль о неполноте и пристрастности готского историка, нежели о фантазии немецких и скандинавских певцов.

Интересно отметить, что северные варианты совершенно еще не знают связи между сказанием об Эрманарихе и циклом Дитриха Бернского, который в немецких поэмах постоянно фигурирует как племянник Эрманариха*; видимо, это сцепление произошло после миграции сюжета на Север. Итак, немцы пристегивают этот сюжет к своему любимому циклу, а норвежцы (или исландцы?) — к своему.

Песни Эдды («Подстрекательство Гудрун» и «Речи о Хамди») показывают нам процесс уже в завершенном виде, да и старейший норвежский поэт, Брагискальд Боддасон (около 830 г.), в своей «Рагниарсдрапе» уже называет убийцу Иормунрека «родичами Гьюки». Итак, циклизация имела место не позже конца VIII века, а, может быть, и гораздо раньше.

* Напоминаем, что исторически это невозможно, поскольку Эрманарих умер в 375 г., а Теодорих Великий (Дитрих) правил Италией с 493 по 526 г.

б) Столкновение циклов

В таком виде цикл Сигурда стал одним из крупнейших и излюбленнейших циклов исландского эпоса. Популярность его сказывается ярче всего при *столкновении с циклами* туземной формации.

Одно из весьма интересных, хотя и мало изученных явлений в истории эпоса — это *сравнение героев*. Происходит оно тогда, когда рядом с традиционным циклом вырастает другой цикл (большей частью занесенный извне), и центральный герой этого цикла становится все более и более популярным, так как больше отвечает идеалу новой эпохи. Рано или поздно, это заставляет певцов сравнивать обоих героев и доводить свои решения до сведения публики. Любопытно отметить, что для этого в разных странах, совершенно независимо друг от друга, пользуются одним и тем же мотивом: «поединком между двумя национальными героями», причем побеждает герой более нового цикла (нового, разумеется, на данной почве). Таков бой Ильи Муромца (богатыря едва ли не финского происхождения) с Добрыней (героем киевской эпохи), таковы состязания Сигфрида с Дитрихом в поздних немецких памятниках («Сад Роз» и «Тидрекс-сага»).

Прибыв в Норвегию, наш цикл застал там старое сказание о герое-викинге, страшном, клыкастом Старкаде Сторверксоне*. Это — типичный поклонник Óдина, воин и поэт (сохранились песни, ему приписываемые). Óдин даровал ему три века жизни, и он с презрением смотрит на молодых героев. Побратима

* Имя это, конечно, не реальное: означает оно нечто в роде «Сила Подвигович» (ср. наши Хотен Блудович, Микула Селянинович, Сон Дремович).

своего, Викара, он по повелению Óдина собственно-ручно приносит в жертву своему богу. И вот в «Эпизоде с Норнагестом» (XIII век) рассказывается о встрече Сигурда с этим чудовищным бойцом. Сигурд и Гьёкунги выступают против сынов Гандалфа «В этом сражении можно было видеть некоего мужа, большого и сильного; убивал этот муж людей и коней, так что никто не мог устоять против него, ибо он был более похож на иотуна, чем на человека». По настоянию Гуннара Сигурд выступает навстречу этому «человечищу» и спрашивает, как его зовут; тот называет себя Старкадом Сторверкссоном из Фенхринга в Норвегии. «Сигурд сказал, что слышал о нем, но чаще всего это были дурные слухи, и что таких людей незачем щадить. Старкад молвил: «Кто этот человек, что так поносит меня словами?» Сигурд назвал себя. Старкад молвил: «Ты ли называешься Фафниробойцей?» — «Именно так!» — говорит Сигурд. Тогда Старкад пускается в бегство, но Сигурд мчится вслед за ним и взмахивает мечом-тем Грамом и рукоятью разбивает ему челюсть, так что падают из нее два зуба; то был молодецкий удар. Тут Сигурд приказал этому собаке-человеку убраться прочь. Тогда Старкад удрал, а я (Норнагест) подобрал один из зубов и унес с собой; висит он теперь на колокольном канате в Лунде в Дании и весит семь ауров (мера веса). После этого слышали мы еще о подлом деле Старкада, как он убил Аликонунга во время купания».

Здесь герой старого дикла подвергается не только поражению, но и оскорблениям. Такой рассказ возник несомненно, в эпоху наивысшей популярности Сигурда в скандинавских странах; он, вероятно, несколько старше саги, в которой сохранился. Но для

нас интересно не столько восхищение перед Сигурдом, сколько презрение христианина к Старкаду, идеальному герою морских добычников; оно уже само по себе показательно для новой эпохи; относится оно, вероятно, к тем же временам, что и так называемый «Викарсбалк» (начало XII века) — песня, в коей Старкад жалуется на непонимание со стороны молодого поколения, когда ему при дворе шведских королей «место дали между мальчишек, буйных насмешников с белою бровью».

24 Верно, смешно людям видеть
Мерзкие скулы, длинную морду,
Волчьи патлы, руки, как плети,
Шею шершавую, шрамы на коже.

В лице Старкада Сторверкссона новое, «европейское», поколение хоронит время скандинавской замкнутости, эпоху викингов.

III. ЭПОХА РЫЦАРЕЙ. — СВОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 8. Р е ц е п ц и я н е м е ц к о й в е р с и и

Многообразны были исторические факторы, приведшие в течение XI века к умиротворению северных морей и положившие конец привольной жизни морских конунгов. С одной стороны, много безземельных скандинавов осело в завоеванных норманнами французских и английских владениях. С другой — материк (с начала XI века) становился все более способным к обороне; стабилизация феодального строя с его могучей рыцарской конницей делала набеги на французские и имперские земли все более и более рискованными. Одно дело — разграбить английский монастырь, хитростью проникнуть в итальянский город и перебить испуганных торговцев или захватить врасплох и

с жечь мызу с деревянным бруствером; другое — очутиться лицом к лицу с сомкнутым строем всадников, с ног до головы покрытых железом. Необходимо стало в корне изменить все военные приемы, приспособить свои силы к новым отношениям.

На ряду с этим христианизация Норвегии (995 г.) и Исландии (1000 г.) открывала путь для более оживленного культурного общения с Югом и к вовлечению норманнов в сферу общеевропейской культуры. Грандиозную роль сыграло тут установление постоянных сношений с континентальной церковью, с Бременским архиепископством, даже с самим Римом. Церковь же не только создала в Норвегии и (что для нашей темы важнее) в Исландии интернациональное сословие, духовенство, но с середины XI века действительно была занята созданием общих интересов и у высшего воинского сословия всех стран. Очень скоро после начала крестовых походов (1095 г.) Норвегия оказалась втянутой в общий поток. В 1110 г. Сигурд-конунг Крестоносец берет Сидон. Там дружинники норвежского короля сражаются бок-о-бок с французскими, сицилийскими и немецкими рыцарями и приходят в восторг от пышности и учтивого обхождения при феодальных дворах. Сам конунг был поэт, и не один исландский скальд (например, Халдор Сквалдри, Эйнар Скуласон) сопровождал его в Палестину. У таких людей не могло не появиться интереса к рыцарской литературе, которая как раз в XII веке достигла апогея своего цветения. Эта литература начинает проникать к норманнам во все большем количестве, но сначала находит приют главным образом в Исландии, этой поэтической мастерской скандинавского севера. Главное условие для ее укоренения было подготовлено церковью: с конца

XI века начинает прививаться в Исландии латинское письмо, которое в начале XII века приспособляется для нужд родного языка. Многочисленные путешественники, крестоносцы и обучавшиеся за границей священники занесли на остров знание иностранных языков. Таким образом все необходимые предпосылки для перевода (включая и высокоразвитый художественный вкус) были налицо. И вот появляются саги о Троянской войне, о Тристане, Флоре и Бланшефлор, Александре Македонском, Карле Великом — словом, все излюбленные сюжеты рыцарской литературы. Вкус к этого рода произведениям усиливался по мере «европеизации» норвежского двора, с которым исландская знать всегда поддерживала сношения и к которому она становилась все ближе по мере роста влияния норвежских королей; особенно же усилился придворный дух в исландской литературе при Хаконе-конунге Хаконарсоне Старом (1217—1263), окончательно подчинившем себе Исландию. В эту же пору особенно увеличился приток сюжетов из Нижней Германии благодаря развившимся после образования Ганзейского союза (1241 г.) торговым сношениям.

Вместе с другим иностранным материалом прибыли в Исландию и Норвегию немецкие родственники сказания о Сигурде. Но как они с того времени изменились! Христианство и *куртуазность* наложили на них нескрываемый отпечаток.

1) Редцепция немецких версий началась незадолго до составления сборника Эдды (на рубеже XII — XIII веков); по крайней мере, на нем она сказалась весьма слабо. Есть только одна песнь, а именно «Третья песнь о Гудрун», которая обнаруживает континентальные элементы. Сюжет таков. После

смерти Гьюкунгов бывшая наложница Атли, Херкья, наклеветала на Гудрун, будто она изменила мужу с Тьодреком (Дитрихом Бернским); Гудрун утверждает, что с Тьодреком ее сблизило только горе (он лишился всех дружинников, а она — всех близких), и требует *божьего суда* в присутствии саксонского священника для доказательства своей невинности; ее руки, положенные в кипящую воду, оказываются невредимыми, а руки Херкьи — обезображенными; служанку бросают в гнилое болото. Сюжет в Германии не засвидетельствован, но в нем — следующие поздние черты: а) суд божий; б) убийство Гьюкунгов совершается при участии Дитриха (в «Песне о Нибелунгах» его дружинники убиты во время боя с бургундами), что имеется только в немецкой версии; скандинавская вовсе не связывает этих двух циклов; в) песнь, видимо, вовсе не знает мести Гудрун за братьев (мотив Илдики), свойственной скандинавским вариантам; г) наконец, имя Херкьи (исторической супруги Аттилы, Керки) утерялось в норвежско-исландской традиции, но все время держалось в немецкой (Хелхе в «Песне о Нибелунгах» и Эрка в «Тидрекс-саге»). Словом, «Третья песнь о Гудрун» есть чуждый нарост на теле Эдды.

2) Полностью немецкой является так называемая «Тидрекс-сага» (или «Вилкина-сага»), составленная в Норвегии около 1250 г. исландцем, дополненная норвежцем, причем оба автора пользовались «сказаниями немецких людей» и «былевыми песнями на немецком языке». Это — компиляция всевозможных сказаний, весьма слабо между собою скрепленных; нитью рассказа служит легендарное жизнеописание Тидрека (т. е. Дитриха Бернского); среди прочих сюжетов вкраплено сказание о Нибелунгах, чрезвычайно близ-

кое к знаменитой средне-верхне-немецкой «Песне о Нибелунгах» и ничего общего не имеющее с обработкой сказания в песнях Эдды. Главные отличия этой версии от скандинавской мы уже перечислили (см. §§ 3 и 4).

Но в этой связи нам важнее отметить обилие рыцарски-куртуазных мотивов, характерных для эпоса эпохи крестовых походов: пышное вооружение, гербы на щитах, любовное описание церемоний, роскоши; встречаются мотивы эротические и экзотические, занесенные с Востока, как, например, бой на слонах, приключения Аполлония Тирского и др. Поединки рыцарей часто носят характер не схваток на жизнь и на смерть, а спортивных состязаний, турниров; при этом состязаются не только в силе и ловкости, но и в великодушии и вежестве. Кровавый трагизм эпохи переселения народов здесь то-и-дело заменяется какой-то салонной игрой*. Словом, весь аппарат турнирно-рыцарского романа, плохо переваренного в торговой среде ганзейского города, где все это было только усладительной экзотикой, а не глубоким переживанием или действительной социальной проблемой (как в рыцарском замке XII века).

§ 9. Компиляция

Не только по тематике, но и по самой композиции своей Тидрекс-сага есть плод новой эпохи. Это — не фамильная исландская сага, выросшая на почве рода, ему дорогая и им хранимая, обладающая прочным традиционным остовом. Это — компиляция,

* Чрезвычайно характерен для этого жанра, например, эпизод главы 203, где Сигурд из дружбы к Амелунгу позволяет привязать себя к дереву, чтобы Амелунг мог похвалиться победой.

оторванная от почвы, с дверьми, широко раскрытыми для всякого нового сюжета. Тидрекс-сага не стоит особняком. Есть не мало и других продуктов особой научно-литературной среды, сложившейся в Исландии (и отчасти в Норвегии) к середине XII века и особенно расцветшей в XIII веке, в так называемую эпоху Стурлунгов. Отличительной чертой средневековых исландских ученых по сравнению с континентальными является то, что они столь же часто являются светскими людьми, как и духовными, что латинская наука там почти с самого начала стала достоянием мирян.

Вспомним, что первым исландским грамматиком был архитектор Торрод Гамласон (около 1100 г.). Да и духовенство там не составляло столь обособленной касты, как на материке. Для того чтобы это понять, надо вспомнить, что существовала известная социальная преемственность между новыми священниками и прежними «годами», жрецами. Жреческое достоинство, «годорд», принадлежало знатым родам: хофдинг или богатый бонд (фермер), выстроивший капище в своем поместье, сам становился жрецом при этом храме. После введения христианства он стал строить церковь и либо сам принимал священнический сан, либо сажал настоятелем своего родича*. Эти высокородные священники продолжали бывать в своем кругу, знакомили его с латинскими книгами, с письменностью иных стран. Многие из них обучались в Германии и Франции; а светские их родичи тоже нередко совершали путешествия. Таким образом создавались общие научные и литературные интересы. На рубеже XII и XIII веков уже кипела

* Нечто в роде «фамильных монастырей» в Германии эпохи Оттонов.

оживленная историческая, лингвистическая и литературоведческая работа на родном языке, который пользовался ничуть не меньшим почетом, чем латинский.

Упорно накапливали литературно-художественный материал, и систематизирующий ум исландцев старался разобраться в этом материале, привести его в порядок. Так возникают компилятивные сводки. Эта деятельность особенно усилилась благодаря покровительству и поддержке норвежского двора при Хаконе Старом; тут к исландцам уже присоединяются и норвежцы. Так, соединенными норвежско-исландскими силами была произведена сводка сказаний о Карле Великом, так называемая Карламагнуссага, подобной коей никогда не было в самой Франции. Компиляции всегда совершаются по определенному плану и под известным углом зрения.

Такого рода сводке подверглись и сказания нашего цикла: 1) в сборнике песен Эдды, 2) в «Слове об искусстве скальдов» (Skaldskaparmál) Снорри Стурлусона (см. Указатель: Эдда), 3) в «Эпизоде с Норгестом» (Nornagests-thátttr) из саги об Олафе Трюггвасоне и 4) в Волсунга-саге.

1) Старшая Эдда сводит вместе сказания об общегерманских богах и героях, причем первые расположены по старшинству богов (сперва три бога троицы, затем алф Виланд), а вторые — в порядке, созданном генеалогической циклизацией*. Однако история первых Волсунгов и подвиги Сигмунда не включены в этот генеалогический ряд, либо потому, что у компилятора нехватило материала, либо потому, что он сомне-

* С этим только исключением в пользу Хелги Хьярдвердссона, присоединенного по принципу сюжетного сходства (см. Указатель: Хелли).

валяся в исконности этих сказаний. В середине рукописи выпал один лист (16 стр.) между «Речами Сигр-дрифы» и «Отрывком из песни о Сигурде»; это — так называемый «Пробел». *Немецкий материал* в той или иной мере был известен компилятору (см. примечание 61). Помимо песен он, несомненно, знал *прозаические предания*, которыми пользовался, чтобы связать песни в единое целое. Эти предания в совокупности носили название «Саги о Сигурде Фафнисбани» еще в X веке, но существовало ли целостное повествование с установившимися границами сюжета — об этом мы не имеем сведений.

2) Снорри при сводке исходил из общего задания своей Эдды II, в частности, ее второй части, так называемого «Слова об искусстве скальдов», т. е. «Поэтики». Здесь он объясняет значение разных метафорических выражений (см. Указатель: *Кеннинг*). Дойдя до вопроса: почему «золото» называется «выкупом за выдру», он дает в главах XXXIX—XLII краткое и ясное изложение нашего сказания, начиная с места, соответствующего XIV главе Волсунга-саги, и до гибели сыновей Ионакра (см. Волсунга-сагу, гл. XLIV). Далее идет место, как будто свидетельствующее о знакомстве с Волсунга-сагой*, но возможно, что сам Снорри еще не знал Волсунга-саги и что вставка принадлежит редактору.

3) Более поздний «Эпизод с Норнагестом» дает совсем короткий компендий цикла, вложенный в уста трехсотлетнего старца Норнагеста, который якобы ходил в дружине Сигурда. Знакомство с *песнями Эдды* — несомненно, с Волсунга-сагой — вероятно, так

* Вот это место: «После Младого Сигурда осталась дочь, по имени Аслауг, что воспитывалась у Хейми в Хлюмдалир, и от нее произошли великие роды» (см. Указатель: *Аслауг*).

как после окончания рассказа о Волсунгах и Нифлунгах сейчас же начинается повесть о битвах сыновей Рагнара Лодброка. Отношение «Эпизода» к сборнику Эдды не совсем ясно: с одной стороны, он цитирует одно из примечаний собирателя Эдды почти буквально, с другой — он дает вариант «Езды Брюнхилд в Хел» в таком виде, точно он записал эту песню со слуха. Прибавлено кое-что, повидимому, из норвежских народных сказаний (например, эпизод со Старкадом, см. § 7, б). Опущены же все события после смерти Гьюкунгов, а о самой этой смерти упоминается в двух словах. Имеется ссылка на какую-то «Сагу о Сигурде Фафнисбани»: может быть, это была, действительно, сага, обнимавшая только биографию Сигурда; предположение (Эдгарди), будто автор знал какую-то часть рукописи Эдды, оторванную от целого, маловероятно.

Вообще вопрос о существовании нескольких текстов Эдды, возникающий в связи с расхождениями компиляторов, до сих пор не решен окончательно.

§ 10. Волсунга-сага

а) Сложение и источники саги

Так называемая Волсунга-сага в дошедшем до нас виде составлена в Норвегии приблизительно в середине XIII века неизвестным автором, без сомнения, исландцем.

Почти достоверно, что автор этот жил при дворе короля Хакона и, значит, вероятнее всего происходил из какого-нибудь видного крестьянского рода. Такие исландские царедворцы были нередки в Коунгахелле и порой достигали высоких почестей.

Это не мешало им сохранять непрерывную и тесную связь с родным островом, и можно думать, что такое произведение, как Волсунга-сага, стало известным в исландских поместьях вскоре после своего возникновения.

Заглавие «Волсунга-сага» нигде не значит, так как в основной рукописи Копенгагенской библиотеки (Ny Kgl. saml., 1824, in 4°) стерлись общее заглавие и заголовки 1-й главы, а остальные (бумажные) рукописи восходят к основной. Эта рукопись обнимает нашу сагу и «Сагу о Рагнаре Лодброке»*, полубогендарном морском короле конца VIII века, которая составляет продолжение сказания о Волсунгах. Формальная связь заключается в том, что Рагнар женится на Аслауг, дочери Сигурда и Брюнхилд, так что род Волсунгов продолжается в их сыновьях.

Взаимоотношение Волсунга-саги и Рагнарсаги было предметом научных споров. Мы даем лишь краткую сводку результатов. Во-первых, Рагнарсага существовала отдельно от Волсунга-саги в несколько распространенном виде, как доказывает фрагментарная ее рукопись (AM. ** 147, 4°), до сих пор не опубликованная. Этою сагою пользовался и Саксон Грамматик в своей истории Дании (XII век). Кроме того, в нашей рукописи над главой 45 (по некоторым изданиям — 43) значит недвусмысленное заглавие: «Сага о Рагнаре Лодброке». Ясно, что составитель

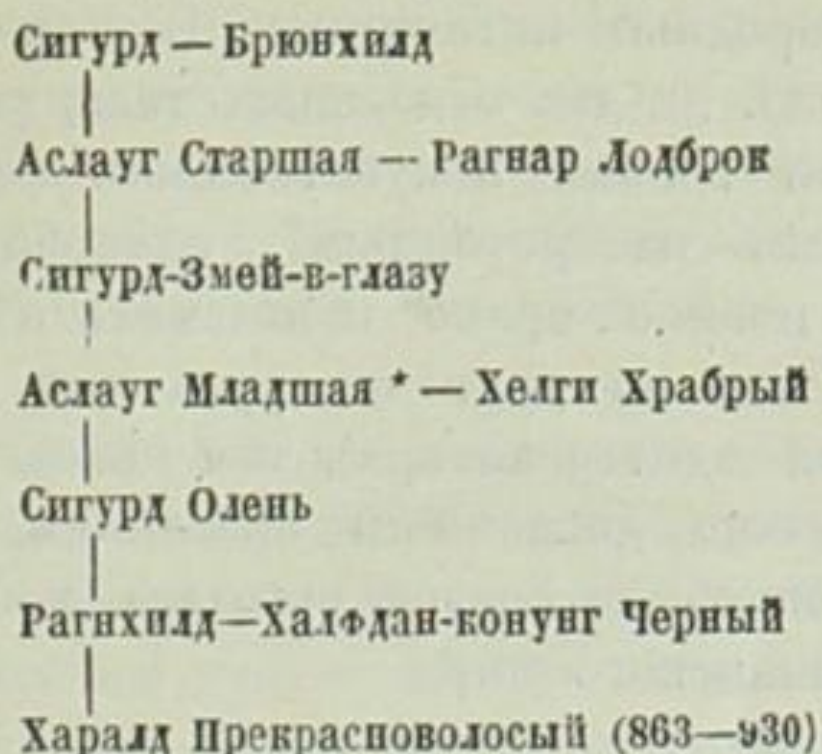
* «Лодброк» — «кожаные (или меховые) штаны»; кожаная одежда якобы помогла Рагнару в борьбе со змеем. Вообще же «лодброк» — прозвание воинствующих дев, полениц. Так как Рагнар был женат на такой женщине, то его сыновья могли получить свое историческое прозвище («сыны Лодброк») от матери, а затем оно было перенесено на отца (?).

** Из книг Арне Магнуссона в Копенгагенской библиотеке.

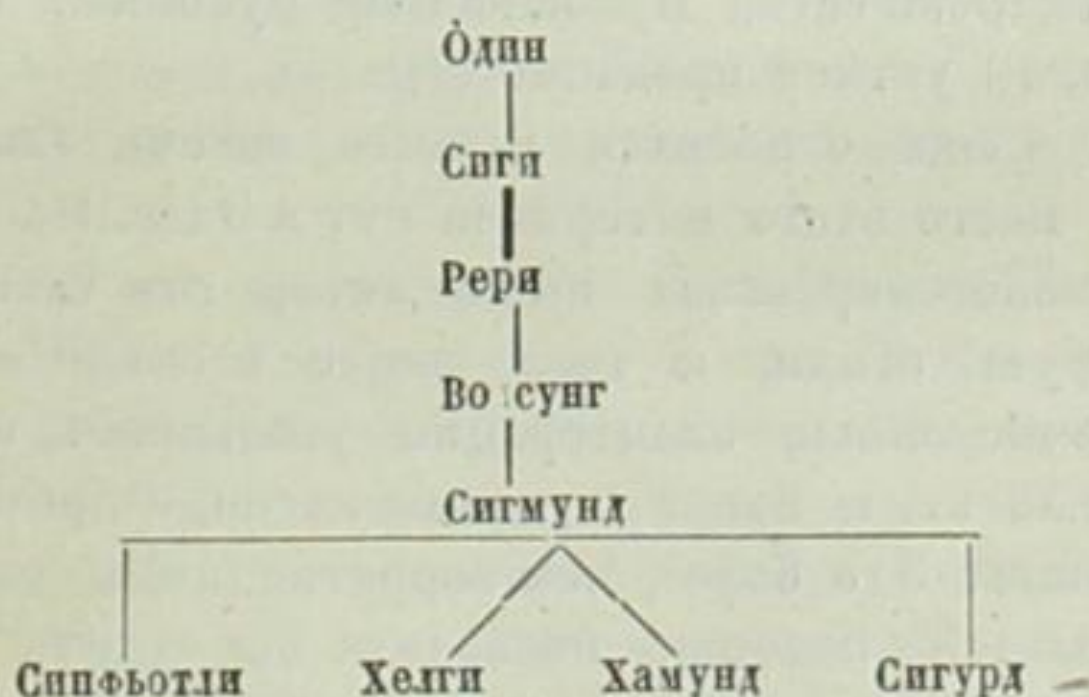
видел в последующем тексте отдельную сагу, которая является пересказом уже готовой повести, снабженной «висами» (строфами) скальдовского типа, в то время как в Волсунга-саге все стихотворные части написаны в так называемой эддической форме.

Во-вторых, Волсунга-сага задумана как праистория рода Рагнара и скомпилирована из разных стихотворных и прозаических источников. Так как норвежские короли возводили свой род по женской линии к этому Рагнару, то возможно, что сагописец работал по прямому поручению двора, собирая легендарную генеалогию властителей. Существовало ли фамильное предание о родстве Лодброкидов с Волсунгами или наш автор сам его придумал, — мы не знаем. Во всяком случае он не считал нужным особенно трудиться над связыванием обеих саг. В главе XXIX Брюнхилд неожиданно заявляет своему воспитателю: «Дочь моя от Сигурда, Аслауг, пусть воспитывается здесь у тебя». Но когда родилась эта дочь? И при каком случае могла она быть зачата? Из саги этого не видно. При первых двух встречах (главы XXI и XXIV) Сигурд и Брюнхилд только обмениваются клятвами, а при третьей (XXIX) обнаженный меч лежит между ними. После об Аслауг нет речи до самого начала Рагнарс-саги. Без сомнения, источники, которыми пользовался автор для Волсунга-саги, ничего не знали об Аслауг и Рагнаре, напротив, даже противоречили возможности продолжения рода Сигурда: ведь вся трагедия заключалась в том, что проклятый клад (наследство Змня) погубил два геройских рода (Волсунгов и Нифлунгов). Поэтому автор, видимо, следуя заданию извне, кое-как сшил два гетерогенных тела.

Получилась следующая родословная:

Через Сигурда оказывалась возможность возвести род королей к бессмертным богам.

В остальном же сагописец старался возможно добросовестнее передать традиционный материал, комбинируя источники, устраняя противоречия, опуская то, что считал несущественным.

Из этого следует, что, хотя пересказчик Рагнарсаги вероятнее всего тождествен с составителем Волсунга-саги, все же работал он в обоих случаях

* Возможно, что легендарная прародительница получила имя по исторической внучке.

Двумя совершенно различными методами и по совершенно разнородным источникам. Сам он смотрел на обе части, как на два отдельных тела, соединенных между собой весьма искусственным (может быть, им же самим изобретенным?) способом. Поэтому мы имеем полное право и издавать и переводить обе саги отдельно друг от друга (как два разных произведения одного автора), тем более, что вторая является только локальным сказанием, первая же по своим сюжетным связям выходит далеко за пределы скандинавского мира.

Источники Волсунга-саги распадаются на четыре группы: А) песни (и сказы?) о старых Волсунгах, Б) Тидрекс-сага, В) какая-то рукопись сборника Эдды, Г) устное предание (?).

А) Сюда относятся первые восемь глав нашей саги. Всего этого материала нет в Эдде. На лежащие в основе пересказа *песни* автор сам ссылается и цитирует стихи, к тому же и в самой его прозе многочисленные аллитерации указывают на разрушенный стих. Были ли, кроме песен, и прозаические сказания? Это более, чем вероятно, но, к сожалению, параллелей, которые позволяли бы судить об этом, не сохранилось. Англо-саксонский «Беовульф» только подтверждает родство Сигмунда с Синфьотли и совместные подвиги (см. Приложение II). Калфовы «Римы о Волсунге нерожденном» * охватывают как раз эту часть Волсунга-саги и вероятнее всего сложены по главам I—VIII, однако некоторые добавочные подробности таковы, что заставляют предполагать дополнительный (устный?) источник.

* См. § 11.

Б) Из главы 185 Тидрекс-саги, несомненно, заимствована вся XIII глава Волсунга-саги. Это — описание вооружения рыцаря, каких в Тидрекс-саге — множество, а в Волсунга-саге нет больше ни одного. Некоторые думают, что эта глава интерполирована в основной текст саги, что возможно, но не обязательно*.

В) Всего сложнее взаимоотношение между Волсунга-сагой и сборником Эдды. Спор шел главным образом между Саймонсом, утверждавшим, что Волсунга-сага пользовалась от главы IX до конца одной только писанной Эддой, и Вилкином, который стоял за непосредственное знакомство с песнями и за пересказ со слуха. Впоследствии (в предисловии к изд. Эдды 1906 г.) Саймонс, прежде (1876 г.) считавший все отступления произвольными вставками компилятора, признал возможность влияния «живой народной традиции».

Реальное положение таково: а) Начиная с IX главы Волсунга-сага парафразирует песни Эдды в том же порядке, в каком они стоят в сборнике; особенно показательное использование «Пророчества Грипи» (см. Указатель: *Грипи*) в том же месте, что и в Эдде. б) Есть совершенно дословные совпадения с прозаическими вставками сборника, принадлежащими перу составителя Эдды. в) Несомненно использованы песни: «Первая песнь о Хелги Хундингбойде», «Пророчества Грипи», «Речи о Регине», «Речи о Фафни», «Речи Сигдрифы», «Краткая песнь о Сигурде», «Вторая песнь о Гудрун», «Песнь об Атли», «Речи об Атли», «Подстрекательство Гудрун», «Речи о

* Это место ничем не связано с остальным текстом Волсунга-саги, что говорит за интерполяцию. С другой стороны, последняя редакция Тидрекс-саги, может быть, уже пользовалась Волсунга-сагой.

Хамди»; опущены: «Вторая песнь о Хелги», «Первая песнь о Гудрун», проза «Убиение Нифлунгов» (?) и проза ко «Второй песне о Гудрун», «Езда Брюнхилд в Хел», «Плач Оддрун». г) Мы считаем более чем сомнительным использование прозы «О смерти Синфьотли» в X главе Волсунга-саги: слишком велики расхождения. д) Цитируемые строфы буквально совпадают с Эддой, однако есть мелкие текстуальные расхождения. е) Исключение представляет строфа главы XXXII, близкая к «Отрывку из песни о Сигурде», но дающая явно другой вариант; так как нигде не видно прямой парафразы этой песни, то можно думать, что она не использована, а строфа взята из песен Пробела. ж) На месте этого Пробела в Волсунга-саге стоят главы XXIV—XXXI (по другим изданиям XXIII—XXIX), из коих некоторые, несомненно, являются парафразами песен (цитируются строфы). з) Все же в Волсунга-саге — много мотивов, отсутствующих в Эдде (см. ниже — Г).

Выводы из этих положений можно формулировать так: перед компилятором, несомненно, была рукопись сборника Эдды; эта рукопись была в лучшей сохранности, чем дошедшая до нас (не было Пробела); возможно, что это был другой список (с незначительными вариантами); опущение целых песен не доказывает, что состав рукописи был иной, чем тот, который нам известен; наличие дополнительных источников несомненно.

Песни Пробела составляют особую проблему эддологии. Спорным является количество утраченных песен (по Саймонсу 5 или 6, по Вилкину — 4); еще сложнее дискуссия Хеуслера, Бурд и Неккеля*;

* S i j m o n s, «Beiträge zur Gesch. d. deut. Spr. u. Lit.», III; W i l k i n, «D. Prosaische Edda», S. XLII; H e u s l e r, «Germani-

ваться в детали этого спора мы не видим необходимости, да в пределах краткого предисловия это было бы и невозможно. Вопрос так и остался нерешенным, равно как и то, где в основе текста лежит песня. Эдды, где иной (прозаический) текст, а где начинается собственное творчество компилятора. Мы даем лишь краткую характеристику частей, не входя в детальный анализ.

1) Текст Эдды обрывается в конце поучений Сигдрифы, так что исход свидания Сигурда с валкирией падает в Пробел. Его сообщает глава XXII Волсунга-саги: обручение с валкирией, которая здесь, как и у Снорри, названа Брюнхилд, что, может быть, стояло в заключительной прозе Эдды.

2) После (XXIII глава) автор вставляет вышеупомянутую часть из Тидрекс-саги; значит, в Эдде начиналась новая песнь.

3) Волсунга-сага — главы XXIV—XXV. Весь этот отрезок носит весьма куртуазный характер: встреча рыцаря, штат прислуги, богатое оружие и утварь; «куртуазнейший» (*kurteisast*) из людей Алсвин; приключение с соколом, залетевшим на окошко к вышивающей красавице, прием и угощение у этой дамы, друг, сторожащий перед домом; нежный разговор и флирт; затем никому ненужный *вторичный* (*af þuju*) обмен клятвами и обручение. Если в основе и лежала песня Эдды, то, очевидно, она сильно обработана в придворном духе; впрочем, такое идиллическое содержание песни (объяснение в любви) мало подходит к остальным песням той части Эдды, носящим трагедийный характер. Несколько странное впечатление

stische Abh. für H. Paul», 1 ff; Boer, «Zeitschr. f. deut. Altertum», XXXV, 464—483; Neckel, *ib.*, XXXVII, 19—20; Boer, «Untersuchungen» etc., 60 ff.

производит также мирное рукоделие Брюнхилд после противопоставления ее (за несколько строк до этого) рукодельнице Бекхилд. Все производит впечатление новенькой, блестящей части, плохо приделанной к старому остову.

4) В начале главы XXVI идет описание семейства Гьюки совершенно в стиле прозаических вставок Эдды.

5) Затем начинается первый сон Гудрун (см. примечание 47) в форме диалога, который отлично мог быть взят из какой-нибудь песни Эдды. Нет необходимости относить этот сон к немецкой традиции, а второй сон с оленем — к скандинавской: и сокол и олень встречаются в сновидении Атли во «Второй песне о Гудрун».

Между двумя снами — описание приема у Брюнхилд и великосветский разговор двух королевен. Заглавием главы XXVII эта сцена отделена от разгадки второго сна. Во всей этой части есть неувязки: во-первых, Гудрун едет к Брюнхилд, чтобы та разгадала сон о соколе, а сама рассказывает ей сон об олене; во-вторых, Брюнхилд живет уже не у Хейми, а в собственном золотом дворце, но вход к ней не сопряжен ни с какими препятствиями; нет пламени, о котором рассказывается сейчас же затем в главе XXIX. Ясно поэтому, что рассказ глав XXVIII и XXIX взят из другой песни. Сон с оленем, разгадка и пророчество Брюнхилд вполне подходят к структуре какой-нибудь песни в духе Эдды. Но как сны были связаны между собой? Была ли тут одна песня или две? Установить это, повидимому, не представляется возможным.³

6) Далее (главы XXVIII — XXXI) рассказ идет как будто без перебоев: женитьба Сигурда, сватовство для Гуингара, ссора королев, болезнь Брюнхилд

и подстрекательство к убийству Сигурда. К принятию здесь двух разных источников побуждает только одно обстоятельство. В первом же разговоре с Гуннаром в главе ХХХІ Брюнхилд рассказывает совсем другую версию сватовства, чем та, которая дана в главе ХХІХ: Гьюкунги будто бы грозились жечь и грабить, если им не отдадут невесты. Вероятно, стало быть, что «болезнь Брюнхилд» составляла предмет другой песни, нежели «езда сквозь огонь», а «ссора королев» (глава ХХХ) как причина этой болезни, вероятно, относилась ко второй песне. Последнее, впрочем, не совсем достоверно, так как в главе ХХХ (ссора) кольцо Брюнхилд названо Андваранат, как и в главе ХХІХ (огонь), а в главе ХХХІ (болезнь) — это совсем другое кольцо. Ясно, что автор сшивал какие-то лоскуты и не дошил.

7) Была ли последняя использованная песня началом «Отрывка»? Вероятнее всего — нет (см. выше, пункт е). После Пробела прямо начинается парафраза «Краткой песни о Сигурде».

Итак, мы видим, что вопрос о *количестве* песен весьма неясен; во всяком случае их было не меньше трех (сны — сватовство — болезнь). Почти несомненно прозаический источник описания семейства Гьюкунгов (вставная проза Эдды).

Г) Дополнительный источник или собственное измышление можно предполагать для глав ХХІV и ХХV. Одна песня («смерть Сигмунда») использована для глав ХІ и ХІІ; но более чем вероятно еще дополнительный прозаический источник для испытания благородства двух женщин в главе ХІІ.

Безусловно на старой традиции (неизвестно только, прозаической или песенной) основана и глава ХІІІ (смерть Рандвера и Сванхилд).

б) Поэтика

В виду неизвестности дополнительных источников очень трудно судить, что из образного или сюжетного материала привнесено автором саги.

В конструкции сюжета он следовал генеалогическому порядку, парафразируя песню за песней, побывальщину за побывальщиной. Только пересказ «Речей об Атли» он пересыпает парафразами «Песни об Атли». Все ретроспекции и пророчества, встречающиеся в песнях, он сохраняет, хотя в связном рассказе они излишни и только ослабляют интерес читателя. Выбрасывает он большей частью целые песни. Не очень он заботится, как мы видели, об устранении противоречий и неясностей: ведь даже Аслауг (ради которой, собственно говоря, он и затеял всю компиляцию) он не сумел ввести сколько-нибудь убедительным образом. Поучительную часть он несколько сокращает: из песни о рунах (гл. XXI) он цитирует 14 строф вместо 19; слегка укорочены и советы (гл. XXII). Сильно урезаны «речи соек» (гл. XX). Совершенно опущены поучения Хникара из «Речей о Регине». Напротив, описательные части в рыцарски-куртуазном духе им вставлены в угоду вкусам придворной публики.

Несмотря на не очень умелую композицию, можно все же обнаружить следы некоей общей идейной концепции, которую лучше всего назвать «фаталистической». Несколько раз, независимо от источника, автор повторяет, что никто не может «противиться судьбе». Но судьба эта не индивидуальная, а родовая. Такую концепцию мы находим у исландцев и в бытовых, фамильных сагах, и, несомненно, оттуда она перенесена в героический эпос. Судьба рода в лице Óдина

несколько раз вмешивается в действие там, где Эдда и Снорри ничего подобного не знают: при выборе коня, при убийстве змея, при смерти Хамди и Сорли. Если даже два первых случая могли бы быть заимствованы из каких-то внешних источников (?), то последний, несомненно, принадлежит перу нашего автора, который искал текст Эдды (см. примечание 71).

Таким образом генеалогический принцип составления саги формирует сюжет и внутренне его связывает: родоначальник пресекает род.

В обработке персонажей мы находим только одну черту, которую следует отметить: это — легкая реалистическая тенденция. Брюнхильд нигде не названа валкирией, в противоположность Эдде и Снорри; ее «полюмя» — какой-то безвредный механизм, автоматически потухающий, когда надо; ограда из щитов тоже весьма безобидна. Следуя, очевидно, за песнями исландской формации, автор «психологизирует» сюжет. Что, однако, здесь принадлежит ему, а что — песням, сейчас решить невозможно.

в) *Стиль*

Об особенностях этого стиля легко судить по изменениям, внесенным компилятором в основной стиль Эдды.

Из отрицательных изменений следует отметить уничтожение всех фигур, характерных для стиля древне-германской поэзии.

а) *Вариация* (т. е. повторение разными словами одной и той же мысли с небольшими изменениями) заменяется краткими (сообщительными) выражениями.

Подстрекательство.

Гудрун, 3:

Не родились вы равными родичам Гуннара,
Или храбрыми духом, каков был Хогни;
Мыслили б вы ныне о мести,
Будь у вас сердце братьев моих
Или крепость в груди, как у конунгов гунских.

Волсунна-сага, глава XLIII:

Нет в вас духа Гуннара и Хогни: отомстили бы они
за свою сестру.

б) *Кеннинги* (см. *Указатель*) все раскрыты, т. е. заменены основными образами.

Краткая песня о Сигурде, 24:

«плава в крови друга Фрейя».

Волсунна-сага, глава XXXII:

в ею (Сигурда) крови.

в) *Эпитеты* устраняются в значительном количестве.

Вторая песня о Гудрун, 2:

Таков был мой Сигурд пред семенем Гьюки,
Как зелен порей пред прочим зельем,
Как олень стройноногий пред (стаей) зверья,
Как светлое золото пред серебром серым.

Волсунна-сага, глава XXXIV:

Так возвышался он надо всеми людьми как золото
над железом, или порей над прочим зельем, или
олень над прочим зверьем.

г) *Фигуры повторения*, которых, впрочем, мало и в *Эдде*, устранены совершенно.

В результате — речь, почти лишенная образных и фонетических фигур.

Положительные изменения заключаются главным образом в тех особенностях, которыми вообще поздняя исландская проза отличается от древней поэзии. Кое-что свидетельствует о неумелости автора (2).

1) В области лексики следует отметить слова, внесенные *рыцарской* средой (отсутствующие в Эдде): «куртуазный» (kurteiss), «вежество», «куртуазия» (kurteisi), «придворное обхождение» (hoeverska), «рыцарь» (riddari), «ленный сеньор» (lápardrótinn), обращение «господин мой» (hegga mín).

2) Частое употребление praesens historicum попеременно с прошедшим. Мы в общем сохранили эту манеру в переводе; но в тех случаях, когда настоящее явно заменяет отношение, по-русски выражаемое прошедшим совершенным (которого нет в древне-исландском), мы употребляли перфект.

3) Переводческую проблему представляет *постпозитивный член*: madhr = Mann, madhrinn = der Mann. Казалось бы, что его нужно опускать так же, как мы опускаем препозитивный член в переводах с немецкого, французского, английского и т. д. Но дело в том, что в древне-исландском этот член является *особенностью прозы в отличие от эддической поэзии*, где он вовсе не употребляется. Так как наш текст является соединением этих двух стилей, то и нам казалось необходимым выделить разницу. Поскольку в русском языке имеется постпозитивный член (старик-от, бабы-те и т. п.), то мы ввели его в прозу Волсунга-саги; а для того, чтобы устранить слишком простонародную окраску, мы восстановили его склонение (меч-тот, меча-того, мечу-тому), обозначив черточкой его энклитическую природу (т. е. утерю

ударения) *. Конечно, мы вводили эту форму гораздо реже, чем это встречается в тексте, для того, чтобы не создавать впечатления искусственности и надуманности там, где оригинал такого впечатления не производит; нам, как сказано, важно было только наметить особенности прозаического стиля.

4) Очень часто встречается в *Волсунга-саге* *полисиндетон* (целый ряд предложений соединен союзом *и*); мы это сохранили.

5) В первом лице часто употребляется «множественное скромности» (*pluralis modestiae*), что мы сохраняли там, где не получалось двусмысленности, и там, где это не должно было быть обязательно воспринято русским читателем как *pluralis majestatis*.

6) Во втором лице «вы» часто чередуется с «ты» не только в обращении к тому же лицу, но даже в одной фразе. Это — явление, обычное в средневековой церковной и придворной литературе всех европейских народов. Мы сохранили это опять-таки там, где это не вредило пониманию.

7) Прямая речь иногда перебивает косвенную, что производит впечатление анаколуфа.

8) Порядок слов — в древне-исландском столь же свободен, как и в русском, и мы сохранили эту свободу, в особенности там, где она близка к строю разговорной речи («устроил пир в честь его великий»). Вообще при переводе мы держались принципа передачи форм, обычных для скандинава, формами, обычными для русского, но считали необходимым подчеркнуть то, что является особенностью жанра (3) или социально-диалектическим элементом (1, 5,

* Определенный член во всех европейских языках есть указательное местоимение, утерявшее ударение и примыкающее к имени.

6). Не сочли мы также нужным устранять элементы разговорного языка (2, 4, 7), т. е. заменять несколько неуклюжий синтаксис гладкими периодами.

Вообще, для того чтобы правильно оценить стиль Волсунга-саги, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, исландская проза сложилась в неграмотной крестьянской среде без латинской школы, без всякого влияния античной риторики, чем сразу определяется своеобразие этой прозы по сравнению с другой европейской литературной. Во-вторых, она первоначально предназначалась для устного изложения. Все это по традиции передавалось и позднее (написанной) саге. Отсюда ее упрощенный синтаксис, в котором сочинение сильно преобладает над подчинением. Отсюда и некоторые особенности разговорного языка, производящие на письме впечатление неуклюжести (см. выше пункты 2, 4, 7), но очень обычные в повседневной речи. Отсюда известное сходство языка саги со стилем нашей *крестьянской повести*, особенно с манерой северных русских сказочников. Это впечатление не ослабляется от некоторых иностранных рыцарских выражений (см. пункт 1), которые сами, напротив, на основном фоне кажутся чужеродными телами.

г) Стихосложение

Так как текст наш по преимуществу прозаический, то мы сообщаем из скандинавской метрики только то, что необходимо знать для правильного чтения стихотворных вставок.

Древне-германский стих принадлежит к *тонической* системе: ритм определяется количеством ударных слогов; количество безударных — свободно; расположение ударений в стихе — тоже. Для всякого

Древне-германского стиха обязательна *аллитерация*, т. е. созвучие начальных звуков слов (например, *память; полный*); имеются ввиду только начальные звуки первого ударного слога, так как в германских языках *аллитерация при безударных* не слышится*. В этом — отличие германской аллитерации от русской, которая может опираться на словораздел без ударения: вполне слышны такие созвучия, как: «растет радость», «стремительным строем» и т. п. В принципе мы поэтому считаем, что можно в русском переводе заменить ударные аллитерации безударными; однако на практике мы этого избегали, за исключением очень явственно слышных звуко сочетаний («брось в братину порею»). Безударные аллитерации применены только в качестве роскоши при ударных:

Рушатся горы, гибнут горышки.

В нашем тексте встречаются следующие размеры:

1) *Фориюрдислаг*.

Так называемый «долгий стих» состоит из двух полустихов, разделенных цезурой. В каждом полустихе по два главных ударения; если в полустихе есть три ударения, то одно из них ослабляется, отчего возникает групповое ударение, в роде «добра коня», «во чистом поле».

Не родились вы равными родичам Гьёки.

Мчался Грани с тинга: слышен был топот.

Полустихи соединены между собою аллитерацией, так что в каждом полустихе должно быть одно из

* Начальные гласные звуки в германских языках все образуют созвучие: *a, u, y* и т. д. все аллитерируют между собой, так как перед ними слышался согласный призвук (*Spiritus lenis*). По-русски этого нет, и мы сочетали только одинаковые гласные в аллитерирующую группу, кроме стр. 130, ст. 9, где аллитерируют скандинавские имена.

аллитерирующих слов: «тинга», «топот», но часто созвучных слов бывает больше, чем два: особенно часто 2 и 1.

Слогов в полустихе бывает от 2 до 7. В Эдде (по изд. Гёринга) — такие цифры:

Число слогов	2	3	4	5	6	7
Число случаев (стихов)	2	79	4347	1635	170	4
Процентное отношение	0,1	1,2	69,7	26,2	2,7	0,1

Стихов в строфе большей частью четыре; но бывают отступления. Из более коротких строф большинство, вероятно, дефектны. В общем в Эдде — картина такая:

Число стихов в строфе	2	3	4	5	6	7
Число случаев (строф)	45	55	606	55	23	4
Процентное отношение	5,7	7,0	76,9	7,0	2,9	0,5

2) *Льодахатт*.

В строфе чередуются «долгие стихи» (см. выше) с так называемыми «полными стихами». «Долгие стихи» обладают приблизительно той же структурой, что и в Форнюрдислаге, но трехударные полустихи встречаются чаще, что отражается и на силлабизме; в особенности второй полустих несколько длиннее.

Число слогов							
в полустихе	3	4	5	6	7	8	9
В первом полустихе							
(процент случаев)	11,2	39,2	36,9	10,6	2,1		
Во втором полустихе							
(процент случаев)	1,1	14,0	40,9	32,0	9,9	1,5	0,6

Средняя длина полустиха: в Форнюрдислаге — 4,3 слога; в первом полустихе льодахатта — 4,5, во втором полустихе — 5,4.

«Полные стихи» бесцезурны, содержат большей частью 3, реже 2 ударения.

Число слогов в полном стихе	4	5	6	7	8	9
Процентных случаев	1,3	29,9	39,0	19,0	8,0	2,8

Средняя длина стиха: 6,2 слога. В каждом полном стихе должно быть от 2 до 3 аллитерирующих слов.

Строфы большей частью состоят из 4 стихов (реже 2 или 6), причем долгие и полные чередуются: *Д, П, Д, П*.

На роге их режь и на кисти рук (*Д*).

И пометь на ногте «Науд» (*П*).

Полустрофа *Д П* составляет неделимую единицу: если в строфе — нечетное количество стихов, значит, она дефектна.

3) *Галдралаг* — разновидность льодахатга, состоящая в том, что после долгого стиха (*Д*) бывает больше, чем по одному полному (*П*); например *Д ПП Д П П, Д П П П* и т. п. (пример: Волсунгсага, стихи 89—95).

В прозе Волсунгсаги много разрушенных (прозаизированных стихов), в которых, однако, видны следы аллитерации: мы сохраняем эти следы там, где смысл этим не нарушался.

§ 11. Версификация саг

Начиная с XIX века, появляется в Исландии новый поэтический жанр, форма коего заимствована из латинских гимнов. Это — так называемые «римы» (*гíтург*), строфические силлабо-тонические стихотворения с конечной рифмой, причем, однако, свойственная исландской поэзии аллитерация не только сохраняется, но удерживает урегулированное скальдами

положение: в нечетных стихах *два* аллитерирующих корневых слова (так называемые «подпорки»), в четных — *одно* («главное созвучие»), но аллитерация — непременно на первом ударном слоге. Например, наиболее распространенная форма (*ферскеут*) звучит так:

Римы о Волсунге Нерожденном:

Один жаден был до эсен.
Жаль, ему нет равных.
Чад зачал не мало он,
Чтимых и преславных.

Эти римы складываются по книжным текстам, в частности по сагам, и носят совершенно литературный характер. Таковы и «Римы о Волсунге Нерожденном» некоего Кялфа (начало XV века), составленные по первым восьми главам Волсунга-саги*. Сначала римы просто распевались под музыку; затем ими стали сопровождать танец: они превратились в баллады. Но исландские народные баллады отличаются от рим отсутствием аллитерации, более простонародным стилем и обилием вариаций. В общем переход от римы к героической балладе (кемпевиса) — постепенный. На Ферейских островах сохранились баллады («Песни о Шууре»), столь связные, с такой полнотой передающие свой литературный источник, что они мало чем уступают римам.

Для этих ранних баллад (XIV—XV век) характерно *смешение традиций*, скандинавской и немецкой. Мы видим, что в классическую эпоху собирания обе версии соприкасались (были известны одному и тому же лицу), но почти не смешивались. По мере

* Изданы в приложении к Эдде — ed. Möbius, Lpz., 1860.

распространения Тидрекс-саги, которая имела большой успех, немецкие элементы все больше проникают в норвежско-исландский извод. Это, надо полагать, еще усилилось после Кальмарской унии 1397 г., когда оживились сношения с Данией, где была, повидимому, распространена немецкая версия (преимущественно вторая часть, гибель бургундов). И вот в Ферейских «Песнях о Шууре» обе традиции совершенно перемешались, элементы Волсунга-саги, Младшей Эдды и Тидрекс-саги непрерывно скрещиваются. Примеры: Сигурда (Шуура) убивают на охоте, когда он пьет воду (немецк.), но Брюнхилд умирает вместе с ним (исландск.); Гудрун мстит братьям (немецк.), но сын Хогни убивает Атли (исландск.); Дитрих побеждает Хогни (немецк.), но Хогни, не вассал, а сын Гьюки (исландск.) и т. д. Это, однако, все еще следы живого эпического обмена и развития цикла. Рядом с этими песнями на тех же Ферейских островах есть баллады, испытавшие на себе все последствия устной крестьянской традиции.

VI. ДЕРЕВЕНСКАЯ СРЕДА. — ДРОБНЫЕ ФОРМЫ И ОТМИРАНИЕ ЦИКЛА

§ 12. Дробление цикла

Усиление городов, увеличение их экономической, политической и культурной роли имело для скандинавской литературы те же последствия, что и для континентальной. Сперва горожане питаются рыцарским, дворянским литературным материалом, затем сами участвуют в его разработке; потом переживают период реакции против устарелых художественных форм и, наконец, в эпоху гуманизма и ре-

формации (XV — XVI век) вырабатывают специально городские формы. Этот процесс связан с образованием все большей культурной пропасти между городом и деревней, не успевающей за быстрой культурной эволюцией бюргеров. Так возникает представление о деревенском жителе, как «менее образованном», отсталом члене общества. В области литературы это сказывается в том, что вышедшие из моды жанры становятся достоянием этих менее образованных деревенских слоев. Некрасовский мужик несет с базара давно уже никем не читаемого «Англинского Милорда», написанного «жителем города Москвы» в конце прошлого века.

Так было и с памятниками героического и рыцарского эпоса в высших интеллектуальных кругах скандинавских городов (между прочим, и в Исландии, после Кальмарской унии вошедшей в общее скандинавское тело): старые предания читались только отставной публикой, а истинным «литератам» могли давать разве только пищу для юмора (см. ниже § 13 «Скидарима»).

Постепенно вытесняемые гуманистической и лютеранской литературой, старые саги читаются на мызах. Там они версифицируются и приспособляются к эстетическим потребностям деревни, главным образом к пляске. При этом происходит процесс, обратный прежней компиляции: дробление цикла на отдельные (хороводные) песни, обладающие все увеличивающейся центробежной тенденцией.

Процесс дробления по существу заключается в том, что связь между эпизодом, воспетым в отдельной песне, и сквозным сюжетом извода постепенно теряется в памяти певцов. По мере перепевания такая оторванная песня переживает ряд изменений,

все более отдаляющих ее от первоначального извода; она проходит через различные стадии дробления. Процессы, с этим связанные, подробно описаны нами в другом месте*. Здесь мы ограничимся несколькими примерами. О Сигурде поют на Ферейских островах, в Норвегии, Дании и Швеции. Наиболее сохранный является ферейская традиция: там поются повествовательные песни (так называемые «Sjurdhar Kvaedhi») по 250 строф, да к тому же сохранилась еще порядковая связь между этими длинными песнями. В остальных скандинавских землях поются баллады различной величины, вплоть до 1 строфы.

К такому уменьшению размера ведут следующие процессы.

а) Сокращение личного состава. Приведем две таблицы действующих лиц.

Ферейские баллады: «Рейн кузнец» и «Брюнхилд»**: Сигурд, Сигмунд, Хьордис, Хьялпрек, Регин, Один (безымянный старик), Хундингвичи, Фафни (Френ), сойки (орлицы) Брюнхилд, Будли, Гьюки, Гримхилд, Гуннар, Хогни, Гудрун; добавочные лица: мальчики, Гроймор (выпали: Атли, Хейми, может быть, Готторм).

Датская баллада о Брюнхилд: Сигурд, Брюнхилд, Хоген, Гудрун (Сигнид).

Есть баллады с еще меньшим личным составом.

б) Выпадение имен: имена забываются — в шведской балладе о Сигурде фигурирует «девушка» вместо Брюнхилд и «датский король» вместо Гуннара.

* См. Я р х о, «Сказание о Сигурде» и т. д., «Русский филологический вестник», т. 72, стр. 331; т. 73, стр. 108 и сл. Там же указана и литература.

** Мы даем все имена в древне-исландской форме, чтобы читатель мог их узнать.

в) Слияние функций. В вышеупомянутой датской балладе о Брюнхилд — Сигурд уступает невесту Хогни, так что Гурнар и Хогни сливаются в одном лице. Затем происходит ссора жен (Брюнхилд и Сигнилд) и убийство Сигурда.

В другом варианте той же баллады обе женщины сливаются, и Сигурд достает с горы «барышню Сигнильдопку» (т. е. Гудрун), а Брюнхилд совсем исчезает.

г) Концентрация и выпадение мотивов. Баллада стремится к сжатости. Ход действия ускоряется, и события, разделенные годами, группируются вместе. В одной норвежской балладе о Сигурде:

Сигурд скачет чрез Рейнский поток.
У Грани сломалась нога.
Опустил он в воду ларец со златом.
Не вернул он его никогда.

Сломанная нога взята (в измененном виде) из старого норвежского предания, а погружение золота в Рейн перенесено с Гьюкунгов на Сигурда; все сконцентрировалось в одном моменте.

В одной датской балладе о Сигурде утерялось все (даже некогда центральный мотив — «убийство Сигурда»), и осталось только падение с лошади: Сивард Лихой Молодец заставляет коня прыгнуть на пятнадцать локтей выше самой высокой стены и убивается насмерть.

Таким образом теряется самая основа сказания и остается только одно имя; если оно позабудется, то узнать в этой балладе цикл Нибелунгов будет невозможно.

д) Перенос функций. Если связь между частями сюжета наполовину позабыта, то могут возникать любопытнейшие перестановки внутри отдельных эпизодов. Так, в Дании, насколько мы можем

судить, издавна была распространена немецкая версия цикла, причем в центре стояла вторая часть, т. е. гибель бургундов («известнейшее Гримхилды противу братьев вероломство»); симпатичным героем этой части был Хаген (Хогни). На острове Хвене эту часть знали, а первую (убиение Сигфрида) помнили слабо, и вот что получилось в так называемой Хвенской хронике (основанной на народной версии): Сигфред женится на Гримхилд, сестре Хогена, которая не хочет разделить с ним ложа (т. е. переняла функцию Брюнхилд, причем в Сигфреде слились Сигурд и Гуннар); Хоген, переодевшись Сигфредом, укрощает сестру и делает ее покорной Сигфреду (перенос функций с Сигурда на Хогни); но Сигфред гнусно соблазняет жену Хогена Глуну (реминисценция ложного обвинения против Сигурда и перенос функций с Гуннара на Хогни); за это Хоген убивает подлого Сигфреда, как собаку, а Гримхилд мстит брату.

Такая «перемена симпатий» тоже очень характерна для дробной традиции, но встречается и в компактных циклах.

е) Смещение циклов. В результате распада цикл теряет всякую силу сопротивления. При соприкосновении с другим циклом от него отрываются целые куски, и подвиги Сигурда переносятся на других героев, более популярных. Приведем только один пример: в некоей датской балладе о Дитрихе Бернском (Сборник Абрахамсона, № 5) не Сигурд убивает змея, а змей Сигурда, и Дитрих за него мстит. После теряется уже и Дитрих, и мстителем за Сигурда выступает местный удалец Петер Риболдсен. В одной норвежской строфе Гудрун утирает раны героев, павших... при Ронсевале. В эпоху роста

цикла вокруг основных деяний героя начинают накапливаться все новые и новые подвиги; при отмирании происходит обратное явление. Соприкосновение с другими циклами, прежде столь благодетельное, для больного организма становится губительным.

§ 13. Комическая реакция

Дробление цикла приводит, как мы видели, к понижению личности героя во мнении певцов и слушателей, к утере популярности. Такому развенчанному герою чрезвычайно легко совершить знаменитый шаг от великого к смешному. В европейских циклах комическая реакция чрезвычайно часто сопряжена с мотивом «пира героев», на котором они едят, пьют, пляшут или ухаживают за героинями; этот мотив известен под названием «Соепа Сургіані» (латинское стихотворение IX века, где на такой комический пир собираются библейские персонажи)*. Засвидетельствован такой пир и в цикле Роланда**, и в одной немецкой пародии на песни о Дитрихе («Кольцо» Виттенвейлера).

В Исландии мы встречаем такой пир со всеобщей дракой асов и героев в «Скидарима» Сигурда Тордарсона (XV век), где, между прочим, участвуют и персонажи нашего цикла. Но это — продукт литературный, выросший на почве *городской культуры*.

В деревне эта струя появляется позже. На Ферейских островах поется баллада про женитьбу Ойсмала, где наши герои собираются на свадьбу:

* Украинский вариант, так называемый «Студные Канты» — см. «Русский филологический вестник», 1913 г.

** «Песнь о Роланде», издание «Academia», Предисловие, § 4, а.

А Шуур, тот с Брихпид
Все глаз не спускал.
Опрокинул он на скатерть
Золоченый бокал.

В другой ферейской балладе встречается пляс старых героев, которые выступают в обличи неуклюжих великанов. Там пляшет и Шуур Сигмондарсон, заткнувши за пояс целый дуб. Такой же пляс есть и в шведской балладе «Граф Гунселин» (Сборник Арвидсона, № 6).

35 Поднялся тут шум от Нире до Слэ —
Герои в пляс пошли:
У меньшего было пятнадцать аршин
От колена до самой земли.

§ 14. От предания к поверью

Но с этим мы уже переходим к другой, не менее интересной метаморфозе наших героев. Речь идет о постепенном переходе сказания в миф. В основном сказании сверхъестественный элемент (змееборство, пробуждение невесты) занимал довольно значительное место рядом с бытовым. В эпоху викингов он был поддержан религиозными верованиями исландских язычников. В рыцарское время, под влиянием континентальной романтической литературы он обогатился, повидимому, несколькими великанами и карликами. Но самые герои, напротив, становятся все реалистичнее, приобретают все более сложную, вполне человеческую психологию. По мере удаления от рыцарской эпохи эти персонажи становятся все менее реальными. Психологические тонкости все меньше интересуют крестьянскую аудиторию, которую больше всего привлекает фабула. С другой стороны, церковь, оказывающая на эту среду сильное влияние,

заинтересована в том, чтобы объявить все эти сказания языческой поганью. И вот с былевыми персонажами сказания происходит то же, что и со всеми элементами старого язычества: в них продолжают верить, но переносят их в мир нечисти. Первой стадией здесь, конечно, является подчеркивание их языческой сущности.

Граф Гунселли, 56:

Меньшим танцором на том балу
Был крошка Мимеринг Тан;
Был он средь этой языческой своры
Единственным из христиан.

Далее герои превращаются уже в настоящую нежить. Брюнхилд, которую добывают с горы, становится горной женщиной, карлицей: в Ферейских балладах Сигурд едет к карлице на Хиндарфьял.

Напротив, Гримхилд на острове Хвене принимает облик великанши, которая переносит на плечах целый остров; она же бросает камнем в церковь.

Именем Сигурда на Ферейских островах пользуются при заклинаниях «марры», т. е. мары, марухи (кошмар).

Марра, марра, вспомни,
Если ты — здесь в доме,
Вспомни ты про тот удар,
Что Шуур Сигмондарсон тебе дал
По самому переносью.

Но в Норвегии сам Сигурд превращается в нечто в роде Вия; веки его не поднимаются сами, их нужно поднять. В рождественскую ночь он скачет по воздуху впереди кавалькады всякой нежити (так называемый Асгардсрейд). Рядом с ним — ведьма Гуро (бывшая нежная, любящая Гудрун).

Вот тебе Скертинг, мой конь вороной,
Сама на метле поскачу я.

Итак, Сигурд из мифа вышел и в миф возвратился; но только вышел он светлооким отроком-змееборцом, а вернулся старым ведьмаком, которого чураются дети.

Если вспомним, как в немецкой деревне тот же Сигурд превратился в подпаска, Свиного Фрида (Seifried > Säufritz), то мы увидим, что в Норвегии он еще сделал не самую худшую карьеру.

V. ЛИТЕРАТУРА

«Völsungasaga ok Ragnars Saga Lodhbrokar», ed. M. Olsen, Kob. 1906—1908.

«Völsunga-saga», ed. Wilken («Die Prosaische Edda»), Paderborn 1877.

(Эти издания положены в основу перевода).

«Völsungasaga», ed. S. Bugge («Norroene Skrifter af sagnhistorisk Indhold»), Christ. 1865.

A b e l i n g, «Das Nibelungenlied u. seine Literatur», Lpz. 1907.

S i j m o n s, «Untersuchungen üb. d. sog. Völsungasaga» («Beitr. z. Gesch. d. deut. Sprache u. Lit.», III), 1876.

B o e r, «Untersuchungen üb. den Ursprung u. die Entwicklung der Nibelungensage», Halle 1906.

S i j m o n s, «Die Lieder der Edda», B. III, Einleitung (Germanistische Handbibliothek), Halle 1906.

N e c k e l, «Beiträge zur Eddaforschung», Dortmund 1908.

H e u s l e r, «Nibelungenlied u. Nibelungensage», Dortmund 1922.

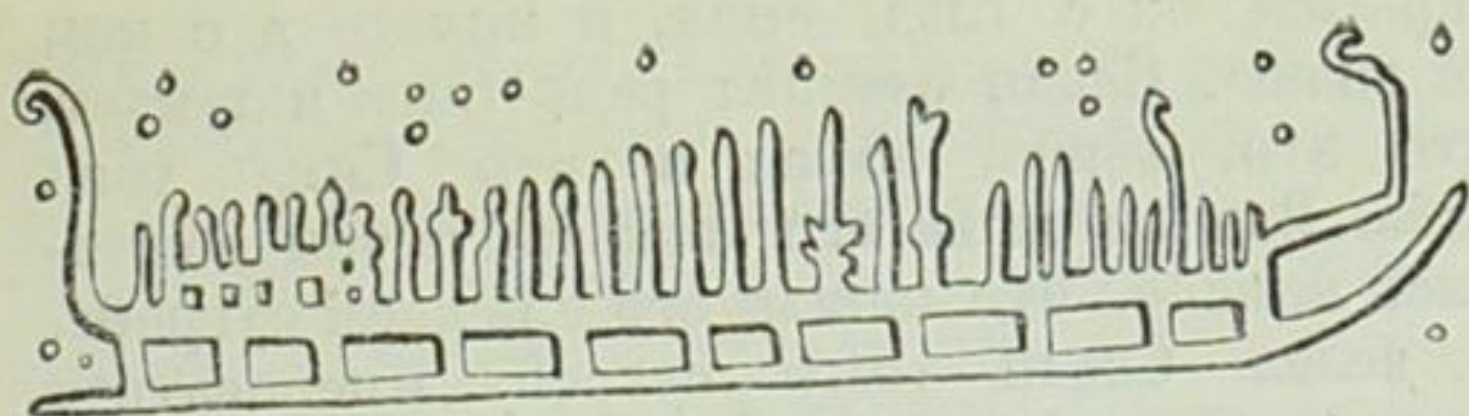
Я р х о, «Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе» («Русский филологический вестник»), 1913—1916 гг.

§ H. Hildebrand, «Livet på Island under sagatiden», Stockholm 1867.

Axel Olrik, Nordisk Aandsliv; Vikingetid den tidlige Ildalder, København 1907.

Эдда цитируется по изданию Геринга «Die Lieder der älteren Edda», ed. Hildebrand-Gering, Paderborn 1904.

САГА О ВОЛСУНГАХ

I 1

Здесь начинается и говорится о том человеке, что звался Сигги и слыл сыном Одина. И другой еще человек помянут в саге, а имя ему — Скади; он был властен и велик, а все же из них двоих был Сигги и властнее и родовитее, как говорили люди в то время. Был у Скади раб, о котором стоит сказать в саге; звали его Бреди; он был разумен во всем, за что ему приходилось браться; иные слыли поважнее его, но искусства и сноровки было у него не меньше, да, пожалуй, чуточку и побольше.

Надо теперь сказать о том, что всякий раз, как Сигги выезжал на звериный лов, был с ним и раб-тот, и гонялись они за зверем весь день до вечера. А когда вечером сходились, то всегда случалось так, что Бреди убил много больше... чем... Сигги; [и тому казалось] хуже худого [что какой-то] раб охотится лучше его.

.....
Вот приезжает он под вечер домой и говорит, что Бреди ускакал от него в лес — «и

скрылся он с глаз моих, и ничего я о нем не знаю». Скади слышит речь Сигги и думает, что это, верно, обман и что Сигги убил раба. Вышли люди его искать, и тем кончились поиски, что нашли его в некоем сугробе, и велел Скади тому сугробу именоваться отныне Сугробом Бреди, и переняли это люди и зовут так всякий сугроб, который побольше. Тут и открылось, что Сигги убил раба и умертвил преступно². Тут объявляют его лишенным мира³, и не может он больше оставаться дома у отца. Тогда Один проводил его вон из той страны и совершил с ним долгий путь, и не оставлял его, пока тот не пришел к боевым стругам. И вот собрался Сигги в поход с тою дружиною, что дал ему отец при расставании, и в походе-том был он удачлив. И так повернулось его дело, что, наконец, завоевал он себе землю и владение, а затем взял за себя знатную невесту и стал могучим конунгом и большим человеком и правил в Гунской земле и слыл величайшим воителем. Был у него от жены сын по имени Рери; он рос у отца и вскоре стал высок ростом и ко всякому делу годен.

Вот стал Сигги стар годами. Было у него много завистников, так что, наконец, сговорились против него те, кому он крепче всего верил; а то были его шурья. Напали они на него, когда он меньше всего ожидал, и было у него мало людей, а у них больше, и в той схватке пал Сигги со всею своею гридью⁴.

Сын его Рери не был при том побоище, но получил он от друзей своих и властителей

такую силу войска, что овладел и землею и престолом после Сиги, отца своего. И вот он видит, что стал обеими ногами на своем господарстве и вспоминает он о распре своей с дядьями, убийцами отца; и собирает тут конунг большую дружину и идет войною на родичей своих с тою ратью. И они знают, какова их вина перед ним и что мало он теперь ценит родство с ними. И сделал он так, что ушел оттуда не раньше, чем убил всех кровников своих, хотя и было это совсем негоже⁵. Тут завладел он землею и властью и богатством и стал он теперь бóльшим человеком, чем был отец. Взял Рери большую добычу и жену такую, чтоб была ему под стать. И вот живут они вместе долгое время, и нет у них ни детей ни наследников. Это показалось им за беду, и просят они богов с великим рвенцем, чтобы родилось у них дитя. И вот говорят, что Фригг услышала их мольбу и Один тоже, о чем они просили; он недолго думает и зовет свою валкюрью, дочку Хримни-потуна, и дает в руки ей яблоко и велит отнести к конунгу. Она взяла яблоко-то, надела на себя воронье платье⁶ и полетела, пока не прибыла туда, где конунг-тот сидел на кургане. Она уронила яблоко конунгу на колени. Он схватил то яблоко и догадался, к чему оно. Идет он тогда домой к своей дружине, и вошел к королеве и поел от того яблока⁷.

II

РОЖДАЕТСЯ ВОЛСУНГ

Надо теперь сказать, что королева вскоре затяжелела, и много времени проходит, а она не может разродиться. Тут пришла пора Рери выступить в поход, по обычаю конунгов, чтобы защищать свою землю. В этом походе случилось так, что Рери заболел, а затем умер и собрался в путь к Óдину, и многим это казалось желанным в те времена.

А с болезнью королевы происходит все то же; ребенок у нее не рождается, и вот уже шесть зим, как длится этот недуг. И вот она решает, что больше ей незачем жить. И приказала она, чтобы вырезали у нее ребенка, и было сделано так, как она приказала. То был мужской приплод, и мальчик тот был велик ростом, когда родился, как и следовало ждать. Сказывают так, что этот мальчик поцеловал мать свою, прежде чем она умерла. Тут дали ему имя, и был он наречен Волсунгом; он сел на королевство в Гунской земле после отца своего; стал он вскоре велик и силен и решителен во

всем, что требует мужества и мужской мощи; сделался величайшим воеводою и победоносцем в битвах-тех, что случались на ратных походах.

Когда же он созрел годами, тут посылает Хримни к нему дочь свою Хльод, о которой прежде говорилось, что она летала с яблоком к Рери, отцу Волсунга. И тут он берет ее за себя, и живут они вместе долгое время, и брак их счастлив. Родилось у них десять сыновей и одна дочь. Старший сын их звался Сигмундом, а дочь — Сигню; эти двое были близнецами, и слыли во всем первее и красивее других детей Волсунга-конунга, хотя и все прочие сыновья выросли крепкими мужами; и долго жила о том молва и память, что были Волсунги великими богатырями и были пре-выше едва ли не всех людей и в мудрости, и в ловкости, и во всяческой доблести, как о том говорится в преданиях.

Сказывают, что Волсунг-конунг велел выстроить славную некую палату, а строить велел так, чтобы среди палаты росло огромное дерево и ветви того дерева с дивными цветами ширились над крышей палаты, а ствол уходил вниз в палату-ту, и звали его родовым стволом⁸.

III

Сиггейром звали одного конунга; он правил Гаутской землей; был он могучий конунг и многодружинный. Он поехал к Волсунгу-конунгу и посватал Сигню себе в жены; этому слову рад был король, а с ним и сыновья, а сама она была не рада, но все же просила отца быть тут судьей, как и во всем прочем, что до нее касалось. А конунгу-тому помыслилось за благо ее выдать; и так была она обручена Сиггейру-конунгу. Когда же начнется тот пир и свадьба, то пусть-де приедет Сиггейр-конунг на пир к Волсунгу-конунгу. Сготовил конунг пир, какого нет лучше, и когда пир-тот был готов, сошлись там гости Волсунга-конунга и Сиггейра-конунга в назначенный день, и было с Сиггейром-конунгом много знатных людей.

Сказывают так, что было разложено много костров вдоль палаты-той⁹; и вот стоит посреди палаты большая эта яблоня, о которой была речь. И тут говорится, что, когда расселись люди вечером вокруг костров, то человек некий вошел в палату. Тот человек был людям неведом с виду. Тот человек так был

одет: плащ на нем заплатанный, ступни босые, а на ногах холстинные штаны. Тот человек в руке держал меч (и шел прямо к родовому стволу), а на голове у него шляпа; был он очень высок и стар и крив на один глаз. Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч-тот вошел в дерево по рукоять. Все люди приветствовали того человека; тогда он заговорил и сказал:

— Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча.

Затем выходит этот старик вон из палаты, и никто не знает, кто он такой и куда идет. Тут повскакали они с мест и заспорили о том, кому взяться за меч: думали, что достанется он тому, кто первым до него доберется. Наконец знатнейшие подошли первыми, один за другим, но не было тут такого, кому бы удалось это дело, ибо меч не шелохнулся ни в какую сторону, сколько за него ни хватались. И вот подошел Сигмунд, сын Волсунга-конунга, схватил меч и вырвал его из ствола, точно он там лежал свободно, дожидаясь Сигмунда. Это оружие так всем было по душе, что никто, думалось им, не видал ему равного, а Сиггейр предложил в обмен тройной вес меча в золоте. Сигмунд сказал:

— Ты мог взять этот меч раньше меня отсюда, где он лежал, если бы тебе подобало его носить. А теперь, раз он достался мне в руки, никогда ты его не получишь, хоть бы отдал ты за него все свое золото.

Сиггейр-конунг осердился на такую речь и подумал, что это заносчивый ответ. Но так как норв его был таков, что был он большой кознодей, то притворился он, будто это дело ничуть его не заботит, а сам в тот же вечер задумал месть, которую после и совершил.

IV

Надо теперь сказать о том, что Сиггейр в тот вечер возлег на ложе вместе с Сигнию. А на другой день настала хорошая погода, и сказал Сиггейр-конунг, что собирается домой и не хочет ждать, пока ветер рассвирепееет и плыть будет нельзя. Ничего не говорится о том, что Волсунг-конунг или сыновья его удерживали зятя, особливо когда увидали, что он ничего другого не хочет, как только уехать с пира. Тогда молвила Сигнию отцу своему:

— Не хочу я ехать на чужбину с Сиггейром, и душа моя ему не рада, и знаю я от прозрения своего¹⁰ и от родовой нашей Фюлгьи, что из-за этого брака пойдут у нас великие невзгоды, если тотчас он не будет расторгнут.

— Не должна ты так говорить, дочка, — сказал он: — ибо срам великий и ему и нам — расторгнуть с ним брак без всякой вины, и не будет у него к нам ни веры никакой ни дружбы после такого разрыва, и злом он нам оплатит, как только сумеет, да и нам не пристало нарушать слово.

Вот собрался Сиггейр-конунг в обратный путь, но прежде чем уехать со свадьбы, позвал он Волсунга-конунга, свояка своего, к себе в Гаутскую землю и всех сыновей его с ним через три месяца времени, а также и всю дружину, какую пожелает он с собой взять, чтоб чести его было пристойно. Хочет-де Сиггейр-конунг искупить вину свою, что прогостил на свадьбе-той всего одну ночь, а это у людей не в обычае. Тут обещал Волсунг-конунг приехать и быть там в назначенный день; на том расстались свояки, и поплыл Сиггейр-конунг домой с женой своею.

V

ГИБЕЛЬ ВОЛСУНГА

Надо теперь сказать про Волсунга-конунга и сыновей его, как едут они в уговоренный срок в землю Гаутов по зову Сиггейра-конунга, свояка своего, и есть у них три струга на море, и все хорошо снаряжены; и удачно переплыли и подошли на стругах своих к Гаутской земле поздним вечером. И в этот самый вечер вышла к ним Сигню, дочка Волсунга-конунга, и зовет отца своего на тайную беседу и братьев тоже, и говорит им мысли свои про Сиггейра-конунга, что собрал он непобедимое войско, — «и хочет он вас обмануть, и прошу я вас, — говорит она, — чтобы вы поплыли отсюда обратно в свои земли и собрали как можно больше дружины, и вернулись сюда, и отомстили за себя, и не попали бы в беду, ибо не избежать вам его коварства, если не прибегнете к тому, что я вам предлагаю».

Тогда промолвил Волсунг-конунг :
— Ходит о том молва среди всех народов, что молвил я во чреве матери слово и дал

зарок никогда не бежать страха ради ни от жара ни от железа, и так творил я досель — и стану ли я отступаться от слова на старости лет? Пусть девы не корят сыновей моих на игрищах, будто испугались они смерти, ибо всякий умрет в некий час, и никто в свой час не избегнет кончины. Таков мой совет: никуда не бежать и работать десницей, сколь силы хватит. А бился я сотни раз; и было у меня дружины часом больше, а часом меньше — и всякий раз я побеждал. И пусть не пронесется слух, будто я вспять повернул плъ просил пощады.

Тут горьво заплакала Сигню и все умоляла его, чтобы ей не возвращаться к Сиггейру-конунгу. Волсунг-конунг отвечает:

— Конечно, должна ты идти домой к своему хозяину и быть при нем, что бы ни стряслось с нами.

Тут вернулась Сигню домой, а они заночевали. А на утро-то, едва рассвело, велит Волсунг-конунг людям своим встать и сойти на берег и изготовиться к бою. Вот выходят они на берег во всеоружии, и немного погода является Сиггейр-конунг со всем своим войском, и начинается меж ними жесточайший бой, и побуждает конунг людей своих, чтоб напали как можно яростней, и сказывают, будто Волсунг-конунг и сыновья его выходили против полков Сиггейра-конунга восемь раз в один день и рубили оберучь, а как вздумали выйти в девятый, пал тут Волсунг-конунг посреди рати своей, и вся дружина его с ним, кроме десяти сыновей, хоть и стояла против них

много бóльшая сила, чем они могли отразить. Вот все сыны его схвачены, и узами связаны, и в полон уведены.

Сигню увидела, что отец ее убит, а братья живьем взяты и обречены на смерть; тут позвала она Сиггейра-конунга на тайную беседу. И молвила Сигню:

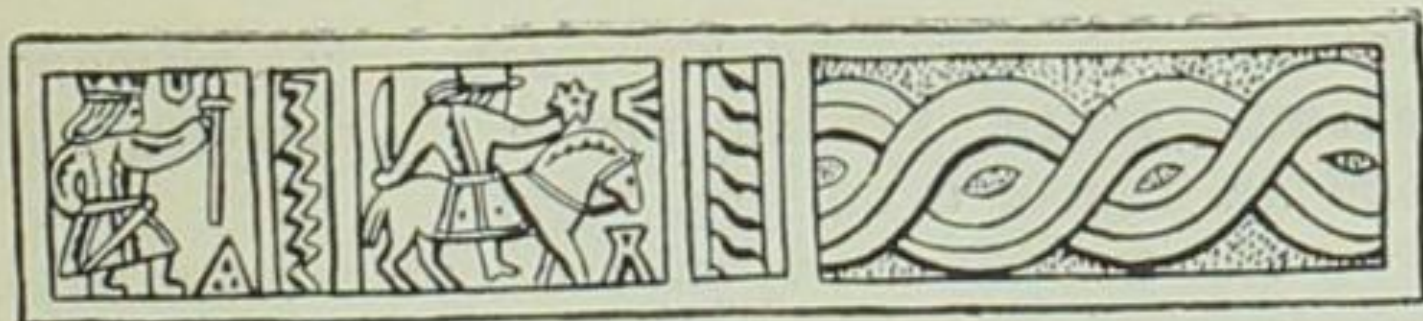
— Хочу я просить тебя, чтобы ты не сейчас велел убить братьев моих, а лучше велел бы посадить их в колоду. А со мною случилось, как говорится, что «рад глаз, пока видит»; и не прошу я о них долше, так как знаю, что просьба мне не поможет.

Тогда отвечал Сиггейр:

— Мудра ты и мощна мыслью, раз просишь для братьев своих худшей муки, чем быть им порубленным. И будет по просьбе твоей, ибо больше мне по сердцу, чтоб они злее мучились и долше терзались до смерти.

Тут велит он сделать, как она просила. И взяли большую колоду и набили ее на ноги тем десяти братьям на некоем месте в лесу; и вот сидят они там целый день до ночи. А как сидели они в колоде-той о полупночи, вот выходит к ним из лесу старая волчиха; была она и велика и собой безобразна. Удалось ей загрызть одного из них на смерть; затем съела она его без остатка и пошла прочь. А на утро-то послала Сигню к братьям своим человека, которому больше всех доверяла, узнать, что дется; а когда он вернулся, то сказал ей, что умер один из них. Очень ей показалось тяжело, что все они так умрут, а она им помочь не может. Коротко сказать, девять ночей кряду

приходила эта самая волчиха в полночь и заедала одного из них до смерти, пока все погибли и Сигмунд один остался. И вот, когда настала десятая ночь, послала Сигнию верного своего человека к Сигмунду-брату и дала в руки ему меду и велела, чтоб он смазал лицо Сигмунда, а немного положил ему в рот. Вот идет тот к Сигмунду и делает, как ему велено, и возвращается домой. Ночью приходит тут эта самая волчиха по своей привычке, и думала она загрызть его насмерть, как братьев; и тут чует она дух-тот медвяный и лижет ему все лицо языком, а затем запускает язык ему в рот. Он не растерялся и прикусил волчихе язык. Стала она крепко тянуть и с силой тащить его назад и так уперлась лапами в колоду, что та расселась пополам; а Сигмунд так мощно сжал зубы, что вырвал ей язык с корнем, и тут приключилась ей смерть. И сказывают иные так, будто эта самая волчиха была матерью Сиггейра-конунга, а приняла она такое обличье через свое волшебство и чародейство.

VI

И вот Сигмунд освободился, и разбита колода-та, и остался Сигмунд в лесу. Снова Сигню посылает проведать, что деется и жив ли Сигмунд. А когда они пришли, рассказал он им все, что было между ним и волчихой-той. Вот возвратились они домой и поведали Сигню, что сделалось. Пришла она тогда и разыскала брата, и порешили они, чтобы он сделал землянку в лесу; и проходит так некоторое время, и Сигню прячет его там, и все, что нужно, ему носит. А Сиггейр-конунг думает, что все умерли Волсунги.

Породил Сиггейр-конунг с женою своею двух сыновей, и сказывают о них, что, когда старшему сыну минуло десять зим, послала она его к Сигмунду, дабы быть ему в помощь, если тот пожелает предпринять что-либо в отместку за отца своего. Вот идет мальчик в лес и поздно вечером приходит к землянке Сигмундовой. Тот принял его хорошо, как подобает, и велел ему, чтобы замесил тесто — «а я пойду набрать хворосту». И дает он ему в руки мешок с мукой, а сам идет за хворо-

стом-тем. А когда он вернулся, — не замесил мальчик теста. Тут спрашивает Сигмунд, готово ли тесто, а он отвечает:

— Не посмел я тронуть мешок-тот с мукою: там в муке что-то копошится.

Понял тут Сигмунд, что не будет этот мальчик так крепок духом, чтобы взять его к себе. И вот когда они с сестрою свиделись, говорит Сигмунд, что нет с ним настоящего мужа, пока мальчик-тот при нем. Сигню молвила:

— Тогда возьми ты его и убей; не должен он дольше жить.

Так он и сделал.

Вот прошла эта зима, а на следующий год посылает Сигню младшего сына к Сигмунду; и нечего тут долго сказывать, а случилось с ним, как и с первым: убил Сигмунд этого мальчика по совету Сигню.

VII

СИГНИЮ ПОРОДИЛА СИНФЬОТЛИ

И гласит предание, что сидела Сигнию однажды в своей горнице, и пришла будто к ней туда колдунья одна, вещая очень. Тут стала Сигнию с ней говорить.

— Хотела бы я, — молвит она, — чтобы мы поменялись обличьем. Ты, — говорит она колдунье, — тут хозяйствуй.

И вот сделала она по своему ведовству, что они поменялись обличьем, и уселась колдунья в палате Сигнию на ее хозяйстве и вечером легла в постель с королем, а он и не приметил, что не Сигнию с ним спит. Надо теперь сказать про Сигнию, как пошла она к землянке брата своего и просит приюта на ночь:

— Потому что заблудилась я в лесу-том и не знаю, куда итти. — Он сказал ей, чтоб она оставалась и что он не откажет ей, женщине, в ночлеге, а сам подумал, что она не отплатит ему предательством за добрый прием. Вот вошла она к нему, и сели они за стол. Он часто на нее поглядывал, и показалась она

ему красивой и пригожей. А когда они насытились, говорит он ей, чтоб была у них одна постель на эту ночь, если ей угодно. Она тому не противится, и кладет он ее подле себя на три ночи сряду. Потом возвращается она домой и застаёт колдунью-ту и просит ее опять поменяться обличьями, и колдунья так и сделала.

А когда пришло время, родила Сигню мальчика-сына. Мальчика того назвали Синфьотли. А когда он подрос, то вышел он и крупным, и сильным, и с лица красивым — и весь в род Волсунгов. И не минуло ему еще и десяти зим, как послала его мать в землянку к Сигмунду. Прежних сыновей своих, перед тем как посылать, испытывала она, пришивая им рукава к коже и мясу; они не могли стерпеть и кричали. И так же поступила она с Синфьотли, а он и не шелохнулся. Тогда сдернула она с него свиту, так что кожа пошла следом за рукавами. Она сказала, что, верно, ему больно. Он молвил:

— Малой показалась бы эта боль Волсунгу.

И вот приходит мальчик-тот к Сигмунду. Тогда Сигмунд приказал ему замесить для них тесто, а сам-де он пойдет хворосту набрать, — и дает в руки ему мешок. Затем уходит он за хворостом-тем, а когда он вернулся, Синфьотли уже с хлебом управился. Спросил тогда Сигмунд, не нашел ли он чего в муке.

— Показалось мне, — отвечал тот: — точно было в муке-той что-то живое, как я начал месить; так я и замесил заодно и то, что там было.

Тогда промолвил Сигмунд, а сам засмеялся:
— Не дам я тебе есть этого хлеба нынче
вечером, потому что ты замесил в него самую
ядовитую змею.

Сигмунд был таким богатырем, что принимал
яд, и тот ему не вредил; а Синфьотли мог вы-
носить яд только извне, но не мог ни есть
его, ни пить.

Синфьотли отъ, кэчятвотд княвт лад кэчятвотд
-ня том н.т.о.в.н.и. в. кн.л.о.ч.и. он. у.м.о. тот. и. д.л.
а.т.о.в. и.и. том. он. он. э.н.в.е.н. о.л.к.о.т. д.л. а.т.и.о.н.
л.т.и.в. и.и. о.т.о.

VIII

СИГМУНД С СЫНОМ НАДЕВАЮТ ВОЛЧЬЮ ШКУРУ

Надо теперь сказать о том, что Синфьотли показался Сигмунду слишком молодым для местности, и захотел он сперва приучить его понемногу к ратным тяготам. Вот ходят они все лето далеко по лесам и убивают людей ради добычи. Сигмунду показался мальчик похожим на семя Волсунгов, а считал он его сыном Сиггейра-конунга и думал, что у него — злоба отца и мужество Волсунгов, и удивлялся, как мало он держится своего рода-племени, потому что часто напоминал он Сигмунду о его злосчастии и сильно побуждал убить Сиггейра-конунга.

Вот однажды выходят они в лес на добычу и находят дом некий и двух людей, спящих в доме, а при них толстое золотое запястье. Эти люди были заколдованы, так что волчьи шкуры висели над ними¹¹: в каждый десятый день выходили они из шкур; были они королевичами.

Сигмунд с сыном залезли в шкуры, а вылезть не могли, и осталась при них волчья природа, и заговорили по-волчьи: оба изменили говор. Вот пустились они по лесам, и каждый пошел своей дорогой. И положили они меж собой уговор нападать, если будет до семи человек, но не более; и тот пусть крикнет по-волчьи, кто первый вступит в бой.

— Не будем от этого отступать, — говорит Сигмунд, — потому что ты молод и задорен, и может людям притти охота тебя изловить.

Вот идет каждый своею дорогой; но едва они расстались, как Сигмунд набрел на людей и взвыл по-волчьи, а Синфьотли услышал и бросился туда и всех умертвил. Они снова разлучились. И недолго проблуждал Синфьотли по лесу-тому, как набрел он на одиннадцать человек и сразился с ними, и тем кончилось, что он всех их зарезал. Сам он тоже уморился, идет под дуб, отдыхает

Он молвил¹²
« . . . на помощь, чтоб убить семерых, а я против тебя по годам ребенок, а не звал на подмогу, чтоб убить одиннадцать человек».

Сигмунд прыгнул на него с такой силой, что он пошатнулся и упал: укусил его Сигмунд спереди за горло. В тот день не смогли они выйти из волчьих шкур. Тут Сигмунд взваливает его к себе на спину и несет в пещеру: и сидел он над ним и посылал к троллям волчьи те шкуры.

Видит однажды Сигмунд в лесу двух горностаев, как укусил один другого за горло, а затем

побежал в лес и воротился с каким-то листом и приложил его к ране, и вскочил горноста́й жив-здоров. Сигмунд выходит из пещеры и видит: летит ворон с листком-тем и приносит к нему; приложил он лист к ране Спифьотли, и тот вскочил здоровым, точно и ранен никогда не бывал. После этого вернулись они в землянку и были там, пока не пришла им пора выйти из волчьих-тех шкур. Тут взяли они шкуры и сожгли на костре и заклиали их, чтобы они никому не были во вред. А в том зверином обличии свершили они много славных дел на землях Сиггейра-конунга. И когда Спифьотли возмужал, то решил Сигмунд, что хорошо испытал его.

Вот немного времени проходит, и задумывает Сигмунд отомстить за отца, если удастся. И вот однажды выходят они вон из землянки и подкрадываются к дому Сиггейра-конунга поздно вечером и вступают в сени, что перед палатой; а стояли там шивные чаны, и они за ними спрятались. А королева знает, что они тут, и хочет с ними повидаться; а когда они сошлись, то и порешили, что примутся за месть, как только стемнеет.

У конунга с Сигню было двое детей, оба в младенческих летах. Играют они на полу золотыми кольцами и бегают за ними по палате и прыгают. А одно кольцо выкатилось в сени-те, где сидел Сигмунд с сыном, и мальчик выскочил вслед, чтоб поймать кольцо. Вот видит он, сидят два человека, огромных и грозных, и шлемы у них пахлобучены, и брони блестят. Тут бежит он назад в палату к отцу и говорит

ему все, что видел. Тут догадался конунг, что хотят его застигнуть врасплох.

Вот слышит Сигню, что они говорят; встает она с места, берет обоих детей и ведет в сени-те и молвит:

— Да будет вам ведомо, что они выдали вас, и вам мой совет, чтобы вы их убили.

Сигмунд говорит:

— Не хочу я убивать детей твоих, хотя они меня и предали.

Но Синфьотли не смутился и ударил мечом и убил обоих детей и бросил их в палату перед Сиггейром-конунгом. Тут конунг встает и велит людям, чтоб они схватили тех двух людей, что спрятались в сенях в тот вечер. Вот выбегают люди и хотят наложить на них руки, но они защищаются крепко и храбро, и хуже всех достается тому, кто к ним поближе. Но, наконец, одолевают их числом, и вот они схвачены и узами связаны, и в цепи закованы, и сидят так всю ночь. Вот думает конунг про себя, какой бы смерти их предать, чтоб подольше они умирали; а когда настало утро, велит тут конунг насыпать большой курган из камней и дерна. А когда курган соорудили, повелел он поставить посреди кургана-того огромную плиту, одним концом кверху, другим книзу. Была она так велика, что шла от края до края кургана, и обойти ее было нельзя. Тут велит он взять Сигмунда и Синфьотли и посадить в курган-тот по обе стороны плиты, ибо думал, что тяжелее им будет умирать врозь и все же слышать друг друга. А как начали закрывать курган-тот дер-

ном, то приходит туда Сигню и несет в охапке пук соломы и бросает в курган к Синфьотли и велит рабам скрыть это от конунга; они на то согласились, и засыпан был курган.

А когда стемнело, молвил Синфьотли Сигмунду:

— Сдается мне, что хватит нам пищи на время; вот королева бросила нам в курган мяса и обернула его соломой.

А как взялся он за мясо, — видит: засунут туда меч Сигмундов, и узнал он его наощупь по рукояти, потому что темно было в кургане-том. И сказал он про то Сигмунду, и оба обрадовались. Вот всадил Синфьотли острие-то в плиту и нажал крепко — и меч пробивает камень. Ухватился тут Сигмунд за острие, и стали они пилить плиту-ту и не переставали, пока не перепилили, как в песне сказывается:

Камень огромный крепко режут
Сталью Сигмунд и Синфьотли.

И вот они — оба вместе в кургане-том и режут насквозь дерн и камень, и так выходят вои из кургана.

Вот идут они назад к палате-той, — а люди там все снят. Они натаскали дров к палате и подожгли дрова. И проснулись от дыма те, что были внутри, а палата-та уж над ними пылает¹³. Конунг спрашивает, кто зажег огонь.

— Здесь я сам-друг с Синфьотли, сестри-чем моим, — сказал Сигмунд: — и сдается нам, знаешь ты теперь, что не все Волсунгя умерли.

Он просит сестру свою выйти к нему и принять от него добрый почет и великую честь, и хочет он возместить ей за все ее горести. Она отвечает:

— Узнай теперь, как припомнила я Сиггейру-конунгу смерть Волсунга-конунга. Я послала на смерть наших сыновей, потому что казались они мне негодными для мести; и я же ходила к тебе в лес под видом волвы, и Синфьотли — наш сын. И оттого у него великое мужество, что рожден Синфьотли от сына и от дочери Волсунга-конунга. И с тех пор я делала все, чтоб Сиггейр-конунг принял смерть. И так много учинила я для мести-той, что дольше мне жить не под силу. Умру я теперь с Сиггейром-конунгом добровольно, хоть жила я с ним неохотно.

Затем поцеловала она Сигмунда, брата своего, и Синфьотли и вошла в огонь и пожелала им счастья. Тут приняла она смерть вместе с Сиггейром-конунгом и всей его грядью. Оба родича взяли корабли и дружину, и поехал Сигмунд в свою отчину и прогнал из страны того князя, что сидел там на месте Волсунга-конунга.

Стал тут Сигмунд мощным конунгом и славным, мудрым и великим; взял он себе жену по имени Боргхилд. Было у них двое сынов: один звался Хелги, а другой Хамунд. А когда родился Хелги, явились норны¹⁴ и предвещали ему судьбину и молвили, что быть ему из всех конунгов славнейшим. Сигмунд в то время вернулся с войны и подошел к сыну с пучком порея в руке¹⁵, и тут дал он ему имя Хелги и при даче имени такие дары: угодыя Хринг-

стадир и Солфьол и меч, и пожелал ему хо-
рошо расти и удался в род Волсунгов. Вырос
Хелги великодушным и многолюбимым и
первым среди мужей во всяком деле. Сказы-
вают, что он выступил в поход пятнадцати
лет от роду. Был Хелги конунгом над дружи-
ной, а Синфьотли был придан ему в помощь,
и правили дружиною оба.

IX

ХЕЛГИ ДОБЫЛ СИГРУН

Сказывают так, что Хелги повстречался на походе с конунгом-тем, что звался Хундингом. Он был могучим конунгом и многодружинным и правил землею. Начинается тут между ними бой, а Хелги крепко наступает, и тем завершается битва, что Хелги достается победа, а Хундинг-конунг падает среди своей дружины. Вот думает Хелги, что сильно он вырос, раз поразил он такого могучего конунга. Сыновья же Хундинга собрали войско против Хелги и хотят отомстить за отца. Было у них жестокое сражение, и выходит Хелги навстречу полкам братьев-тех и ищет по приметам сыновей Хундинга-конунга и поразил сынов Хундинга — Алфа и Эйюльфа, Херварда и Хагбарда — и славную добыл победу.

И как поехал Хелги с поля битвы, повстречал он в лесу женщин многих и прекрасных на вид; но одна возвышалась над всеми. Скакали они в прекрасных доспехах. Хелги спросил имя той, что ехала впереди; а она

назвалась Сигрун, дочерью Хогни-конунга. Хелги молвил:

— Поедемте к нам, и будьте желанными гостями.

Говорит тут королевна:

— Другие есть у нас дела, нежели пить с тобою.

Хелги отвечает:

— Что это за дела, королевна?

Она отвечает:

— Хогни-конунг обещал меня Ходбродду, сыну Гранмара-конунга, а я дала зарок, что не охотнее я выйду за него, чем за вороненка. И все же это случится, если ты ему не помешаешь и не выйдешь противу него с войском и не увезешь меня к себе, потому что ни с одним конунгом не буду я жить охотнее, чем с тобою.

— Утешься, королевна! — сказал он: — прежде померяемся мы силами, чем будешь ты ему отдана, и сперва испытаем мы, кого кого победит, и о том заложимся жизнью.

После этого рассылает Хелги людей с дарами, чтобы созвать воителей, и назначает сбор всей дружине у Красных Гор. Ждал Хелги там до тех пор, пока пришел к нему большой отряд с острова Хеднсейя, и еще пришла большая дружина из Норвасундов с кораблями прекрасными и крупными. Хелги-конунг зовет корабельного начальника своего, Лейфа, и спрашивает его, сосчитал ли он войско. А тот отвечает:

— Не легко сосчитать, государь, корабли-те, что с Норвасундов: на них двенадцать тысяч¹⁶ человек, а второе войско в полтора раза больше.

Молвил тогда Хелги-конунг, что нужно им войти в тот фьорд, что зовется Варписфьорд, и так они сделали.

Тут застигла их великая непогода и такая буря, что волны с шумом били о борт, точно сшибались друг с другом утесы. Хелги приказал людям не пугаться и не спускать парусов, напротив, поднять их выше, чем прежде. Было похоже на то, что море захлестнет их раньше, чем они доплывут до суши. Вдруг сходит к берегу Сигрун, дочь Хогни-конунга, с большой дружиной и приводит их в добрую гавань, что зовется Гнипалундом. Это увидели местные люди, и пришел на берег брат Ходдбродда-конунга, правившего той землей, что зовется «у Сваринсхауга». Он подал голос и спросил, кто ведет большую ту дружину. Встает Сифьотли, и на голове у него шлем блестящий как стекло, и броня белая как снег, копье в руке с видным прапорцем и золотом окованный щит. Мог он умело молвить конунгу:

— Скажи, когда покормишь свиней и собак и зайдешь к жене ¹⁷, что прибыли Волсунги и можно здесь встретить Хелги-конунга среди дружины, если Ходдбродд захочет его видеть: радость для Хелги — биться со славой, пока ты за печкой целуешь служанок.

Граммар отвечает:

— Уж верно ты не умеешь слова сказать пристойно, ни о стародавних делах вести беседу, раз ты врешь в глаза хофдингам. Видно, ты долго кормился в лесу волчьей сытью и братьев своих убил, и дивно мне, как ты осмелываешься ходить в войске рядом с чест-

ными людьми, -- ты, сосавший кровь из многих холодных трупов.

Синфьотли отвечает:

— Верно ты запомнил, как был ты волюю на Варинсейе и говорил, что хочешь замуж, и сманивал меня на это дело, чтоб я был тебе мужем¹⁷; а затем был ты валькирией в Асгарде, и чуть-было все там не перердрили из-за тебя; а я породил с тобою девять волков на Ланганесе, и всем им я был отцом.

Гранмар отвечает:

— Здоров ты врать! Мне же сдается, что ничьим отцом ты не мог быть с тех пор, как оскотили тебя дочки потуна на Торснесе; ты — пасынок Сиггейра-конунга, и валялся ты в лесах с волками; и сотворил ты все злодеяния сразу, братьев своих убил и стяжал дурную славу.

Синфьотли отвечает:

— А помнишь ли, как был ты кобылой у жеребца Грапи, и скакал я на тебе во весь опор по Бравалу. Был ты затем козопасом у Голни-потуна.

Гранмар отвечает:

— Раньше накормлю я птиц твоей падалью, чем говорить с тобою.

Тут промолвил Хелги-конунг:

— Лучше и доблестнее было бы вам сразиться друг с другом, чем говорить так, что срам слушать. А сыны Гранмара, хоть мне не друзья, а все же отважные мужи.

Едет тогда Гранмар назад к Ходбродду-конунгу, в место, именуемое Солфьол. Кони их

звались: Свейпуд и Свеггюд. Братья встретились у ворот замка, и Гранмар рассказал конунгу о войске. Ходбродд-конунг был в броне, а на голове у него — шлем. Он спросил, кто они такие, «и почему ты так сердит»?

Гранмар говорит:

— Явились сюда Волсунги, а с ними двенадцать тысяч человек на суше, да еще семь у острова того, что зовется Сок; а самая большая сила стоит там, где местность зовется «перед Гаванью»¹⁸; и думаю я, что Хелги намерен биться.

Конунг говорит:

— Разошлем призыв по всей нашей стране и двинемся им навстречу. Нечего тому сидеть дома, кто хочет биться. Пошлем весть сынам Хринга и Хогни-конунгу и Алфу-старому: они — великие войны.

Сошлись они на месте, что зовется Фрекастейн, и завязалось там жестокое сражение. Хелги шел навстречу полкам; великое было побоище. Тогда увидали они большой отряд полениц, точно в ярком огне; то была Сигрун-королевна. Хелги-конунг выступил навстречу Ходбродду-конунгу и сразил его под самыми стягами. Тут молвила Сигрун:

— Благодарствуй за этот подвиг. Все пошлему будет в этих землях. Для меня это день великой радости, а ты добудешь честь и славу, сразив столь могучего конунга.

Завладел тою землею Хелги-конунг и долго там прожил, и взял за себя Сигрун, и стал славным конунгом и знаменитым, и дальше о нем не говорится в этой саге.

О ВОЛСУНГАХ¹⁹

Вот едут Волсунги домой, и больше еще увеличили они свою славу. А Синфьотли опять собрался в поход. Встретил он там красивую женщину и сильно пожелал ею завладеть. А в этой же женщине сватался брат Боргхилд, жены Сигмунда-конунга. Решают они это дело боем, и убивает Синфьотли того конунга. Вот воюет он широко и далеко и бьется во многих битвах и повсюду побеждает. Стал он среди людей славнейшим и знаменитейшим и воротился домой под осень со многими кораблями и большим богатством.

Он рассказал отцу своему, что случилось, а тот передал королеве; велит она Синфьотли уехать из их земли и говорит, что не хочет его видеть. Сигмунд сказал, что не отпустит его, и предложил ей заплатить виру за брата золотом и многим добром, хоть ни разу прежде не платил он виру ни за кого: сказал он, что нет чести тягаться с женщинами. Видит она, что своего не добьется. Она молвила:

— Вам решать, государь: таков обычай.

И стала она править тризну по брате своем с дозволения конунга и устроила пир богатейший и созвала много властителей. Боргхилд потчевала людей брагой. Она подошла к Сняфьотли с большим рогом. Она сказала:

— Выпей, пасынок.

Он принял рог и поглядел в него и молвил:

— Мутное питье.

Сигмунд молвил:

— Дай его мне,— и отпил.

Королева молвила:

— Неужели должны другие пить за тебя брагу?

Вторично поднесла она ему рог.

— Цей же!— и укоряла его многими словами.

Он принял рог-тот и молвил:

— Обманное это питье.

Сигмунд молвил:

— Дай его мне.

В третий раз подошла она и велела ему пить, если бьется в нем сердце Волсунга.

Сняфьотли принял рог-тот и молвил:

— Яд в этом питье.

Сигмунд ответил:

— Дай усам напиться, сын! — сказал он. Потому он так молвил, что был тогда конунг сильно пьян.

Сняфьотли выпил и рухнул на землю. Сигмунд встал на ноги, и была скорбь его почти как смерть. И взял труп в объятья и пошел в лес и вышел на берег фьорда. Там увидел он человека на челне малом. Человек спросил,

не хочет ли Сигмунд, чтоб он перевез его через фьорд. Тот согласился. Челнок был так мал, что всех не мог свезти. Погрузили сперва труп, а Сигмунд пошел по берегу фьорда. И тут же исчез челнок из глаз Сигмунда, а с ним и человек-тот²⁰. После этого пришел Сигмунд домой и прогнал прочь королеву-ту; и, мало погодя, умерла она.

Сигмунд-конунг вновь стал править своею страпою, и был он, думается, величайший витязь и конунг в стародавнее время.

XI ²¹

Эулими звался конунг могучий и славный; дочь его звали Хьордис, что всех жен краснее и мудрее. И прослышал о том Сигмунд-конунг, что как раз ему под стать она — и никакая другая.

Сигмунд отправляется в землю Эулими-конунга; тот готовит в честь его пир великий, — если только не пришел он с боем. И приходят послы и говорят, что с дружбой они пришли, а не с войною. И был тот пир очень богат и многолюден. Устраивали всюду для Сигмунда-конунга торг²² и прочие путевые удобства. Вот приходят они на пир, и садятся оба конунга в одной палате. Прибыл туда и Люнгви-конунг, сын Хундинга-конунга, и хочет он тоже породниться с Эулими-конунгом. Эулими знает, что приехали они по одному и тому же делу, и знает также, что надо ждать войны от того, кому будет отказано. Тогда молвит конунг дочери своей:

— Ты — умная женщина, и я обещал, что сама ты изберешь себе мужа. Выбирай же

теперь одного из этих двух конунгов. А твоя воля будет моей.

Она отвечает:

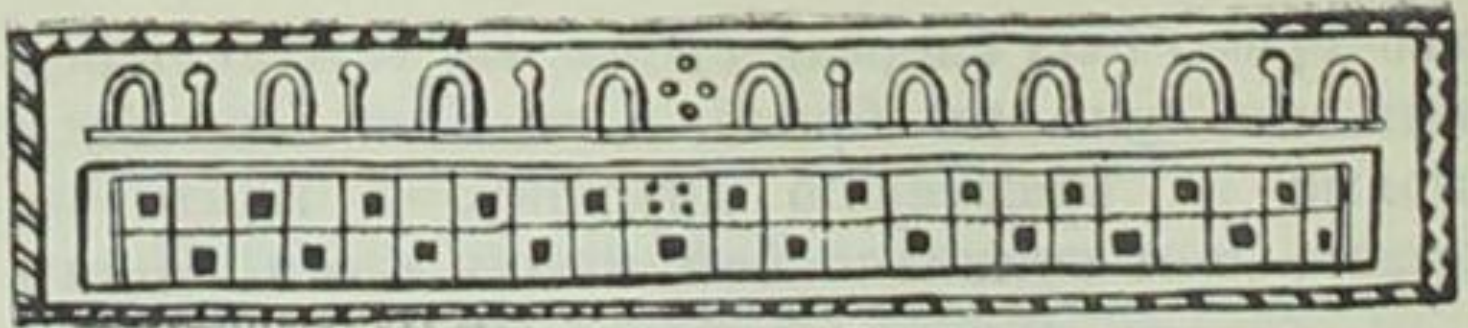
— Трудным кажется мне этот выбор; а все же выбираю я того конунга, который славнее, а это — Сигмунд-конунг, хоть и очень он стар годами.

И отдали ее Сигмунду, а Люнгви-конунг уехал прочь.

Сигмунд женился и взял за себя Хьордис; и угощение шло изо дня в день все лучше и все усерднее. После этого поплыл Сигмунд-конунг домой в Гунскую землю, и Эулими-конунг, свояк его, с ним; и прибыл он в свою страну.

А Люнгви-конунг и братья его собирают войско и идут войной на Сигмунда-конунга, потому что прежде всякий раз терпели неудачу, а это задело их за живое: хотят они теперь превозмочь Волсунгов. Вот приплывают они в Гунскую землю и посылают сказать Сигмунду-конунгу, что не хотят к нему исподтишка подкрадываться, а сами верят, что он не убежит. Сигмунд-конунг отвечал, что выйдет на бой; он собрал войско, а Хьордис увезли в лес с одной служанкой, и много добра поехало с ними; там она и была, пока они бились. Викинги сошли с кораблей, а за ними непобедимая рать. Сигмунд-конунг и Эулими подняли боевые стяги, и тут загремели трубы. Вот Сигмунд-конунг трубит в свой рог, что остался ему от отца, и побуждает дружину. Было у Сигмунда дружины много меньше. Завязалась тут жестокая битва, и хоть был Сигмунд стар, а все же сражался он люто и

все время был впереди своих. Не устоит перед ним ни щит ни броня, а он весь день идет прямо на вражескую дружину, и никто не знает, чем кончится бой между ними. Много там летало дротов и стрел, и так помогали ему вещие его дасы, что не был он ранен, и неведомо, сколько людей пало от него, и были у него обе руки в крови по самые плечи. А когда продлился бой-тот некое время, явился на поле-том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него — копьё. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьём. А когда Сигмунд-конунг ударил со всей силы, столкнулся меч с копьём-тем и сломался пополам на две части. Тут Сигмунда-конунга покинули Удачи, и многие пали из его дружины. И случилось, как говорится, что «никто — против многих»: в том бою пали Сигмунд-конунг и Эулими-конунг, свояк его, во главе полков и большая часть их дружин.

XII

Вот принялся Люнгви-конунг рыскать по Сигмундову дому и думает, что захватит королеву. Но не удалось ему это: не нашел он ни жены ни богатства. Проехал он тогда по всей стране и роздал людям своим земли. Мыслит он, что перебил все племя Волсунгов и что отныне нечего ему страшиться.

Хьордис пошла на поле после битвы-той ночью и пришла туда, где лежал Сигмунд-конунг, и спрашивает, можно ли его выходить; а он отвечает:

Многие живы от малой надежды;
— Меня же бросили боги,

так что не позволю я себя лечить, не хочет Один, чтоб мы обнажали²³ меч, раз сам он его разбил; бился я в битвах, пока ему было угодно.

Она молвила:

— Ни о чем бы я не жалела, если бы только ты излечился и отомстил за моего отца.

Конунг сказал:

— Иное нам суждено. Ты тяжела мальчиком. Его ты вырасти хорошо и умело, и ста-

нет тот мальчик знаменитым и славнейшим в нашем роду. Крепко храни обломки меча: из них скуют добрый меч, по имени Грам, и сын наш будет носить его и много подвигов им совершит, что вовек не забудутся; и имя его будет греметь, пока мир стоит. Так учпни; а меня донимают раны, и отойду я теперь к родичам нашим ушедшим.

Просидела Хьордис над ним, пока он не умер — и вот засиял день. Видит она, что много кораблей пристало к берегу. Молвила она служанке:

— «Поменяемся платьем, и ты назовешься моим именем и скажешь, что ты — королева».

Так они и сделали.

Викинги пришли посмотреть на великое боище, и видят: идут две женщины к лесу. Догадались они, что совершилось великое дело, и сбежались со всех кораблей. А вел ту дружину Алф, сын Хьялпрека-конунга из Дании; он прибыл в ту страну со своим войском. Вот приходят они на поле и видят великое боище. Тут конунг приказывает разыскать женщин, и это было исполнено. Он спрашивает, кто они такие, и узнает весть против ожидания. Служанка-та держит ответ перед ним и рассказывает о кончине Сигмунда-конунга и Эулими-конунга и многих других знатных мужей и о том, кто это сделал. Конунг спросил, не знают ли они, где спрятаны сокровища конунга. Служанка-та отвечает:

— Разумеется, знаем! — и показала ему сокровища-те.

И находят они большое богатство, так что люди не помнили, чтобы когда-либо им приходилось видеть так много золота в одном месте, ни столько драгоценностей сразу. Отнесли все на корабль Алфа-конунга. Хьордис последовала за ним, и служанка тоже. Плывет он домой в свою землю и говорит: «Пали ныне те конунги, что всех были славнее».

Конунг стал на руль, а они уселись на корме; он разговорился с ними и оценил их речи. Прибыл конунг домой с великим богатством. Алф был человек отменнейший. И когда побывали они недолгое время вместе, спросила старая-та королева сына своего Алфа:

— Почему у той, что красивее, меньше колец и наряд поплоче? И сдается мне, что та из них высокороднее, которую вы меньше почтили.

Он отвечал:

— И мне показалось, что не холопский у нее обычай, а когда мы с ней повстречались, умела она сказать знатым людям приветное слово, — и теперь мы ее испытаем.

И вот однажды за питьем повел конунг с ними беседу и спрашивает:

— Как узнаете вы время, когда ночь клонится к концу, а звезд на небе не видно?

Служанка отвечает:

— Есть у нас такой знак: я смолоду приучена много пить на заре, а когда я от этого отстала, то начала я потом просыпаться в тот час — и это мой знак.

Усмехнулся конунг и молвил:

— Плохо воспитали королевну.

Тут он подходит к Хьордис и задает ей тот же вопрос. Она ему отвечает:

— Отец мой подарил мне золотое колечко с таким свойством, что оно перед зарей холодеет у меня на пальце — это мой знак.

Конунг отвечал:

— Много же там было золота, что и служанки его носили. А теперь довольно ты от меня скрывалась. И все равно обошелся бы я с тобой, как если бы мы от одного конунга родились оба, хоть ты и назвалась служанкой. А теперь будешь ты почтена более того, потому что станешь ты моей женой, и дам я за тебя вено, как только родится твой ребенок.

Она ответила ему и рассказала всю правду о себе. И стала она жить там в великой чести и в почете.

ХІІІ

РОЖДАЕТСЯ СИГУРД

Сказывают так, что Хьордис родила мальчика-сына, и отвезли мальчика-того к Хьялпреку-конунгу²⁴. Обрадовался конунг, когда увидал острые те глаза, что были у него во лбу, и сказал, что ни с кем он не будет схож и никому равен. И окропили его водою и дали ему имя — Сигурд. И был он взращен у Хьялпрека-конунга в большой любви. И как начнут исчислять наиславнейших людей и конунгов в древних сагах, так всегда будет Сигурд впереди всех по силе и сноровке, по крепости и мужеству, в коих был он превыше всех людей на севере земли.

Рос Сигурд у Хьялпрека, и все дети его любили. Хьялпрек женил Алфа-конунга на Хьордисе и назначил ей вено²⁵.

Регином звался пестун Сигурдов и был он сыном Хрейдмара; он научил Сигурда всякому искусству²⁶: тавлеям и рунам и на разных языках говорить, как подобало королевичу, — и многим другим хитростям. Однажды спросил

Регин Сигурда, когда были они наедине, знает ли он, какое великое богатство было у его отца и кто его хранит. Сигурд отвечает и говорит, что охраняют его конунги. Регин спросил:

— Крепко ли ты им веришь?

Сигурд отвечает:

— Надлежит им хранить его, пока мне не понадобится, потому что лучше они сберегут его, чем я.

В другой раз повел Регин беседу с Сигурдом и молвил:

— Дивно мне, что ты хочешь стать конюхом у конунгов и жить, как приبلудный.

Сигурд отвечает:

— Это не так, потому что мы сообща всем заправляем. И они дают мне все, что я захочу.

Регин молвил:

— Попроси их дать тебе коня.

Сигурд отвечает:

— Будет так, если я пожелаю.

Тут идет Сигурд к королю. Король спросил Сигурда:

— Чего ты от меня хочешь?

Сигурд отвечает:

— Хотим мы получить коня себе на забаву.

Конунг молвил:

— Выбери себе сам коня, какого захочешь, из нашего табуна.

На другой день пошел Сигурд в лес и встречает он старика с длинной бородой, и был он ему незнаком. Старик спросил, куда Сигурд идет. Тот ответил:

— Надо мне выбрать коня. Присоветуй мне.
Тот молвил:

— Пойдем и погоним коней к реке-той, что зовется Бусилтьорн.

Они стали гнать коней в глубокое место реки, а те поплыли обратно к берегу, кроме одного жеребца, и его-то взял себе Сигурд. Тот жеребец был серой масти и молод годами, велик ростом и красив собой; никто еще не садился к нему на спину. Бородатый человек молвил:

— Этот жеребец происходит от Слейни, и тщательно надо его взрастить, чтобы стал он всех коней лучше.

И тут человек исчез. Сигурд назвал коня Грани, и был тот конь превосходен: Один его выбрал. Снова молвил Регин Сигурду:

— Очень мало у тебя добра. И мне это обидно, что ты бегаешь, как деревенский парнишка; а я могу показать тебе великое сокровище, и уж верно то, что будет тебе честь и хвала до него добраться, если сумеешь.

Сигурд спросил, где оно находится и кто его стережет. Регин отвечает:

— Фафни зовется тот, кто лежит на нем неподалеку отсюда в месте, коему имя — Гни-тахейд. И когда ты придешь туда, то сам скажешь, что никогда не видал больше золота в одном месте, и не надо тебе больше того, хоть бы ты стал всех королей и старше и славнее.

Сигурд отвечает:

— Известен нам род этого змея, хоть и молоды мы еще; и слышал я, что никто не

смеет супротив него выйти ради величины его и злости.

Регин отвечает:

— Это не так: рост его — как у степных змеев, и больше о нем говорят, чем есть на деле; и могло так показаться давним твоим предкам. А ты хоть и из рода Волсунгов, но, видно, не ихний у тебя нрав, ибо они считались первыми во всех похвальных делах.

Сигурд отвечает:

— Может то быть, что мало у нас от их богатырства и крепости. А все же тебе нечего нас хулить, пока мы малы и в детских летах. И зачем ты так сильно меня подстрекаешь?

Регин отвечает:

— Есть о том сага, и я тебе ее поведаю.

Сигурд молвил:

— Дай мне послушать.

XIV

— С того начинается сага эта, что Хрейдмаром звался мой отец, великий и богатый. Один сын его звался Фафни, другой — Отр, а третий был я, и был я всех меньше и в мастерстве и в проворстве: умел я из железа подделки делать и из серебра и из золота, и каждый раз я мастерил что-нибудь новое. У Отра, брата моего, другая была стать и природа: он был ловец великий превыше всех людей, и днем он ходил в образе выдры и все время плавал в воде и зубами ловил рыбу. Добычу относил он отцу, и было это тому большой подмогой. Очень он был похож на выдру; приходил вечером домой и ел, зажмурившись, и поодаль от всех, так как плохо видел на суше. Фафни был всех больше и свирепее и хотел он назвать своим все, что у нас было.

Карлик некий назывался Андвари, — говорил Регин; — плавал он все время в водопаде-том, что зовется Андварафорс, в образе щуки и ловил себе там пищу, ибо множество рыбы было в водопаде. Отр, брат мой, всегда пры-

гал в тот водопад, выхватывал рыбу мордою и каждый раз выплывал на берег.

Один, Локи, Хени шли своею дорогою и пришли к Андварафорсу. Отр как раз поймал лосося и, зажмурившись, ел на берегу. Локи схватил камень, бросил в выдру-ту и убил на-смерть. Показалось это асам счастливой охотой, и содрали они с выдры шкуру. В тот же вечер пришли к Хрейдмару и показали ему добычу-ту. Тут захватили мы их в полон и наложили на них выкуп и виру, чтобы они наполнили золотом шкуру-ту и сверху прикрыли красным золотом. Тогда послали они Локи набрать золота. Он пошел к Ран и взял у нее невод; вернулся к Андварафорсу и закинул невод, и прыгнула в невод щука-та. Тут молвил Локи:

[Речинсмор, 1]

5 Что здесь за рыба, что плавает в речке.

А сметкой спастись не сможет?

Коль вызволить хочешь из Хел свою голову,

Выдай мне пламя вод²⁷.

Андвари — имя мне, Один — отец мой.

10 В разных реках я плавал.

В давние дни недобрые дысы

Судили мне жить средь жижи.

Локи видит золото-то, что было у Андвари. А когда тот выдал золото, оставался у него один перстень, но и тот отнял Локи. Карлик ушел под камень и молвил, что всякому перстень будет к смерти, кто им завладеет, а также и золотом всем.

Асы-те отдали Хрейдмару клад и туго набили шкуру выдры и поставили ее на ноги: тут должны были асы насыпать золота и прикрыть шкуру снаружи; а когда это было исполнено, подошел Хрейдмар и увидел, что торчит волосок от усов, и приказал прикрыть. Тут снял Один с руки своей перстень Андваранут и прикрыл волосок. Тогда сказал Локи:

[Речинсмор, 6]

Выдана вира, взял ты выкуп
Жирный за нашу жизнь.

15 Не на радость он будет тебе и роду:
С сыном примешь ты смерть.

Затем убил Фафни отца своего, — сказал Регин, — и зарезал его, а я ничего не получил от богатства. Стал он так свиреп, что ушел от людей и не хотел, чтобы кто-нибудь наслаждался кладом-тем, кроме него самого, а после обернулся он лютым змеем и лежит теперь у этого клада. Пошел я тогда к конунгу и стал у него кузнецом. И в том суть моего сказа, что остался я без отчины и без виры за брата. Золото с тех пор прозвано «вира за выдру», и отсюда извлекают сравнения²⁸.

Сигурд отвечает:

— Многого ты лишился, и великие злодеи были твои родичи. Скуй ты теперь меч по своему уменью, чтоб равного ему никогда сковано не было, а я совершу великое дело, если смелости хватит, и если ты хочешь, чтобы я убил большого того дракона.

XV

РЕГИН ВЫКОВАЛ ГРАМ

Тогда Регин смастерил меч и дает его Сигурду. Тот принял меч и молвил:

— Такова ли твоя ковка, Регин? — и ударил по наковальне и разбил меч. Он выбросил клинок-тот и приказал сковать новый по-лучше. Смастерил Регин другой меч и дал Сигурду, и тот на него взглянул.

— Этот тебе уж верно понравится, хоть и трудно тебе угодить.

Сигурд испытал этот меч и сломал, как и прежний. Тогда молвил Сигурд Регину:

— Видно, ты похож на древних своих родичей и очень коварен.

Тут пошел он к своей матери, и она хорошо его принимает, и вот они друг с другом беседуют и пьют. Молвил тогда Сигурд:

— Правду ли мы слышали, будто Сигмунд-конунг отдал вам меч Грам, надвое сломанный.

Она отвечает:

— Это правда.

Сигурд молвил:

— Отдай его в мои руки! я хочу им владеть.

Она сказала, что он обещает быть славным воином, и дала ему меч-тот. Тут пошел Сигурд к Регину и приказал ему починить меч по своему уменью. Регин рассердился и пошел в кузницу с обломками меча, и думает он, что трудно угодить Сигурду ковкой. Вот смастерил Регин меч, и, когда вынул он его из горна, почудилось кузнечным подмастерьям, будто пламя бьет из клинка. Тут велит он Сигурду взять меч-тот, а сам говорит, что не может сковать другого, если этот не выдержит. Сигурд ударил по наковальне и рассек ее пополам до подножья, а меч не треснул и не сломался. Он сильно похвалил меч и пошел к реке с комком шерсти и бросил его против течения, и поставил меч, и рассек комок пополам. Тогда Сигурд весело пошел домой. Регин молвил:

— Нужно теперь выполнить наш уговор, раз я сковал меч, — и разыскать Фэфни.

Сигурд отвечает:

— Выполним мы это; но сперва — другое: отомщу я за отца своего.

Тем дороже был Сигурд народу, чем старше он становился, так что каждый ребенок любил его от всего сердца.

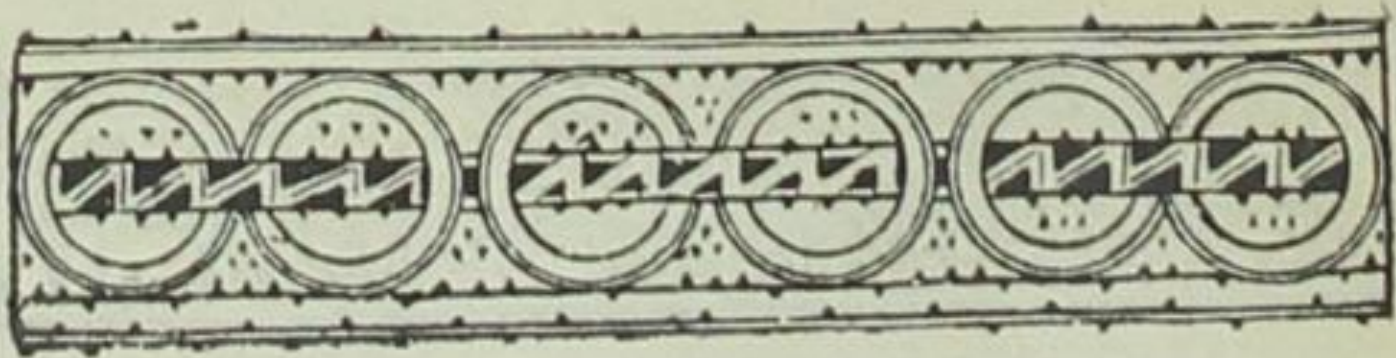
XVI²⁹

Грипи звался человек некий и приходился и Сигурду дядей по матери. Немного погодя, после того как меч-тот был скован, поехал Сигурд к Грипи, потому что тот слыя премудрым и знал судьбы людей. Сигурд спросил, как протечет его жизнь, а тот долго отнекивался, но под конец, по настойчивой просьбе Сигурда, поведал всю его судьбу, — и все после исполнилось. А когда Грипи сказал все, что ему хотелось знать, то поехал он домой. И вскоре затем встретился он с Регинном, и тот молвил:

— Убей Фафни, как обещал.

Сигурд отвечает:

— Совершится это, но сперва — другое: отомстим мы за Сигмунда-конунга и других родичей наших, что пали в том бою.

XVII

СИГУРД УБИЛ ЛЮНГВИ И ХЬОРВАРДА И ВСЕХ-ТЕХ

Вот идет Сигурд к конунгам и говорит им:

— Здесь побыли мы довольно и очень вам благодарны за любовь и за великую честь. А теперь хотим мы ехать в чужие страны и разыскать сыновей Хундинга; и хочу я, чтоб они знали, что не все умерли Волсунги. И для этого дела просим мы вашей помощи.

Конунги обещали дать ему все, чего он пожелает. Собрали тогда большую дружину и всё как можно лучше снарядили — и струги и все доспехи, чтобы поход его был лучше других прежде бывших. Сигурд управлял тем драконом, который больше всех и виднее. Паруса их были отлично сотканы и великолепны на вид. Поплыли они с попутным ветром; но немного дней прошло, как поднялась непогода великая с бурей, и стало море — словно из крови. Сигурд запретил спускать паруса, хоть бы они порвались; напротив, приказал поднять их выше прежнего.

И когда поровнялись они с неким скалистым посом, то какой-то человек крикнул оттуда и спросил, кто ведет дружину. Ему ответили, что воеводой у них Сигурд Сигмундарсон, славнейший средь юных мужей. Человек отвечал:

— Все в один голос говорят про него, что ни один королевич не сравнится с ним. Хочется мне, чтобы вы спустили паруса на одном из кораблей и захватили меня с собою.

Они спросили, как ему имя. Он отвечал:

[Речи смол, 18]

Хникаром звался я, когда свою храбрость
В войнах я тешил, Волсунг юный.
Кличь меня ныне Старцем с Камня,
²⁰ Фенгом иль Фьолни. Еду я с флотом.

Они подошли к берегу и взяли старца на струг. Тут унялась непогода, и едут они, пока не прибывают в землю сынов Хундинга. Тогда Фьолни исчез.

Тут дают они разгуляться железу и жупелу, убивают людей и жгут жилье и все разоряют на своем пути. Спасаются толпы к Люнгви-конунгу и говорят, что напала рать на землю и злее свирепствует, чем все прежние воинства. Называли они непрозорливыми сынов Хундинга, что мнили, будто нечего им бояться Водсунгов, — а вот теперь войско ведет Сигурд Сигмундарсон.

Тут Люнгви-конунг посылает по всей земле собирать войско; зовет он к себе всех мужей, что хотят помочь ему оружием, — и вот он выходит навстречу Сигурду с огромною ратью,

и братья его с ним. Завязывается там жесточайший бой между ними. Можно было в воздухе видеть много дротов и стрел множество, секиры, крепко разящие, щиты расщепленные, брони рассеченные, шеломы разбитые, черепа расколотые и груды людей, павших на землю. Долго так бушевала битва, — и вот идет Сигурд прямо к стягам, а в руках у него меч-тот Грам; порубает он и людей и коней и выступает навстречу полкам, и обе руки у него в крови по плечи. И разбегаются люди на его пути, и никого не спасает ни шлем ни броня, и всякий думает, что никогда не видал подобного мужа.

Долго длилось это сражение с великим побоем и грозным натиском. Редко бывает, чтоб напала сухопутная рать и дело ничем не кончилось. Так и тут было: столько потеряли сыны Хундинга, что никто им не знает счета. А когда Сигурд далеко углубился во вражеские ряды, то вышли против него сыновья Хундинга-конунга. Ударил тогда Сигурд Люнгвиконунга и рассек его шлем и голову и живот под броней; и затем разрубил он Хьорварда, брата его, пополам на две части, а после перебил всех сынов Хундинга, что еще оставались в живых, и большую часть их дружины³⁰.

Едет теперь Сигурд домой с дивной победою и великим богатством и славой, добытою в этом походе. А дома, в родной земле, устроили в честь его пиrowание. А когда Сигурд побыл дома малое время, приходит Регин на беседу с Сигурдом и говорит:

— Верно, хотите вы теперь, как обещали, скинуть с Фафни шлем-тот, раз вы отомстили за отца и прочих своих родичей.

Сигурд отвечает:

— Исполним мы все, как обещали тебе, и не выпало у нас это из памяти.

XVIII

ВОТ ЕДУТ РЕГИН И СИГУРД ³¹

Вот едут Сигурд и Регин в пустынные горы к той тропе, по которой обычно проползал Фэфни, когда шел на водопой, и сказывают, что с тридцать локтей был тот камень, на котором лежал он у воды, когда шл.

Тогда промолвил Сигурд:

— Сказал ты, Регин, что дракон этот не больше степного змея, а мне сдается, что следы у него огромные.

Регин молвил:

— Вырой яму и садись в нее, а когда змей поползет к воде, ударь его в сердце и так предай его смерти; добудешь ты этим великую славу.

Сигурд молвил:

— Как быть, если кровь змея-того зальет меня?

Регин отвечает:

— Нечего тебе и советовать, раз ты всего пугаешься, и не похож ты отвагою на своих родичей.

Тут поехал Сигурд в пустыню, а Регин спря-
тался от сильного страха. Сигурд выкопал яму;
а пока он был этим занят, пришел к нему старик
с длинной бородой и спросил, что он делает,
и Сигурд ему сказал. Отвечает ему старик:

— Это дурной совет: вырой ям побольше,
чтобы кровь туда стекала, а ты сиди в одной
и бей змея-того в сердце.

Тут старик исчез, а Сигурд выкопал ямы,
как было сказано. А когда змей-тот пополз к
воде, то задрожала вся округа, точно сотряс-
лась земля, и брызгал он ядом из поздрей
по всему пути, но не утрашился Сигурд и
не испугался этого шума. А когда змей про-
ползал над ямой-той, вонзил Сигурд меч под
левую ключицу, так что клинок вошел по ру-
коять. Тут выскакивает Сигурд из ямы-той и
тянет к себе меч, и руки у него — все в крови
по самые плечи. И когда огромный тот змей
почуял смертельную рану, стал он бить голо-
вой и хвостом, дробя все, что под удар попа-
дало. И когда принял Фэфни смертельную рану,
стал он спрашивать:

— Кто ты таков, и кто твой отец и какого
ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?

Сигурд отвечает:

— Род мой неведом, и имя мне — Статный
Зверь, и нет у меня ни отца ни матери, и
один совершил я путь.

Фэфни отвечает:

— Если нет у тебя ни отца ни матери, то
от какого же чуда рожден ты? И если ты скры-
ваешь от меня имя свое в смертный мой час,
то знай, что ты — лжец.

Тот отвечает:

— Называюсь я Сигурд, а отец мой — Сигмунд.

Фафни отвечает:

— Кто подговорил тебя на это дело и как дал ты себя подговорить? Разве ты не слышал, что все люди боятся меня и моего шлема-страшилища? Остроглазый отрок, отважен был твой отец.

Сигурд отвечает:

— Подстрекнул меня крепкий дух, а совершить помогла эта мощная длань и этот мой острый меч, как ты теперь изведal; и редко в старости стоек, кто в детстве дрябл.

Фафни говорит:

— Знаю я, что если бы взращен ты был в роду своем, то умел бы биться грозно; но большое диво, что кашей полоненный отважился биться со мною, ибо

21. редко пленник отважен в поле

Сигурд молвил:

— Попрекаешь ты меня тем, что возрос я вдали от рода. Но хоть был я взят на войне, никогда я не был рабом, и ты на себе испытал, что я — свободнорожденный.

Фафни отвечает:

— За обиду принимаешь ты все, что я говорю. Но будет тебе на погибель золото то, которым я владел.

Сигурд отвечает:

— Всяк в добре своем властен лишь по некий день, и когда-нибудь всякий умрет.

Фафни молвил:

— Мало, сужу я, ты совершишь, коль опро-
метчиво выйдешь в море, а лучше пережди на
берегу, пока у ляжется ветер.

Сигурд молвил:

— Скажи ты мне, Фафни, если ты премудр:
каковы те норны, что метят детей при ро-
дах?

Фафни отвечает:

— Много их, и различны они по роду:

[Фафнисмол, 13]

Иные — из асов, иные — из алфов,
22 Иные — дочери Двалина.

Сигурд молвил:

[Фафнисмол, 14]

— Что за остров, где будут брагу мечей
25 Смешивать Сурт и асы?

Фафни отвечает:

— Он зовется Оскапт.

И еще молвил Фафни:

— Регин-брат — виновник моей смерти, и
так сдастся мне, что станет он виновником и
твоей смерти, и все идет, как он пожелал.

Еще молвил Фафни:

— Я носил шлем-страшилище перед всем
народом, с тех пор как лежал на наследии
брата, и брызгал я ядом на все стороны вдаль,
и никто не смел приближаться ко мне, и ни-
какого оружия я не боялся и ни разу не ви-
дел я пред собой стольких людей, чтоб не
считал я себя много сильнее их; и все меня
страшились.

Сигурд молвил:

— Тот шлем-страшилище, о коем ты говоришь, мало кому дает победу, ибо всякий, кто встречается со многими людьми, познает однажды, что

26 самого смелого — нет.

Фафни отвечает:

— Мой тебе совет, чтобы ты сел на коня и ускакал отсюда как можно скорее, ибо часто случается, что тот, кто насмерть ранен, сам за себя отомстит.

Сигурд сказал:

— Таков твой совет, но я поступлю иначе; поскачу я к твоему логову и возьму великое то золото, которым владели родичи твои.

Фафни отвечает:

— Поедешь ты туда, где найдешь так много золота, что скончает оно твои дни; и это самое золото будет тебе на погибель и всякому другому, кто им завладеет.

Сигурд встал и молвил:

— Поехал бы я домой, хоть бы и лишился великого этого богатства, если бы знал, что никогда не умру.

[Фафнисмол, 21]

И отважнейший воин властен над золотом

По некий суженый срок.

Ты ж, Фафни, майся в предсмертных муках,

50 И пусть тебя примет Хел.

И тут умер Фафни.

XIX

РЕГИН ИСПИЛ КРОВИ ФАФНИ

После этого пришел Регин к Сигурду и молвил:

— Благо тебе, господин мой! великую победу ты одержал, убивши Фэфни, и до сей поры никто не дерзал стать ему поперек дороги, и этот подвиг будут помнить, пока свет стоит.

Вот стоит Регин и глядит в землю, а затем говорит в великом гневе:

— Брата моего ты убил, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут берет Сигурд свой меч Грам и вытирает о траву и молвит Регину:

— Далекó ушел ты, когда я совершил это дело и испытал этот острый меч своею рукою; и своею мощью поборо́л я силу змея, покуда ты лежал в степном кустарнике и не знал, ни где земля, ни где небо.

Регин отвечает:

— Долго пролежал бы этот змей в своем логове, если бы ты не владел мечом, что

своим я тебе своею рукою, и не совершил ты этого один без чужой помощи.

Сигурд отвечает:

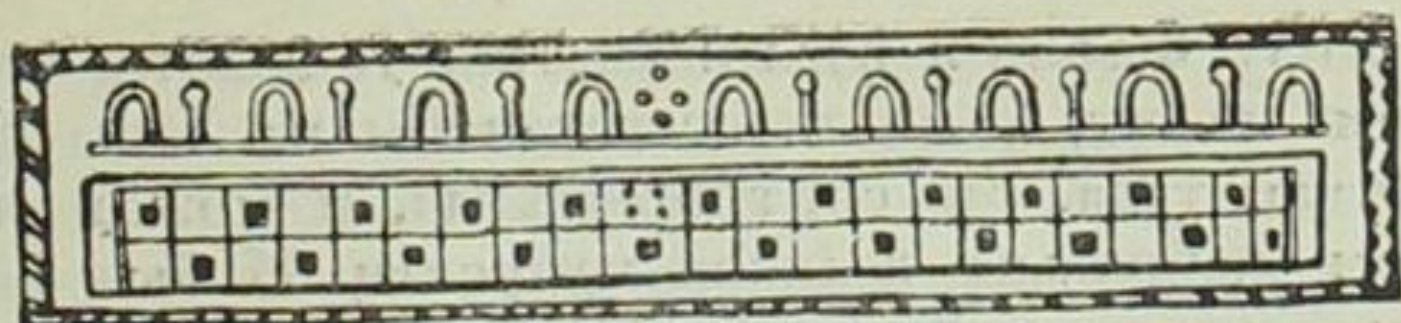
— Когда доходит до боя между мужчинами, лучше тут служит человеку храброе сердце, чем острый меч.

Тогда молвил Рegin Сигурду в великой печали:

— Ты убил моего брата, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут вырезал Рegin сердце у змея тем мечом, что звался Ридил; тут испил Рegin крови Фафни и молвил:

— Исполни мою просьбу; для тебя это — легкое дело: пойдн к костру с сердцем этим, изжарь его и дай мне поестъ.

XX

СИГУРД СЪЕЛ ЗМЕИНОЕ СЕРДЦЕ

Сигурд пошел и стал жарить на вертеле, а когда мясо зашипело, он тронул его пальцем, чтоб испытать, хорошо ли изжарилось. Он сунул палец в рот, и едва сердечная кровь змея попала ему на язык, как уразумел он птичий говор.

Услышал он, как сойки³² болтали на ветвях подле него:

— Вот сидит Сигурд, жарит сердце Фафни, что сам бы он должен был съесть. Стал бы он тогда мудрее всех людей.

Другая говорит:

— Вот лежит Регин и хочет изменить тому, кто во всем ему доверяет.

Тут молвила третья:

— Лучше бы он отрубил ему голову: мог бы он тогда один завладеть золотом этим несметным.

Тут молвит четвертая:

— Был бы он разумнее, если бы поступил так, как они ему советуют, а затем поехал к

логову Фафни и взял несметное то золото, что там лежит, а после поскакал бы на Хиндар-Фьалл, туда, где спит Брюнхилд, и может он там набраться великой мудрости. И был бы он умен, если бы принял наш совет и думал бы о своей выгоде, ибо

51 волка я чую, коль вижу уши.

Тут молвила пятая:

— Не так он быстр рассудком, как мне казалось, раз он сразил врага, а брата его оставляет в живых.

Тут молвила шестая:

— Ловко было бы, если бы он его убил и один завладел богатством.

Тут молвил Сигурд:

— Да не будет такой напасти, чтобы Регин стал моим убийцей, и пусть лучше оба брата пойдут одной дорогой.

Взмахнул он тогда мечом-тем Грамом и отрубил Регину голову, а затем съел он часть змеяного сердца, а часть сохранил. После вскочил он на коня своего и поехал по следам Фафни к его пещере и застал ее открытой. И из железа были двери все и также все петли и ручки, и из железа же все строила постройки, и все это — под землей. Сигурд нашел там многое множество золота и меч-тот Хротти, и там взял он шлем-страшилище и золотую броню и груды сокровищ. Он нашел там так много золота, что, казалось, не снесут ни двое коней ни трое. Это золото он все выносит и складывает в два огромных ларя.

Вот берет он под узды коня-того Грани.
Конь-тот не хочет итти, и понукание не по-
могает. Тут Сигурд понял, чего хочет конь:
вскакивает он ему на спину, дает шпоры —
и мчится тот конь, словно совсем без поши.

XXI

О СИГУРДЕ ³³

Вот едет Сигурд по дальним дорогам. И все он ехал, пока не прибыл на Хиндарфьалл и не свернул на юг, к Франкской земле. На горе увидал он пред собою свет великий, точно огонь горит, и сияние поднималось до неба, а когда он подъехал, встала перед ним стена из щитов ³⁴ и высилась над лесом. Сигурд вошел за ограду-ту и увидал, что там спит человек и лежит в полном вооружении. Сигурд сперва снял с него шлем и увидел, что это — женщина: она была в броне, а броня сидела так плотно, точно приросла к телу. И вспорол он броню от шейного отверстия книзу и по обоим рукавам, и меч резал панцырь, словно платье. Сигурд сказал ей, что слишком долго она спала. Она спросила, что за мощное оружие вскрыло броню-ту — «и кто разбил мою дрему? разве явился Сигурд Сигмундарсон, что носит на голове шлем Фафни и убийцу его в руках ³⁵?»

Отвечает на это Сигурд:

— От семени Волсунгов тот, кто это сделал; и слышал я, что ты — могучего конунга дочь. И сказывали нам тоже о вашей красе и мудрости, и это мы хотим проверить.

Брюнхилд поведала, как сразились два конунга: одного звали Хьалмгуннар; был он старик и величайший воин, и ему обещал Óдин победу, а другой звался Агнар, или братом Ауд.

— Я убила Хьалмгуннара в бою, а Óдин уколол меня сонным шипом в отместку за это и рек, что никогда больше не одержу я победы, и приказал мне выйти замуж. А я в ответ дала клятву: не выходить за того, кому ведом страх.

Сигурд молвил:

— Научи меня великому веденью.

Она отвечает:

— Вы сами лучше знаете, но с радостью научу я вас, если есть что-либо, что нам известно, а вам может приттись по сердцу — руны и прочие знания на всякие случаи жизни. И выпьем мы вместе кубок, и да пошлют нам боги-те счастливый день, а ты запомни нашу беседу.

Брюнхилд наполнила кубок и подала Сигурду и промолвила:

[Сигурдрифумол, 5]

Вот кубок браги, вождь бранного веча,
В нем смешана сила с мощной славой,
Полоп он песен, письмен на пользу
55 Разных заклятий и радостных рун.

[Сирдрифумол, 6]

Знай ты руны побед, коль разума жаждешь.
И режь их на ручке оружия,
По краю меча и по кромке стали,
Дважды тайно вызови Тю³⁶.

[Сирдрифумол, 9]

40 Руны волн ты ведай, коль вызволить хочешь,
Парусных коней из пены,
Нарежь их на рей, на руль и штевень
И выжги на веслах огнем.
При быстром прибое, при бурных волнах
45 Без горя войдешь ты в гавань.

[Сирдрифумол, 11]

Руны слов ты сведай, чтоб тебе не смели
Злобой воздать за зло.
Их и выют, их и ткнут,
Их всех сразу сводят
50 На тинге том, куда толпы придут
На самый последний суд.³⁷

[Сирдрифумол, 7]

Руны браги ведай, коль веришь чужой жене
И хитрой измены не хочешь³⁸.
На роге их режь и на кисти рук
И пометь на ногте «Науд».
-55 Осени свой кубок, хранись от козней
И брось в братину порей¹⁵:
Ведомо мне, что вовек ты не выпьешь
С черными чарами меду.

[Сирдрифумол, 8]

Руны горные³⁹ помни, коль помощь хочешь
подать

60 Матери в муках родильных.
На ладони их вывели, вей вокруг тела⁴⁰,
Добрый дисам молись.

[Сирдрифумол, 10]

Руны леса познай, коль лекарем хочешь ты
И ведать разные раны. стать
65 На лыке их режь и на листьях ствола,
Что вытянул ветви к востоку.

[Сирдрифумол, 12]

Руны мысли ты помни, коль самым мудрым
Хочешь на свете слыть.
Их чертил, их читал,
70 Измыслил их хитрый Хропт.

[Сирдрифумол, 15]

На щит они были нарезаны, что носит богиня
блеска,
На уши Арвака, на бабку Алсвина,
На резвый обод повозки Рогни,
На зубы Слейпни и на санный подрез.

[Сирдрифумол, 16]

75 На лапу бурого, на язык Браги,
На волчьи когти, и на клюв орла,
На кровавые крылья, на мостовые крепи,
На ладонь избавителя, на лекаря след⁴¹.

[Сирдрифумол, 17]

На стекла и золото, на серебро светлое,
80 В вина и в солод, на кресло волвы.
На лезвие Гунгни и на грудь великанши
На пюгель норны и на нос совы.

[Сигурдрифумол, 18]

Все они были соскоблены, те, что были
нарезаны;

85 В священный замешаны мед
И посланы в дальний путь:
Иные — к алфам, иные — к асам,
Иные — к вещим ванам,
Иные — к людям людским.

[Сигурдрифумол, 19]

90 Это руны бука, это руны брега
И разные руны браги,
И славные руны силы.
Кто помнит, не портя, кто помнит, не путая,
Тому они будут во благо.
95 Коль понял, так пользуйся
До гибели горних⁴².

[Сигурдрифумол, 20]

Выбери ныне (волен твой выбор),
О, крепких копий клен⁴³,
Молчать иль молвить, как сам ты мыслишь,
Кончена речь о рунах.

Сигурд отвечает:

[Сигурдрифумол, 21]

400 Не брошусь в бегство, хоть бы близилась смерть.
Не робким рожден я родом.
Твой добрый совет хранить я должен,
Покуда есть в жилах жизнь.

XXII

ПРЕМУДРЫЕ СОВЕТЫ БРЮНХИЛД

Сигурд молвил:

— Не найдется в мире женщины мудрее тебя. Продолжай же свои поучения.

Она отвечает:

— Нет препоны к тому, чтоб исполнить вашу волю и дать совет на благо по вашему настоянию и любопытству.

И тут она заговорила:

— Будь благостен к родичам своим и не мсти им в распрах, и сноси терпеливо, и добудешь тем долговечную хвалу.

Сторонись от дурного дела, от любви девы и мужней жены; часто от них чинится зло.

Не заводи свары с глупым человеком на многолюдном сборище: часто он болтает, чего сам не знает, а тебя потом ославят трусом и скажут, что ты опорочен справедливо: уж если так, то лучше убей его на другой день и воздай за злобные речи.

Если въедешь на путь, где гнездятся вредные ведьмы, крепко себя береги: не заночуй

близ дороги, если даже застигнет тьма, ибо часто спдят там злые ведьмы, что сбивают мужей с пути.

Не поддайся путам прекрасных жен, которых на пиршествах видишь, чтоб не лишился ты сна и не впал в тоску. Не мани их к себе поцелуем иль иною ласкою. И если услышишь слова пьяного человека, не спорь с тем, кто напился вина и потерял рассудок: многим это было на горькое горе и даже на гибель. Лучше сразиться с врагами, чем быть сожженным¹³, и не давай ложной клятвы, ибо —

104 грозная месть нарушителю мира.

Бережно блюди трупы умерших от мора, умерших от моря, умерших от меча. Воздай их телу должную почесть; но берегись тех, кого ты убил: бойся отца или брата или близкого родича, даже самого юного, ибо часто

105 скрыт волк в юном сыне.

Опасайся предательских советов друзей, ибо нечего было бы нам бояться за жизнь, если бы злоба свойственников нас не настигала.

Сигурд молвил:

— Нет человека мудрее тебя, и в том я клянусь, что женюсь на тебе, ибо ты мне по сердцу.

Она отвечает:

— За тебя я пойду охотнее всего, хоть бы пришлось мне выбирать между всеми людьми.

И так обменялись они клятвами.

XXIII

ОБЛИЧЬЕ СИГУРДА ⁴¹

Вот поехал Сигурд оттуда прочь.

Щит его был так расписан: весь он был залит червонным золотом, и начертан на нем дракон, сверху темно-бурый, а снизу ярко-алый, и так же были расписаны его шлем и седло и камзол; носил он золотую броню, и все оружие его было отделано золотом. И для того был дракон начертан на всех его доспехах, чтобы всякий, кто его увидит, мог узнать, что это он, от всех, слышавших о том, как он убил того великого дракона, которого варяги называют Фафни. И потому доспехи его отделаны золотом и окрашены в коричневую краску, что много он выше всех людей по вежеству и придворному обхождению и вряд ли не по всем прочим статьям. И когда примутся исчислять всех наивеличайших витязей и наиславнейших вождей, то всегда называют его в первую голову, и имя его — у всех на языке к северу от Греческого моря, и так будет, пока свет стоит.

Волосы его были темно-русые и красивые на вид и ниспадали длинными волнами; борода — густая, короткая, того же цвета. Нос у него был большой, а лицо открытое и ширококостое. Взор у него был такой острый, что редко кто осмеливался заглянуть ему под брови. Лопатки у него были широкие, как у двух людей сразу. Тело его было соразмерно в высоту и в ширину и сложено, как нельзя лучше. И вот — примета его роста: когда он опоясывался мечом-тем Грамом, — а был тот меч длиною в семь пядей, — и шел по заколосившемуся ржаному полю, то конец ножен еле касался колосьев; а сила его — больше, чем рост.

Хорошо умеет он мечом рубить, и копьём колоть, и дротом метать, и щит держать, и лук натянуть, и на коне скакать и всяческому придворному вежеству ⁴⁵ научился он смолоду.

Он был так мудр, что ведал грядущее, разумел птичий говор, а потому почти ничто не застигало его врасплох. Он был красноречив и находчив, так что когда начинал говорить, то никогда не кончал без того, чтобы не убедились все, что не может быть никак иначе, а только так, как он сказал. И в том было его веселье, чтобы помогать своим людям и испытывать себя в великих подвигах и отнимать добро у недругов и раздавать друзьям. Ни разу не покинуло его мужество, и никогда он не испытал страха.

XXIV

СИГУРД ПРИБЫЛ К ХЕЙМИ ⁴⁶

Вот поехал Сигурд, пока не прибыл к большому двору; тем двором владел некий великий хофдинг, по имени Хейми. Он был женат на сестре Брюнхилд, что звалась Бекхилд, потому что она оставалась дома и училась рукоделю, а Брюнхилд носила шлем и броню и ходила в бой, и потому прозвали ее Брюнхилд. У Хейми и Бекхилд был сын, по имени Алсвин, куртуазнейший из людей.

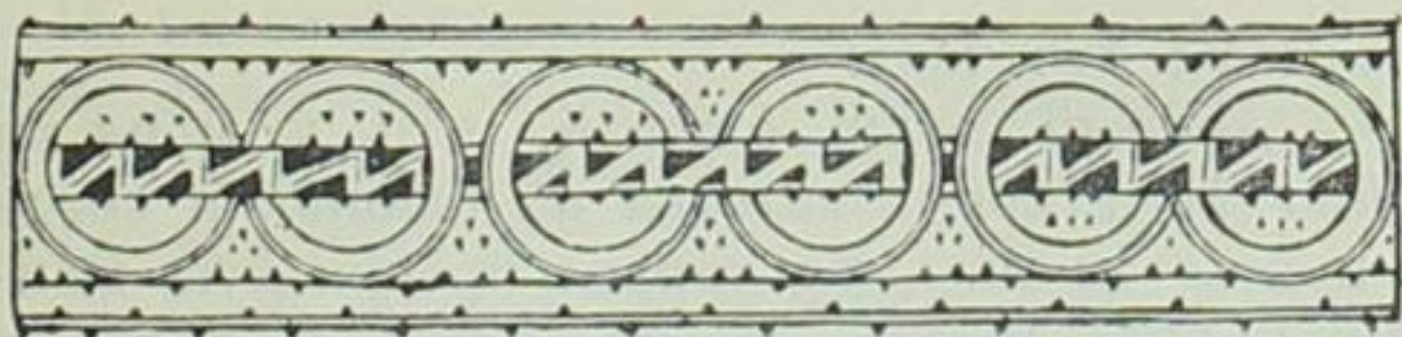
Все забавлялись перед домом, но когда увидели человека, скакавшего по двору, то бросили игру и очень удивились, ибо никогда не видали ему подобного; вышли они ему навстречу и приняли радушно. Алсвин предложил Сигурду остаться у него и взять все, что пожелает. Сигурд принял приглашение, и ему назначили подобающую челядь; четверо человек сняли с коня золото-то, а пятый помог ему слезть. Тут можно было видеть множество сокровищ, славных и редкостных. Любо было разглядывать брони и шлемы, и круп-

ные заплата, и дивно-огромные золотые кубки, и всякого рода бранные доспехи. Сигурд пробыл там долго в великом почете. Разнеслась тогда весть по всей земле, что убил он ужасного того дракона. И подружились они с Алсвином и полюбили друг друга. И оправляют они свое оружие и точат свои стрелы и кормят своих соколов.

УИИ

КАК АЛСВИН ПОСЛАЛ СВОЮ ДУХОВНУЮ ПУШКУ

В то время, когда Сигурд и Алсвин жили в великом почете, случилось так, что Алсвин захотел послать свою духовную пушку. Он взял себе много золота и серебра, и отправил их в разные стороны. И так случилось, что пушка эта пришла к некоторым людям, которые были очень бедны. Они увидели, что это золото и серебро, и захотели их себе. Но Алсвин узнал об этом, и пришел к ним. Он сказал им: "Вот это золото и серебро, которое я послал вам. Но вы не должны его брать себе, потому что это не ваше. Это мое, и я хочу его себе." И так случилось, что Алсвин взял себе все это золото и серебро, и отправил его в другие стороны. И так случилось, что пушка эта пришла к некоторым другим людям, которые были очень бедны. Они увидели, что это золото и серебро, и захотели их себе. Но Алсвин узнал об этом, и пришел к ним. Он сказал им: "Вот это золото и серебро, которое я послал вам. Но вы не должны его брать себе, потому что это не ваше. Это мое, и я хочу его себе." И так случилось, что Алсвин взял себе все это золото и серебро, и отправил его в другие стороны.

XXV

БЕСЕДА СИГУРДА С БРЮНХИЛД

Прибыла тогда к Хейми и Брюнхилд, воспитанница его²⁴. Она сидела в тереме со своими девами. Была она искуснее всех женщин. Вышивала она золотом на пальцах те подвиги, что совершил Сигурд: гибель дракона и захват сокровища и смерть Регина.

И рассказывают, что однажды поехал Сигурд в лес с собаками своими и соколами и с множеством людей, а когда он вернулся домой, взлетел его сокол на высокую башню и уселся на оконнице. Сигурд поднялся на башню за соколом-тем; тут увидел он прекрасную женщину и узнал Брюнхилд. Показалась ему замечательной и красота ее и работа. Приходит он в палату и уже не хочет веселиться с другими мужами. Тут молвил Алсвин:

— Почему вы так молчаливы? Это огорчает нас и всех твоих друзей, и почему бы тебе не быть веселым? Соколы твои поникли головой и с ними конь-тот Грани, и мы не знаем утехи.

Сигурд отвечает:

— Добрый друг, слушай, что у меня на душе. Мой сокол взлетел на башню, а когда я пошел за ним, то увидел прекрасную женщину: она сидела за пальцами и золотом вышивала дела мои, былые и прошлые.

Алсвин отвечает:

— Ты видел Брюнхилд Будладоттир, женщину необычайную.

Сигурд отвечает:

— Это, пожалуй, верно. Но как она прибыла сюда?

Алсвин отвечает:

— Это случилось вскоре после вашего приезда.

Сигурд говорит:

— Сейчас только узнаем мы об этом. Женщина-та нравится нам больше всех на свете.

Алсвин молвил:

— Не должен привязываться к женщине такой человек, как ты; нехорошо тосковать по тому, чего не получишь.

— К ней я пойду, — сказал Сигурд: — и дам ей свое золото и добыюсь от нее радости и взаимной любви.

Алсвин отвечает:

— Никогда не было человека, кому дала бы она место подле себя и кому б нацедила браги: она думает о походах и о славных подвигах.

Сигурд молвил:

— Мы не знаем, ответит ли она нам, или нет, и предложит ли место подле себя,

И на следующий день пошел Сигурд в терем, а Алсвин стоял перед теремом на дворе и точил свои стрелы.

Сигурд молвил:

— Будь здорова, госпожа! Как поживаешь?

Она отвечает:

— Хорошо мы живем: родичи живы и други. Неизвестно только, какое счастье принесет человек до последнего часа.

Он сел подле нее. А затем вошло четверо женщин с большими золотыми кувшинами, полными лучшего вина, и стали перед ними. Тут молвила Брюнхилд:

— Никому не будет предложено это место, разве что придет мой отец.

Он отвечает:

— Теперь оно предложено тому, кого я избрал.

Горница-та была увешана драгоценнейшими тканями, и устлан коврами весь пол. Сигурд молвил:

— Вот случилось то, что вы нам обещали.

Она отвечает:

— Добро вам пожаловать.

Затем она поднялась (а с нею — четыре девы) и подошла к нему с золотым кубком и попросила его испить. Он протянул руку к кубку и захватил его вместе с ее рукой и посадил ее с собою рядом. Он обнял ее шею и поцеловал ее и промолвил:

— Не родилась еще женщина прекраснее тебя.

Брюнхилд молвила:

— Мудрее было бы не доверяться женщине, ибо всегда нарушают они обещания.

Он молвил:

— Да сойдут на нас лучшие дни, чтоб мы могли насладиться счастьем.

Брюнхилд отвечает:

— Не судила судьба, чтоб мы жили вместе: я — поленица, и ношу я шлем с конунгами ратей; им прихожу я на помощь, и мне не наскучили битвы.

Сигурд отвечает:

— Больше будет пользы от нас, если будем мы вместе, и тяжелее мне терпеть горе, которое ты мне сулишь, чем рану от острой стали.

Брюнхилд отвечает:

— Я буду водить дружины латников, а ты возьмешь в жены Гудрун Гьюкадоттир.

Сигурд отвечает:

— Не обольстит меня ни одна королевна, и нет у меня двух мыслей в этом деле; и в том клянусь я богами, что на тебе я женюсь и ни на ком другом.

Она сказала то же. Сигурд поблагодарил ее за согласие и дал ей золотой перстень. И вновь обменялись они клятвами, и пошел он к своим людям и побыл он там некое время с великою честью.

XXVI

О ГЬЮКИ-КОНУНГЕ И СЫНОВЬЯХ

Гьюки звался некий конунг. Королевство его было к югу от Рейна. Родилось у него трое сыновей и звали их так: Гуннар, Хогни, Готторм. Гудрун звалась его дочь: была она прекраснейшей девой. И выдавались его сыновья над прочими королевичами всеми доблестями, красою и ростом. Постоянно бывали они в походах и совершили много славных дел. Гьюки был женат на Гримхилд-волшебнице.

Будли звался конунг; он был могущественнее, чем Гьюки; но оба были многомощны. Атли звался брат Брюнхилд; Атли был свирепый человек, большой и черноволосый, но собой сановитый и великий воитель.

Гримхилд была женщиной лютого нрава. Царство Гьюкунгов цвело пышным цветом, более всего из-за королевичей: на много они превосходили большинство людей.

Однажды говорит Гудрун девам своим, что нет ей веселья. Одна женщина спрашивает, что ее печалит. Та отвечает:

— Не к радости видим мы сны: и скорбь у нас на сердце. Разгадай же ты сон-тот, раз ты о нем спросила.

Та отвечает:

— Расскажи мне сон, и не пугайся, ибо часто сны бывают к погоде.

Гудрун отвечает:

— Это не к погоде. Снилось мне, будто я вижу прекрасного сокола у себя на руке; перья его отливали золотом⁴⁷.

Женщина отвечает:

— Многие слышали о вашей красоте, мудрости и вежестве; посватается к тебе какой-нибудь королевич.

Гудрун отвечает:

— Ничто не казалось мне прелестнее этого сокола, и со всем богатством охотнее рассталась бы я, чем с ним.

Женщина отвечает:

— Тот, кого ты выберешь, будет добродравен, и сильно будешь ты его любить.

Гудрун отвечает:

— Обидно мне, что я не знаю, кто он такой. Нужно нам поехать к Брюнхилд: верно, она знает.

Собралась она в путь с золотом и с великою пышностью и поехала вместе с девицами своими, пока не прибыла к Брюнхилдиной палате; палата эта была изукрашена золотом и стояла на горе. И когда увидали оттуда их поезд, то доложили Брюнхилд, что едет много женщин в золоченых колесницах.

— Верно, это — Гудрун Гьюкадоттир: снилась она мне нынче ночью. Выйдем же к ней

навстречу. Никогда не приезжали к нам женщины прекраснее этих.

Вышли навстречу и приняли их хорошо. Вступили они в тот прекрасный чертог. Палата-та изнутри была расписана и богато убрана серебром; ковры постелили им под ноги, и все им услуживали. Пошли у них тут разные забавы. Гудрун была молчалива. Брюнхилд сказала:

— Почему вы не предаетесь веселью? Оставьте это. Будем забавляться все вместе и говорить о могучих конунгах и великих подвигах.

— Хорошо, — говорит Гудрун: — А кто, по-твоему, был славнее всех конунгов?

Брюнхилд отвечает:

— Сыны Хамунда, Хаки и Хагбард: много славных дел совершили они в походах.

Гудрун отвечает:

— Велики были они и славны, и все-таки Сигар похитил их сестру, а потом сжег их в доме, и до сих пор они не отомщены. А почему не назвала ты братьев моих, что нынче слывут первыми среди людей?

Брюнхилд говорит:

— Есть на это надежда, но сейчас они еще мало себя показали, и знаю я одного, который во многом их превосходит. Это — Сигурд, сын Сигмунда-конунга; он еще был ребенком, когда поразил сынов Хундинга-конунга и отомстил за отца и за Эулими, деда своего.

Гудрун молвила:

— Что замечательного в этом? Ты говоришь, что он родился после смерти своего отца?

Брюнхилд отвечает:

— Мать его вышла в поле и нашла Сигмунда-конунга раненым и хотела перевязать его раны, но он сказал, что слишком уж стар для боя, и велел ей помнить, что она родит великого сына, и было то провидение мудреца. А после кончины Сигмунда-конунга уехала она в Алфу-конунгу, и был Сигурд воспитан там в большом почете, и изо дня в день свершал он множество доблестных деяний, и теперь он славнейший человек на свете.

Гудрун молвила:

— С любовью ты, видно, о нем осведомлялась. Но я приехала сюда, дабы поведать тебе свои сны, что сильно меня тревожат.

Брюнхилд отвечает:

— Не огорчайся так. Живи с родичами твоими, и все будут тебя веселить.

XXVII

СОН ГУДРУН РАЗГАДАЛА БРЮНХИЛД

— Снилось мне, — сказала Гудрун: — что вышло нас много вместе из терема, и увидели мы большого оленя. Много он возвыщался над всеми зверьми; шерсть его была из золота. Все мы хотели поймать оленя, но мне одной удалось; казался мне олень-тот краше всего на свете. А затем застрелила ты оленя-того у ног моих; стало мне это за великое горе, так что едва могла я снести. А затем дала ты мне волчонка: он забрызгал меня кровью братьев моих.

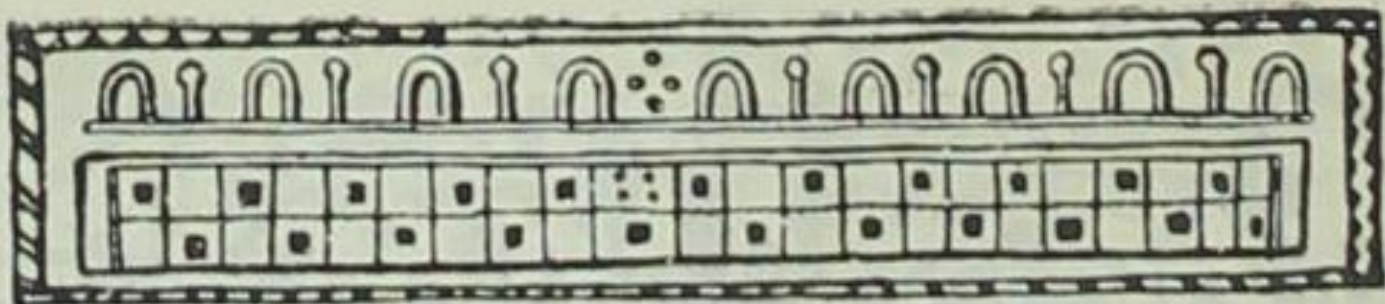
Брюнхилд отвечает:

— Я могу предсказать все, что будет. Придет к вам Сигурд, которого я избрала себе в мужья. Гримхилд даст ему с чарами сваренного меда: и будет это всем нам к великой распри. Ты им завладеешь, но скоро потеряешь; затем возьмешь ты Атли-конунга. Лишишься ты братьев и убьешь Атли.

Гудрун отвечает:

— Великое горе мне, что я это узнала.

И вот поехали они домой к Гьюки-конунгу.

XXVIII

СИГУРДУ СВАРИЛИ ДУРМАННОГО МЕДУ

Уехал тогда Сигурд прочь со многим тем золотом, и расстались они друзьями. Едет он на Грани со всеми своими доспехами и поклажей. Едет он, пока не приезжает к палате Гьюки-конунга. Въехал он в замок; а это увидел один из королевских людей и молвил:

— Сдается мне, что едет сюда некий бог: человек этот весь покрыт золотом; конь его много больше других коней; и дивно прекрасны его доспехи; сам он выше других людей и во всем их превосходит.

Конунг вышел с гридью своей и заговорил с человеком-тем и спросил:

— Кто ты такой и как въехал ты в замок? Никто еще не дерзнул на это без дозволения моих сыновей.

Тот отвечает:

— Зовут меня Сигурдом; я — сын Сигмунда-конунга.

Гьюки-конунг молвил:

— Добро пожаловать к нам, и бери все, что пожелаешь.

И вошел Сигурд в палату, и казались там все подле него низкорослыми, и все услуживали ему, и был он там в большой чести.

Стали они ездить вместе, Сигурд и Гуннар и Хогни, но Сигурд был впереди их во всех делах, хоть и слыли они великими людьми.

Проведала Гримхилд, как сильно Сигурд любит Брюнхилд и как часто он о ней говорит. Думает она про-себя, что было бы большим счастьем, если бы он обосновался здесь и взял за себя дочку Гьюки-конунга. Видела она, что никто не может с ним сравниться; видела также, как крепко можно на него положиться, и как велико его богатство: много больше того, что когда-либо видывали люди.

Конунг обходился с ним как с родными сыновьями, а они почитали его больше, чем самих себя.

Однажды вечером, когда сидели они за шитьем, встала королева и подошла к Сигурду, и заговорила с ним и молвила:

— Радость нам оттого, что ты здесь, и всякое добро готовы мы тебе сделать. Вот прими этот рог и пей.

Он принял рог и выпил. Она сказала:

— Отцом твоим станет Гьюки-конунг, а я — матерью, а братьями — Гуннар и Хогни, и все вы побратаетесь, и не найдется никого вам равного.

Сигурду это пришлось по душе и, выпив того меду, позабыл он о Брюнхилд. И оставался он там некоторое время.

И однажды подошла Гримхилд к Гьюки-конунгу и обвила руки вокруг его шеи и молвила:

— Вот прибыл к нам величайший витязь, какой есть на свете, на него можно положиться. Отдай ему свою дочь с великим богатством и столькими землями, сколько он сам пожелает, и пусть он здесь изведает радость.

Конунг отвечает:

— Не очень пристойно предлагать своих дочерей, но лучше предложить ему, чем принять сватов от других.

И однажды вечером Гудрун подносила кубки гостям. Сигурд увидел, что она статная женщина и куртуазнее всех. Пять полугодней пробыл там Сигурд, и жили они во славе и в дружбе, и вот однажды повели конунги меж собой беседу. Гьюки-конунг молвил:

— Много добра сделал ты нам, Сигурд, и сильно ты укрепил нашу державу.

Гуннар молвил:

— Всё мы готовы сделать, чтобы ты здесь подольше остался: и земли и сестру нашу сами тебе предлагаем, а другой не получит ее, хоть бы и просил.

Сигурд отвечает:

— Спасибо вам за честь, и я не отказываюсь.

Тут они побратались⁴⁸ и поклялись быть, словно родные братья. Вот справили знатный пир, и длился он много дней; вышел Сигурд с Гудрун свадебную чару. Можно было видеть там всякие забавы, и угощение было день ото дня все лучше.

Стали они тогда ходить в далекие походы и творить многие славные дела, убили множество королевичей, и никто не совершил столько подвигов, сколько они. Вернулись они домой с большой добычей. Сигурд дал Гудрунд вкусить от сердца Фафни, и стала она с тех пор много злее и умнее. Сын их был назван Сигмундом. И однажды пошла Гримхилд к Гуннару, сыну своему, и молвила:

— Ваша держава цветет пышным цветом, кроме только одного, что нет у вас жены. Посватайтесь к Брюнхилд. Это — достойнейший брак; и пусть Сигурд поедет вместе с вами.

Гуннар отвечает: — Она всем ведомая красавица, и я не прочь посвататься, — и сказал он об этом отцу своему и братьям и Сигурду, и все они согласились.

XXIX

СИГУРД ПРОСКАКАЛ СКВОЗЬ ПОЛЫМЯ К БРЮНХИЛД БУДЛАДОТТИР

С умом снаряжаются они в поход и едут по горам и долам к Будли-конунгу, сватать невесту. Он дал согласие, если она не откажет, и сказал, что она горделива и что возьмет ее лишь тот, кого она захочет.

Едут они тогда в Хлюмдалир. Хейми принимает их хорошо, и говорит ему Гуннар, зачем они прибыли. Хейми сказал, что ей принадлежит выбор, за кого ей пойти. Он поведал, что палата ее недалеко оттуда, и возвестил, что лишь за того она пойдет, кто проскачет сквозь огонь горючий, разведенный вокруг палаты. Они разыскали палату-ту и огонь-тот и увидели там ограду, украшенную золотом, а кругом полыхало пламя. Гуннар ехал на Готи, а Хогни на Холкви. Гуннар погнался коня к огню-тому, но конь уперся. Сигурд молвил:

— Отчего ты остановился, Гуннар?

Тот отвечает:

— Не хочет лошадь-та прыгать через огонь,— и просит он Сигурда одолжить ему Грани.

— Нет к тому препоны, — говорит Сигурд.

Вот подъехал Гуннар к огню, но Грани не хочет идти дальше. Не может Гуннар проехать через тот огонь. И вот поменялись они обличиями, как научила Гримхилд их обоих, Сигурда и Гуннара.

И тут скачет Сигурд, а в руке у него Грам, и золотые шпоры — на ногах. Грани прыгнул прямо в огонь, едва почувя знакомые шпоры. Тут поднялся гром великий, и огонь зашипел, и земля затряслась, пламя взмыло до неба. Никто до него не посмел этого сделать, а ему казалось, точно едет он сквозь густую мглу.

Тогда огонь погас, и он пошел в палату, как поется в песне:

Пышет огонь, почва трясется,
Взмыло полымя вверх до неба.
Редкий решится из ратников княжьих
Через пламя прыгать иль прямо проехать.

110 Сигурд Грани сталью гонит,
Огонь угас перед одлингом,
Жар ложится пред жаждущим славы,
Рдеет Регина ратная сбруя.

А когда Сигурд проехал сквозь полымя⁴⁹, увидел он там некий прекрасный дом; а в доме сидела Брюнхилд. Она спросила, кто этот муж; а он назвался Гуннаром Гьюкасоном, «и назначена ты мне в жены (если я перескочу через твоё полымя) с соизволения отца твоего и пестуна и с вашего согласия».

— Не знаю я, право, что мне на это ответить.

Сигурд стоял во весь рост в шокос-том и оперся на рукоять меча и молвил Брюнхильда:

— Дам я за тебя большое вено в золоте и славных сокровищах.

Она отвечает со своего престола, как лебедь с волны; и в руке у нее — меч, а на голове — шлем, и сама она — в броне.

— Гуниар, — говорит она: — не говори со мною так, если ты не сильнее всех людей; и должен ты убить тех, что ко мне сватались, если хватит у тебя духа. Сражалась я в битве вместе с русским конунгом и окрасилась доспехи нашей людской кровью, и этого жаждем мы вновь.

Он отвечает:

— Много подвигов вы совершили. Но вспомните теперь о своем обете, что если будет пройден этот огонь, пойдете вы за того человека, кому это удастся.

Видит она тут, что правилен его ответ и верен довод в этом деле, встает и принимает его радушно. Оставался он там три ночи, и спали они на одной постели. Он берет меч Грам и кладет его обнаженным между собой и ею. Она спрашивает, почему он так поступает. Он отвечает, что так суждено ему справиться свадьбу со своею женой или же принять смерть. В ту пору взял он у нее перстень-тот, который подарил ей прежде, и дал ей другой из наследия Фафни.

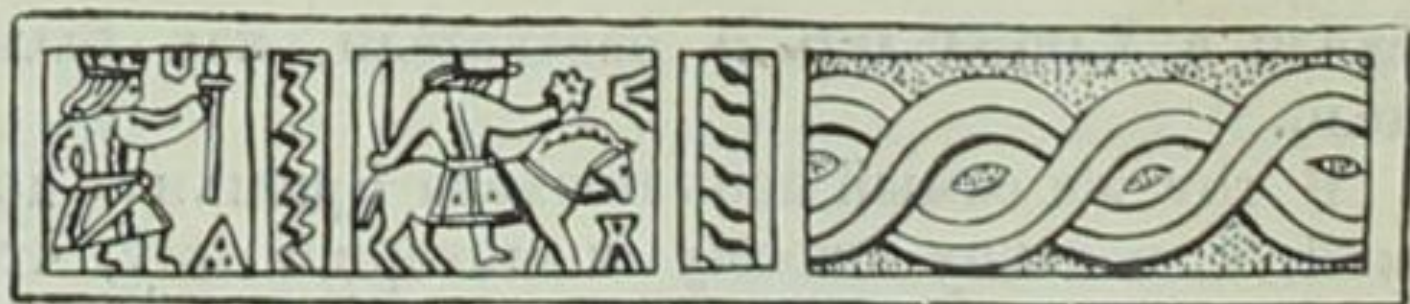
После этого поехал он обратно через тот же огонь⁵⁰ к своим товарищам, и снова поменялись они обличиями, а потом по-

ехали в Хлюмдалир и рассказали, как было дело.

В тот же самый день псехала Брюнхилд домой, к пестуну своему и доверила ему, что пришел к ней конунг — «и проскакал сквозь мое поле и сказал, что приехал на мне жениться и назвался Гуннаром; а я говорю, что это мог совершить один только Сигурд, которому дала я клятву на горе-той, и он — мой первый муж». Хеймир сказал, что другого исхода нет. Брюнхилд молвила:

— Дочь моя от Сигурда, Аслауг, пусть воспитывается здесь у тебя.

Едут тогда конунги домой; а Брюнхилд отправилась к отцу своему. Гримхилд принимает их радушно и благодарит Сигурда за помощь. Вот приготовили пир, и съехалось туда множество гостей. Прибыл Будли-конунг с дочерью и сыном Атли, и длился тот пир много дней. А когда кончился пир, вспомнил тут Сигурд о всех клятвах, которыми обменялся он с Брюнхилд, но не подал виду. Брюнхилд и Гуннар сидели рядом в веселии и пили доброе вино.

XXX

СПОР КОРОЛЕВ-ТЕХ, БРЮНХИЛД И ГУДРУН

В некий день, когда поехали они обе на реку купаться, зашла тут Брюнхилд дальше в воду⁵¹. Гудрун спросила, как ей это удалось.

Брюнхилд говорит:

— Почему мне в этом равняться с тобою, если ни в чем ином мы не равны. Думается мне, что отец мой могущественнее твоего, и муж совершил много подвигов и проехал сквозь огонь горючий, а твой мужик был рабом у Хальпрека-конунга.

Гудрун отвечает во гневе:

— Умнее бы ты была, если б молчала, чем порочить мужа моего. Все люди говорят, что не бывало на свете людей подобных ему ни в одном деле. А тебе и вовсе не пристало его чернить, потому что он первый тебя познал; это он убил Фафни и проехал сквозь полымя-то. (а ты думала, что это Гуннар-конунг) и спал он с тобой и снял с руки у тебя перстень-тот

Андваранаут, — и можешь его, если хочешь, узнать.

Тут видит Брюнхилд перстень и узнает его... и тут побледнела она, словно мертвая. Пошла Брюнхилд домой и весь вечер не проронила ни слова. А когда Сигурд лег в постель, спросила Гудрун:

— Почему так печальна Брюнхилд?

Сигурд отвечает:

— Не знаю я точно, но сдается мне, что вскоре мы больше узнаем.

Гудрун молвила:

— Почему не радуется она богатству и счастью и похвалам всех людей, и тому, что получила мужа по своей воле.

Сигурд молвил:

— А разве она не сказала, что владеет мужем, отменнейшим из всех, кроме того, за которого бы она охотнее всего вышла?

Гудрун отвечает:

— Завтра утром я спрошу, за кого она пошла бы охотнее всего.

Сигурд отвечает:

— Это я тебе запрещаю, и расскаешься ты, если спросишь.

А наутро сидели они в тереме, и Брюнхилд была молчалива.

Тогда молвила Гудрун:

— Развеселись, Брюнхилд! Сердишься ты за наш вчерашний разговор, или что другое тебя печалит?

Брюнхилд отвечает:

— Одна лишь злоба в тебе говорит, и свирепое у тебя сердце.

— Не суди так, говорит Гудрун, — а лучше скажи, что у тебя на душе.

Брюнхилд отвечает:

— Одно только скажу тебе: лучше было бы, если бы ты знала, что приличествует знатым женам; и хорошо тогда наслаждаться благом, когда все вершится по вашей воле.

Гудрун отвечает:

— В чем вы нас упрекаете? Мы не сделали вам никакого зла.

Брюнхилд отвечает:

— Заплатишь ты за то, что Сигурд — твой муж; и не потерплю я, чтобы ты владела им и золотом тем великим.

Гудрун отвечает:

— Не знала я о вашей тайности, и властен был отец мой избрать мне мужа; не спросясь у тебя.

Брюнхилд отвечает:

— Не было у нас никакой тайности, а дали мы друг другу клятву; и вы знаете, что обманули меня, и будет за это месть.

Гудрун отвечает:

— Лучшего мужа ты добыла, чем тебе подобает; но нелегко будет унять твою гордыню, и многие от нее потерпят.

— Была бы я довольна, — говорит Брюнхилд: — если бы муж твой не был лучше моего.

Гудрун отвечает:

— Так хорош твой муж, что неизвестно, кто из двоих больший конунг, и довольно у тебя земли и богатства.

Брюнхилд отвечает:

— Сигурд убил Фафни, а это дороже стоит, чем вся держава Гуннара-конунга, как в песне поется:

Сигурд змея сразил, и слава об этом
115 Не может померкнуть до гибели мира,
А твой родич слишком был робок,
Чтоб прыгнуть сквозь пламя иль прямо
проехать.

Гудрун отвечает:

— Грани не захотел идти в огонь под Гуннаром-конунгом; а сам он не боялся, и нельзя обвинять его в робости.

Брюнхилд отвечает:

— Не скрою, что не желаю я Гримхилд добра.

Гудрун отвечает:

— Не поноси се, потому что она обходится с тобой как с родной дочерью.

Брюнхилд отвечает:

— Она — виновница всей скорби, что меня гложет; она поднесла Сигурду коварную брагу, так что позабыл он даже имя мое.

Гудрун отвечает:

— Много недобрых слов говоришь ты, и в шквал это ложь.

Брюнхилд отвечает:

— Наслаждайтесь же с Сигурдом так, будто вы меня не обманули. Брак ваш — печестен, и да будет с вами, как я замыслила.

Гудрун отвечает:

— Слаще мне будет, чем тебе угодно, и никто не добьется того, чтобы хоть раз кто-нибудь полюбился ему больше меня.

Брюнхилд отвечает:

— Злобно ты говоришь, и расквешься ты в том, что вылетает у тебя изо рта, но не будем браниться.

Гудрун говорит:

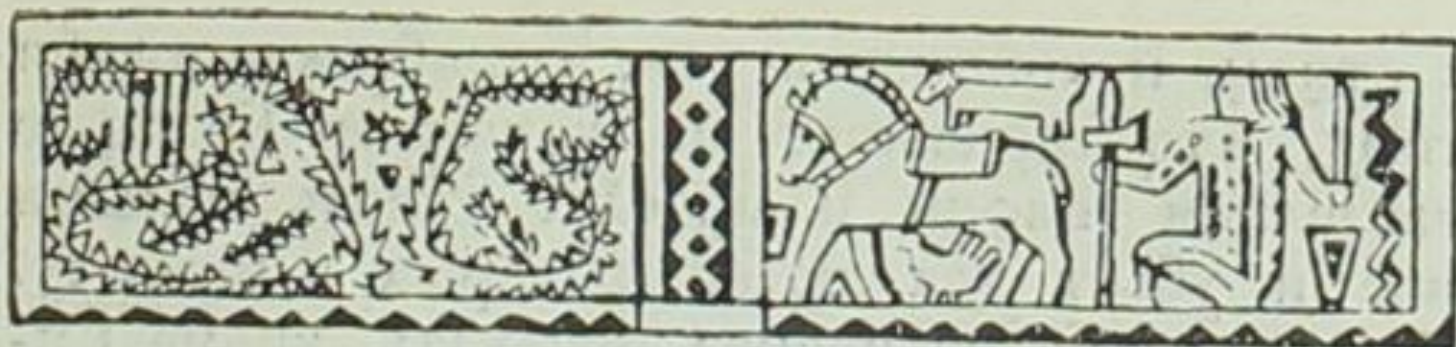
— Ты первая бросила в меня бранным словом. Теперь ты прикинулась, будто хочешь уладить дело миром, но под этим кроется злоба.

— Бросим ненужную болтовню, — говорит Брюнхилд: — Долго я молчала об обиде, что жила у меня в груди; но люблю я только твоего брата... и давай говорить о другом.

Гудрун отвечает:

— Много дальше идут твои мысли.

И стряслось великое горе от того, что поехали они на реку и узнала Брюнхилд перстень-тот, и случилась у них эта распря.

XXXI

РАЗРОСЛОСЬ ГОРЕ БРЮНХИЛД

После того ложится Брюнхилд в постель, и доходит весть до Гуннара-конунга, что Брюнхилд хворает. Он едет к ней и спрашивает, что с ней приключилось, но она не отвечает ни слова и лежит словно мертвая. А когда он стал спрашивать настойчиво, она ответила:

— Что сделал ты с перстнем-тем, что я дала тебе, а сама получила от Будли-конунга при последнем расставании? ⁵¹ Вы, Гьюкунги, пришли к нему и грозили войной и огнем, если вам меня не отдадут. В ту пору позвал меня отец на беседу и спросил, кого я выберу из тех, что прибыли; а я хотела оборонять землю и быть воеводой над третью дружины. Он же велел мне выбирать: либо выйти за того, кого он назначит, либо лишиться всего имения и его приязни. Говорил он, что больше будет мне пользы от любви его, чем от гнева. Тут я стала размышлять про себя, должна ли я исполнить его волю или убить многих мужей. Решила я, что не в силах бороться

с отцом, и кончилось тем, что обрекла я себя тому, кто прискачет на коне-том Грани с наследием Фафни и проедет сквозь полымя мое и убьет тех людей, которых я назначу. И вот никто не посмел проехать, кроме Сигурда одного. Он проскакал сквозь огонь, потому что хватило у него мужества. Это он убил змея и Регина и пятерых конунгов, а не ты, Гуннар, что побледнел, как труп: не конунг ты и не витязь. Я же дала зарок у отца моего в доме, что полюблю лишь того, кто всех славнее, а это — Сигурд. А теперь я — клятвопреступница, потому что не с ним я живу; и за это замыслила я твою смерть и должна я отплатить Гримхилд за зло: нет женщины бессердечнее ее и злее.

Гуннар отвечал так, что никто не слышал:
— Много остудных слов ты молвила, и злобная же ты женщина, если порочишь ту, что много лучше тебя: не роптала она на судьбу, как ты, не тревожила мертвых⁵², никого не убила и живет похвально.

Брюнхилд отвечает:
— Я не свершала тайнодействий и дел нечестивых⁵³; не такова моя природа, но охотнее всего я убила бы тебя.

Тут она хотела убить Гуннара-конунга, но Хогни связал ей руки.

Она сказала:
— Брось думать обо мне, ибо никогда больше не увидишь ты меня веселой в своей палате: не стану я ни пить, ни играть в тавлеи, ни вести разумные речи, ни вышивать золотом по добрым тканям, ни давать вам советы.

Почитала она за величайшую обиду, что не достался ей Сигурд. Она села и так ударила по своим пальцам, что они разлетелись, и приказала запереть теремные двери, чтобы не разносились далеко горестные ее речи. И вот настала великая скорбь, и узнал об этом весь дом. Гудрун спрашивает девушек своих, почему они так невеселы и хмуры — «и что с вами делается, и отчего ходите вы, как полоумные, и какая бука вас испугала».

Отвечает ей одна челядинка, по имени Свафрлод:

— Несчастный нынче день: палата наша полна скорби.

Тогда молвила Гудрун своей подруге:

— Вставай! долго мы спали! Разбуди Брюнхилд, сядем за пальцы и будем веселы.

— Не придется мне, — сказала та: — ни разбудить ее, ни говорить с нею; много дней не пила она ни вина ни меда, и постиг ее гнев богов.

Тогда молвила Гудрун Гуннару:

— Пойди к ней, — говорит она: — скажи, что огорчает нас ее горесть.

Гуннар отвечает:

— Запрещено мне к ней входить и делить с ней благо.

Все же идет Гуннар к ней и всячески старается с ней заговорить, но не получает ответа; возвращается он и встречает Хогни и просит его посетить ее; а тот отвечал, что не хочет, но все-таки пошел и ничего от нее не добился. Разыскали тогда Сигурда и попросили зайти к ней; он ничего не ответил,

и так прошел день до вечера. А на другой день, вернувшись с охоты, вошел он к Гудрун и молвил:

— Предвижу я, что не добром кончится гнев этот, и умрет Брюнхилд.

Гудрун отвечает:

— Господин мой! великая на нее брошена порча: вот уже проспала она семь дней, и никто не посмел ее разбудить.

Сигурд отвечает:

— Не спит она: великое зло замышляет она против нас.

Тогда молвила Гудрун с плачем:

— Великое будет горе — услышать о твоей смерти; лучше пойдн к ней и узнай, не уляжется ли ее гордыня; дай ей золота и умягчи ее гнев.

Сигурд вышел и нашел покой незапертым. Он думал, что она спит, и стянул с нее покрывало и молвил:

— Проснись же, Брюнхилд. Солнце сияет по всему дому, и довольно спать. Отбрось печаль и предайся радости.

Она молвила:

— Что это за дерзость, что ты являешься ко мне? Никто не обошелся со мной хуже, чем ты, при этом обмане.

Сигурд спрашивает:

— Почему не говоришь ты с людьми, и что тебя огорчает?

Брюнхилд отвечает:

— Тебе я поведаю свой гнев.

Сигурд молвил:

— Околдована ты, если думаешь, что я

мыслю на тебя зло. А Гуннар — твой муж, которого ты избрала.

— Нет! — говорит она: — не проехал Гуннар к нам сквозь огонь и не принес он мне на вено убитых бойцов. Дивилась я тому человеку, что пришел ко мне в палату, и казалось мне, будто я узнаю ваши глаза, но не могла я ясно распознать из-за дымки, которая застилала мою хамингью.

Сигурд говорит:

— Не лучшие мы люди, чем сыны Гьюки: они убили датского конунга и великого хофдинга, брата Будли-конунга.

Брюнхилд отвечает:

— Много зла накопилось у нас против них, и не напоминай ты нам о наших горестях. Ты, Сигурд, победил змея и проехал сквозь огонь ради меня, а не сыны Гьюки-конунга.

Сигурд отвечает:

— Не был я твоим мужем, ни ты — моей женой, и заплатил за тебя вено славный конунг.

Брюнхилд отвечает:

— Никогда не смотрела я на Гуннара так, что сердце во мне веселилось, и злобствую я на него, хоть и скрываю пред другими.

— Это бесчеловечно, — сказал Сигурд: — не любить такого конунга. Но что всего больше тебя печалит? Кажется мне, что любовь для тебя дороже золота.

Брюнхилд отвечает:

— Это — самое злое мое горе, что не могу я добиться, чтобы острый меч обагрился твоею кровью.

Сигурд отвечает:

— Не говори так! Недолго осталось ждать, пока острый меч вонзится мне в сердце, и не проси ты себе худшей участи, ибо ты меня не переживешь, да и мало дней жизни осталось нам обоим.

Брюнхилд отвечает:

— Ни малой беды не сулят мне твои слова, ибо всякой радости лишили вы меня своим обманом, и не дорожу я жизнью.

Сигурд отвечает:

— Живи и люби Гуннара-конунга и меня, и все свое богатство готов я отдать, чтобы ты не умерла.

Брюнхилд отвечает:

— Не знаешь ты моего права. Ты выше всех людей, но ни одна женщина не так ненавистна тебе, как я⁵⁴.

Сигурд отвечает:

— Обратное — вернее: я люблю тебя больше себя самого, хоть я и помогал им в обмане, и теперь этого не изменишь. Но всегда с тех пор, как я опомнился, жалел я о том, что ты не стала моей женой; но я сносил это, как мог, когда бывал в королевской палате, и все же было мне любо, когда мы все сидели вместе. Может также случиться, что исполнится то, что предсказано, и незачем о том горевать.

Брюнхилд отвечает:

— Слишком поздно вздумал ты говорить, что печалит тебя мое горе; а теперь нет нам исцеления.

Сигурд отвечает:

— Охотно бы я хотел, чтоб взошли мы с тобой на одно ложе, и ты стала моей женой,

Брюнхилд отвечает:

— Непристойны такие речи, и не буду я любить двух конунгов в одной палате, и прежде расстанусь я с жизнью, чем обману Гуннара-конунга. Но ты вспомни о том, как мы встретились на горе-той и обменялись клятвами; а теперь они все нарушены, и не мила мне жизнь.

— Не помнил я твоего имени, — сказал Сигурд: — и не узнал тебя раньше, чем ты вышла замуж, — и в этом великое горе.

Тогда молвила Брюнхилд:

— Я поклялась выйти за того, кто проскачет сквозь полымя, и эту клятву я хотела сдержать или умереть.

— Лучше жепюсь я на тебе и покину Гуддрун, лишь бы ты не умерла, — молвил Сигурд, и так вздымалась его грудь, что лопнули кольца брони.

— Не хочу я тебя, — сказала Брюнхилд: — и никого другого.

Сигурд пошел прочь, как поется в Сигурдовой песне:

Скорбно с беседы Сигурд ушел,
Добрый друг доблестных дышит тяжело.

¹²⁰ Рвется на ребрах у рьяного к битвам
Свита, свитая из светлой стали⁵⁵.

И когда вернулся Сигурд в палату, спрашивает его Гуннар, знает ли он, в чем ее горе и вернулась ли к ней речь. Сигурд отвечал, что она может говорить. И вот идет Гуннар к ней во второй раз и спрашивает, какая нанесена ей обида и нет ли какого-либо искупления.

— Не хочу я жить, — сказала Брюнхилд: — потому что Сигурд обманул меня, а я тебя, когда ты дал ему лечь в мою постель: теперь не хочу я иметь двух мужей в одной палате. И должен теперь умереть Сигурд, или ты, или я, потому что он все рассказал Гудрун, и она меня порочит.

XXXII

ПРЕДАН СИГУРД ⁵⁶

После этого выходит Брюнхилд и садится перед своим теремом и горько причитает. Говорила она, что опостытели ей и царство и господарство, раз нет у нее Сигурда. И вновь пришел к ней Гуннар. Тогда молвила Брюнхилд:

— Потеряешь ты и землю, и богатство, и жизнь, и меня, а я поеду домой к своему роду и буду жить в горести, если ты не убьешь Сигурда и сына его: не вскармливай ты у себя волчонка.

Сильно огорчился тут Гуннар и не знал, на что решиться, так как с Сигурдом был он связан клятвою, и колебался в душе своей; казалось ему тяжким позором, если уйдет от него жена. Гуннар молвил:

— Брюнхилд мне всего дороже, и славнейшая она среди женщин и лучше мне жизни лишиться, чем потерять ее любовь.

И призвал он к себе Хогни, брата своего, и молвил:

— Тяжкая предо мною задача.

Говорит он, что хочет убить Сигурда, что тот обошел его обманно.

— Завладеем мы тогда золотом и всеми землями.

Хогни говорит:

— Не пристало нам нарушать клятву усобицей, да и сам он для нас — великий оплот: ни один властитель с нами не сравняется, пока жив гуннский этот конунг, а второго такого свояка нам не найти. И подумай о том, как хорошо нам иметь такого свояка и сестрича. И вижу я, откуда это идет: проснулась Брюнхилд, и будет нам ее совет на великий урон и бесчестие.

Гуннар отвечает:

— Это должно совершиться, и вижу я способ: подговорим Готторма, брата нашего. Он — молод и скудоумен, и непричастен он к нашим клятвам.

Хогни говорит:

— Не по мысли мне этот совет, и если так будет, дорого мы заплатим за то, что предали такого мужа.

Гуннар говорит, что Сигурд должен умереть, — «или сам я умру».

Он просит Брюнхилд встать и ободриться. Поднялась она, но сказала, что не ляжет с нею Гуннар на одну постель, пока это дело не свершится.

Стали тогда братья совещаться. Гуннар говорит, что достоин Сигурд смерти, ибо похитил он девство Брюнхилд, — «и надо нам подговорить Готторма на это дело».

И зовут они его к себе и предлагают золото и многие земли, чтобы его разохотить. Взяли они змею и кус волчьего мяса и сварили и дали ему поесть, как сказал скальд:

Взяли рыб подколодных⁵⁷, резали волчье мясо,
Дали Готторму плоти Гери
С пенным пивом и прочим зельем,
125 Сваренным с чарами...

И от этой снеди стал он жесток и жаден, и так разожгли его подговоры Гримхилд, что он поклялся совершить это дело: к тому же они обещали ему за это великие почести.

Сигурд и не подозревал об их заговоре, да и не мог он противостать судьбам и своей участи, и не считал он, что заслужил такую измену. Готторм вошел к Сигурду рано утром, когда тот покоился на ложе; но когда тот взглянул на него, не посмел Готторм поразить его и убежал вон, но вернулся вторично. Взгляд Сигурда был так грозен, что редко кто смел глядеть ему в глаза. И в третий раз вошел он, и на этот раз Сигурд спал. Готторм занес меч и поразил Сигурда, так что острие вошло в перину под ним. Сигурд пробудился от раны, а Готторм бросился к дверям. Тогда схватил Сигурд меч-тот Грам и метнул ему вслед, и попал меч в спину и разрубил Готторма надвое пополам; вон вылетела нижняя половина, а голова и руки упали обратно в горницу.

Гудрун спала на груди Сигурда и проснулась с несказуемой горестью, плавая в его крови, и так рыдала она с плачем и причитаниями, что поднялся Сигурд с изголовья и молвил:

— Не плачь! — сказал он: — живы твои братья на радость тебе; а у меня сын слишком мал, чтоб оборониться от врагов своих. Но плохую уготовали они себе участь: не найдут они лучшего свояка, чтоб ходил с ними в походы, ни лучшего сестрича, если бы он вырос... А теперь свершилось то, что давно было предсказано, и чему я не верил; но никто не может одолеть судьбины. А виною тому Брюнхилд, что любит меня превыше всех людей. Но я могу в том поклясться, что не учинил Гуннару обиды и крепко держался нашей клятвы и не был я ближе к его жене, чем должно. И если бы я это знал наперед или мог бы я встать на ноги с оружием в руках, многие лишились бы жизни прежде, нежели б я погиб, и убиты были бы эти братья, и труднее было бы им свалить меня, чем крепчайшего зубра или дикого кабана.

И тут конунг расстался с жизнью, а Гудрун еле дышала.

Засмеялась Брюнхилд, услыхав ее вздох⁵⁸. Тогда молвил Гуннар:

— Не так ты смеешься, точно весело у тебя в корнях сердца. И почему побледнела ты с лица? Злобное ты чудовище, и сдается мне, что ты обречена на смерть. Больше всех заслужила ты, чтоб Атли-конунга убили у тебя на глазах, и тебе бы пришлось стоять над его трупом. А теперь мы будем сидеть над свояком своим, — братоубийцы.

Она отвечает:

— Никто не жалуется, что мало убитых. А Атли-конунг не боится ни угроз ваших ни

гнева, и будет он жить дольше вас и тешиться большею властью.

Хогни молвил:

— Вот исполнилось то, что предсказала Брюнхилд, и для злого дела нет искупления.

Гудрун молвила:

— Родичи мои убили моего мужа. Выступите вы теперь в поход, и когда дойдет до первой битвы, тогда увидите вы, что нету Сигурда у вас под рукой, и поймете вы, что в Сигурде была ваша удача и сила. И если бы были у него сыновья, подобные ему, опирались бы вы на его потомство и на родичей его.

И никто не мог понять, почему с плачем скорбит Брюнхилд о том, чего добивалась со смехом. Тогда молвила она:

— Свилося мне, Гуннар, будто лежу я в холодной постели, а ты скачешь прямо в руки недругам своим. И весь ваш род должен погибнуть, потому что вы — клятвопреступники. Видно, забыл ты, когда предавал его, как смешали вы кровь, Сигурд и ты; и злом отплатил ты ему за то, что он творил тебе добро и возвеличил тебя. И тогда проявилось, как блюдет он свою клятву, когда пришел он ко мне и положил между нами остроконечный меч, пропитанный ядом. Слишком скоро решились вы на расправу с ним и со мной. Когда жила я дома у отца своего и все у меня было, чего душа желала, и не думала я, что кто-нибудь из вас станет моим мужем, тогда приехали вы к нашему дворцу — три конунга. Тогда позвал Атли меня на беседу и спросил, хочу

ли я выйти за того, кто скачет на Грани; непохож он был на вас, и обещала я себя в ту пору сыну Сигмунда-конунга и никому другому. Но вам не будет блага от моей смерти.

Тогда Гуннар встал и обвил руками ее шею и стал просить ее, чтобы она не умирала и наслаждалась богатством, и все прочие старались удержать ее от смерти. Но она отстраняла всех, кто к ней подходил, и сказала, что напрасно отговаривать ее от того, что она задумала. Тогда пошел Гуннар к Хогни и спросил у него совета и велел ему пойти и разведать, не может ли он смягчить ее душу, и сказал, что крайняя настала нужда усыпить ее скорбь, пока она не пройдет. Хогни отвечает:

— Пусть никто не удерживает ее от смерти, потому что не была она на радость ни нам ни другим с тех пор, как прибыла сюда.

Тогда приказала она принести много золота и велела собраться всем, кто хочет получить дар; затем взяла она меч и вонзила его в себя и опустилась на подушки и молвила:

— Пусть возьмет от золота всякий, кто хочет.

Все молчали. Брюнхилд сказала:

— Берите золото и пользуйтесь на благо.

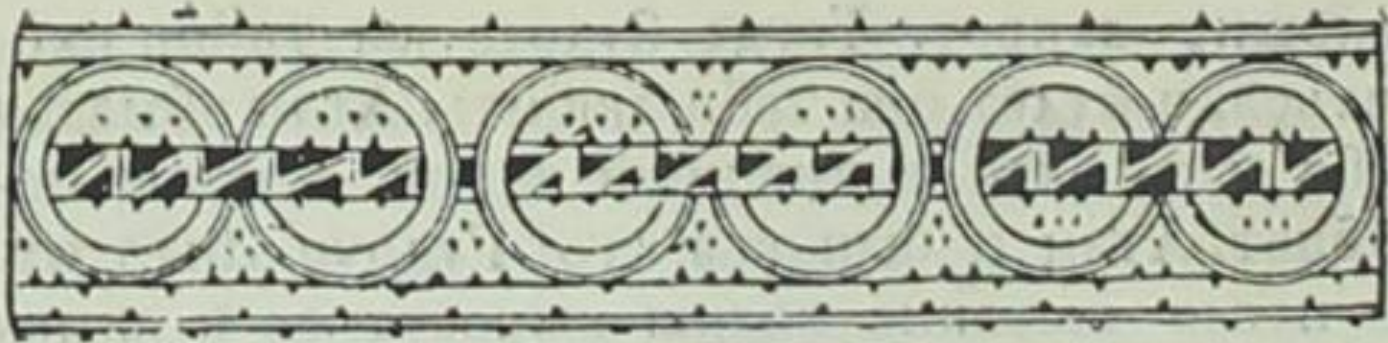
И еще молвила Брюнхилд Гуннару:

— Теперь скажу я тебе в недолгий час все, что сбудется впредь. Скоро помиритесь вы с Гудрун с помощью Гримхилд-волшебницы. Дочь Гудрун и Сигурда будет названа Сванхилд и будет она прекраснее всех женщин на свете. Выдана будет Гудрун за Атли против воли. Ты захочешь взять за себя Одрун, по Атли

наложит запрет. Тогда будете вы тайно сходить, и будет она тебя любить. Атли обманет тебя и засадит в змеиный замок. А после погибнет Атли и сыновья его: Гудрун убьет их. А после высокие волны вынесут ее к замку Ионакра-конунга; там родит она славных сынов. Сванхилд пошлют в чужую землю и отдадут ее за Иормунрека-конунга; на гибель ей будут советы Бикки. И вот погибнет весь ваш род, и постигнут Гудрун великие скорби.

СВАНХИЛД И ГУДРУН

Гудрун была прекрасна и добродетельна. Она была влюблена в Атли, и они жили в любви. Но Атли был коварен и обманчив. Он обманул Гудрун и запер ее в замок змеи. Гудрун долго ждал, но Атли не вернулся. Тогда Гудрун решила бежать. Она вышла из замка и была вынесена волнами к замку Ионакра-конунга. Там она родила трех сыновей. Но Ионакра-конунг не любил Гудрун и хотел ее выдать замуж за Иормунрека-конунга. Гудрун не хотела этого и решила бежать со своими сыновьями. Но Ионакра-конунг не дал им уйти и послал их в чужую землю. Гудрун и ее сыновья долго жили там, но в конце концов они погибли. Гудрун пережила великие скорби.

XXXIII

ПРОСЬБА БРЮНХИЛД

— Прошу я тебя, Гуннар, последнею просьбой: прикажи воздвигнуть большой костер на ровном поле для всех нас — для меня и для Сигурда, и для тех, что вместе с ним были убиты. Вели устлать его тканью, обгренной человеческой кровью, и сжечь меня рядом с гуннским ковунгом, а по другую сторону — моих людей (двоих в головах, двоих в ногах) и двух соколов; так будет все по обряду. Положите между нами обнаженный меч, как тогда, когда мы вошли на одно ложе и назвались именем супругов, и не упадет ему тогда дверь на пятки⁵⁹, если я за ним последую, и не жалкая будет у нас дружина, если пойдут за нами пять служанок и восемь слуг, что отец мой дал мне, да еще сожжены будут те, кто убит вместе с Сигурдом. Больше хотела бы я сказать, если бы не была ранена; но теперь рана прорвалась и вскрылась. Сказала я истину.

Снарядили тут тело Сигурда по старинному обычаю и воздвигли высокий костер, а когда

он слегка разгорелся, возложили на него тела Сигурда Фафнирбойцы и сына его трехлетнего, которого Брюнхилд велела убить, и Готторма. Когда же запылал костер сверху донизу, вошла на него Брюнхилд и сказала своим девушкам, чтобы они взяли золото-то, что она им подарила. И тут умерла Брюнхилд и сгорела вместе с Сигурдом, и так завершился их век.

XXXIV

УХОД ГУДРУН⁶⁰

Ныне говорит всякий, кто это сказание слышит, что нет такого человека в мире и никогда не родится больше такой человек, каким был Сигурд во всех делах, и имя его никогда не забудется ни в немецком языке ни в северных странах, пока свет стоит.

Сказывают так, что однажды Гудрун, сидя в тереме своем, говорила:

— Краше была наша жизнь, когда жила я за Сигурдом. Так возвышался он надо всеми людьми, как золото над железом или порей над прочим зельем или олень над прочим зверьем, пока братья мои не позавидовали, что муж мой лучше всех. Не могут они уснуть с тех пор, как убили его. Громко заржал Грани, когда увидал рану своего ленного государя⁶¹; заговорила я с ним, как с человеком, а он опустил голову до земли и знал, что погиб Сигурд.

После этого ушла Гудрун в леса и слышала повсюду вокруг себя волчий вой и рада была

бы умереть. Шла Гудрун, пока не дошла до палат Халфа-конунга и прожила там у Торы Гаконардоттир в Дании семь полугодий и была там дорогой гостьей и сидела за пальцами и вышивала на них многие и великие подвиги и чудные игры, что приняты были в те времена, мечи и брони и все королевские доспехи, струги Сигмунда-конунга, как скользят они вдоль берега; и еще вышивала она, как сразились Сигар и Сиггейр на юге у Фюнена. Таковы были их забавы, и несколько позабыла Гудрун о своем горе.

Прослышала Гримхилд о том, где поселилась Гудрун. Зовет она на беседу своих сыновей и спрашивает, как хотят они возместить Гудрун утрату сына и мужа, и говорит, что это неизбежно. Гуннар ответил, что согласен дать ей золота в искупление ее горести. Послал он за друзьями своими, и справили они коней своих, шлемы, щиты, мечи и брони и всякую ратную сбрую, и поход этот был снаряжен с величайшею роскошью, и ни один витязь покрупнее не остался дома; кони их были в бронях, и у каждого рыцаря был либо золоченый шлем, либо шлифованный. Гримхилд собралась в дорогу вместе с ними и сказала, что тогда только дело их будет полностью сделано, когда Гудрун выйдет замуж. Ехало с ними всего человек пятьсот; и захватили они с собою знатных людей: там были Валдимар датский и Эумод и Ярислейф. Вошли они в палату Халфа-конунга; были там лонгобарды, франки и саксы, они приехали

в полном вооружении, а поверх него пакинуты
были красные шубы, как в песне поется:

[Песнь о Гудрун, II, 20]

126 В пандырях кудых, с мечами у пояса,
Кованный шлем, черные кудри.

Предлагали они сестре своей дорогие дары
и ласково с ней говорили, но она не верила
никому из них. А затем поднесла ей Грим-
хилд волшебного питья, а она не могла отка-
заться и, выпив, обо всем позабыла: это питье
было сварено из земной тяги и морской воды
и жертвенной крови, и на роге-том были на-
чертаны всевозможные руны, окрашенные
кровью, как здесь говорится:

[Вторая песнь о Гудрун, 25]

Много на роге рун было разных,
Червленых, начерченных, трудных для чтения:
130 Рыба степи длинная с родины Хаддинггов,
Жито не сжатое, жилы оленьи.

[Вторая песнь о Гудрун, 24]

Были в той браге беды и боли,
Жженные жолуди, внутренность жертв,
Разные корни, росы огнища⁶²,
135 От хряка печень, чтоб худа не помнить.

И когда желание их исполнилось, пошло у
них великое веселье. Тогда молвила Грим-
хилд, придя к Гудрун:

— Благо тебе, дочка! Я даю тебе золото и
разные сокровища в твое владение после смерти
отца, драгоценные кольца и ткани гуннских дев,

самые роскошные, в виру за мужа. Теперь ты должна выйти за Атли-конунга Могучего; тогда будешь ты владеть его богатством. И не отрекайся ты от родичей своих ради мужа, а лучше сделай по нашей просьбе.

Гудрун отвечает:

— Никогда не выйду я за Атли-конунга, и не пристало нам вместе продолжать род.

Гримхилд отвечает:

— Не должна ты думать о ненависти, и если будут у тебя сыновья, поступай так, будто живы Сигурд и Сигмунд.

Гудрун говорит:

— Не могу я его забыть; он был всех лучше.

Гримхилд говорит:

— За этого конунга суждено тебе выйти; иначе тебе ни за кого не выйти.

Гудрун говорит:

— Не навязывайте мне этого конунга, ибо одно зло случится от этого для нашего рода, и жестоко расправится он с твоими сынами, и постигнет его за это свирепая месть.

Гримхилд не по душе пришлись ее ответы, и сказала она:

— Сделай, как мы хотим, и получишь ты за это великие почести и нашу дружбу и уделы-те, что зовутся Винбьорг и Валбьорг.

Ее слово так почиталось, что нельзя было ослушаться. Гудрун молвила:

— Пусть будет так, хоть и нет на то моей воли, и мало тут будет на радость, а больше на горе.

Затем сели они на коней, а жен усадили на колесницы, и ехали так четыре дня на лошадях,

а четыре — в ладьях, а третьи четыре — по большой дороге, пока не доехали до высоких палат. Навстречу ей вышло много народа и устроили там славный пир, как заранее было условлено между ними, и пировали там с великою честью и пышностью. И на том пиру вышел Атли с Гудрун свадебную чару, но никогда сердце ее не радовалось ему и не в любви жила она с мужем.

XXXV

ГУДРУН НАРЕЗАЛА РУНЫ

И вот сказывают, что однажды ночью, пробудившись от сна, заговорил Атли с Гудрун: — Приснилось мне, — сказал он: — что ты пронзила меня мечом.

Гудрун разгадала сон-тот и сказала, что сон — к огню, если снится железо, — «и еще к тому, что суетно мнишь ты себя выше всех».

Атли молвил:

— И еще снилось мне, будто выросли две тростинки, а я не хотел их ломать; но потом были они вырваны с корнем, и окрашены кровью, и поданы в палату, и даны мне в пищу. И еще снилось мне, будто с руки у меня слетело два сокола, и были они без добычи и полетели к Хел; привиделось мне, будто их сердца были обмазаны медом и я их ел. А затем мне казалось, точно два красивых щенка лежат передо мною и громко лают, а я ем их мясо против воли.

Гудрун говорит:

— Нехорошие это сны; но они исполнятся: сыновья твои обречены на смерть, и великие тяготы падут на нас.

— И еще снилось мне, — говорит он: — что я лежу на одре и смерть моя решена.

И так тянется их жизнь, и живут они несогласно.

Вот размышляет Атли-конунг, куда могло деться то великое золото, которым владел Сигурд; а знают об этом Гуннар-конунг и его братья. Атли был великий властелин и могучий, мудрый и многодружиный. Вот держит он совет со своими людьми, как ему быть. Знает он, что у Гуннара так много добра, что ни один человек не может с ним равняться. И вот решает он послать людей к тем братьям и позвать их на пир и всячески их почтить; послали мужа того, что звался Винги.

Знает королева-та об их тайных речах, и сдается ей, что ковы куются против ее братьев. Гудрун нарезала руны, а потом взяла золотой перстень и обмотала волчьим волосом и отдала его в руки посланцам королевским⁶³.

Тогда поехали они по слову конунга, и прежде чем вышли они на берег, заметил Винги руны-те и перечертил их на иной лад, будто Гудрун побуждает их рунами-теми, чтоб они приехали ее навестить. Затем пришли они в палату Гуннара-конунга, и приняли их хорошо и зажгли для них большие огни; и стали они в веселье пить отменнейшее питье,

Тогда молвил Винги:

— Атли-конунг прицелал меня сюда, и хочет он, чтобы вы прибыли к нему с великою

честью и приняли бы от него великую честь — щиты и шелома, мечи и брони, золото и добрые ткани, лошадей и людей и обширные лены, и даст он вам все лучшее, что есть в его землях.

Тогда покачал Гуннар головой и спросил у Хогни:

— Что думать нам об этом посольстве? Опсулит нам большие богатства; а я не знаю ни одного конунга, у которого было бы столько золота, сколько есть у нас, раз мы владеем всем золотом-тем, что лежало на Гнигахейде; и есть у нас большие коморы, полные золота и отменного оружия и всякого рода ратных доспехов. Знаю я, что конь мой лучше всех, меч острее всех, казна богаче всех.

Хогни отвечает:

— Дивлюсь я его посольству, ибо редко он так поступал; и неразумно, быть может, ехать к нему в гости. И еще я дивлюсь, потому что, глядячи на сокровища-те, что послал нам Атли-конунг, заметил я волчий волос, обернутый вокруг одного перстня; и может статься, Гудрун думает, что волчью мысль таит он против нас, и не хочет она, чтобы мы ехали.

Тут Вийги показывает ему те руны, говоря, будто их прислала Гудрун. И вот пошла вся челядь спать, и осталось их за столом немного. Тогда подошла жена Хогни, что звалась Костберою, красивейшая из женщин, и взглянула на руны-те. Супруга Гуннара звалась Глаумвор, отменная жена. Они обе разливали мед. Конунги сильно захмелели; подметил это Вийги и молвил:

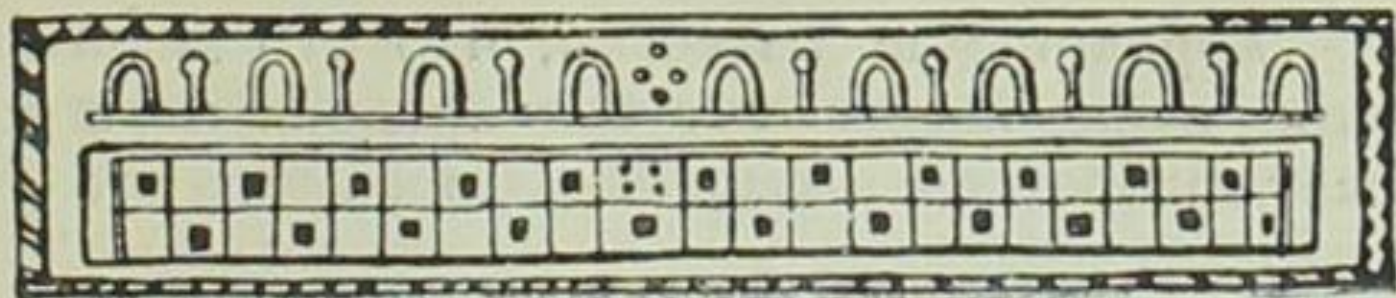
— Нечего скрывать, что Атли-конунг отяжелел очень и состарился очень и не может оборонять свое царство, а сыновья его малы и ни на что не пригодны. И хочет он теперь передать вам власть над своею землею, пока они так молоды, и считает, что вы лучше всех управитесь.

И вот по двум причинам, потому что Гуннар сильно захмелел, и потому что предлагалось большое царство (да и не мог он одолеть судьбины), соглашается конунг приехать и говорит о том Хогни, брату своему. Тот отвечает:

— Твое слово да будет нерушимо, и последую я за тобой; но не рад я этой поездке.

А когда люди напились вволю и разошлись на покой, стала Костбера разглядывать руны-те и прочитала знаки; и увидела она, что другое начертано сверху, нежели было внизу, и что спутаны руны. Все же она разобралась в них по мудрости своей; после этого легла она в постель подле мужа. А когда они пробудились, молвила она Хогни:

— Из дому хочешь ты ехать, а это неразумно. Лучше поезжай в другой раз. И несведущ ты в рунах, если думаешь, что приглашает тебя сестра твоя. Я прочитала руны-те и дивлюсь я на такую мудрую женщину, что неладно она написала; а внизу как будто начертано, что смерть вам грозит. А приключилось тут одно из двух: либо не хватило у ней дощечки, либо другие подменили руны. А теперь выслушай мой сон.

XXXVI

ХОГНИ РАЗГАДАЛ СНЫ ЖЕНЫ СВОЕЙ

— Снилось мне, будто ринулся сюда бурный поток и сорвал стропила в палате.

Он отвечает:

— Часто мыслите вы дурное, а у меня не в обычае, чтобы встречать людей подозрени-ями, если нет к тому повода; быть может, он нас хорошо примет.

Она говорит:

— Испытаете вы на себе, что не дружбу сулит приглашение. И еще снилось мне, что ворвался сюда второй поток и грозно бурлил и поломал все скамьи в палате, и раздробил ноги вам, двум братьям. И это что-нибудь да значит.

Он отвечает:

— Верно то волновались нивы, а ты приняла их за воду: а когда мы ходим по ниве, часто закрывают нам ноги высокие стебли.

— Снилось мне, будто одеяло твое горит, и огонь-тот полыхает над палатой.

Он отвечает:

— Хорошо мне известно, что это значит: платье наше лежит тут без призора и легко может загореться; а тебе показалось, что это — одеяло.

— Привиделось мне, будто вошел сюда медведь, — говорит она: — и разбил престол конунга и так ударял лапой, что все мы перепугались, и вскоре забрал он нас всех в пасть, так что мы не могли пошевелиться, и настал от того великий ужас.

Он отвечает:

— Разразится сильная буря, а тебе она показалась белым медведем.

— Привиделось мне, что явился сюда орел, — говорит она: — и пролетел вдоль по палатке и забрызгал кровью меня и всех нас, и недоброе это предвещает, ибо показалось мне, что это Атли-конунг обернулся орлом.

Он отвечает:

— Часто мы бьем скотину во множестве и режем много голов себе на довольство, и если приснится орел, это значит — к говядине; и не умыслил Атли зла против нас.

И на том прервали они беседу.

XXXVII

ВЫЕЗД БРАТЬЕВ-ТЕХ ИЗ ДОМУ

Надо теперь сказать про Гуиннара, что и с ним повторилось то же: когда они проснулись, стала Глаумвор, жена его, рассказывать многие свои сновидения, которые, казалось ей, предвещали измену, а Гуиннар во всем перечил.

— И было в одном из тех снов, что привиделось мне, будто кровавый меч внесли сюда в палату, и был ты пронзен мечом, и были волки по обе стороны меча-того.

Конунг-тот отвечает:

— Малые псы захотят нас там укусить, и часто лают собаки на кровавое оружие.

Она молвила:

— И еще привиделось мне, будто вошли сюда женщины, скорбные с виду, и выбрали тебя себе в супруги; может быть, это твои дасы.

Он отвечает:

— Трудно это растолковать, и никто не может отдалить своей кончины, и нет невозможного в том, что будем мы недолговечны.

И наутро вскочили они и собрались в дорогу, но другие их удерживали. Затем сказал Гуннар человеку по имени Фьорни:

— Встань и дай нам напиться из больших кубков доброго вина, ибо может статься, что это будет последним нашим пиром. И пусть доберется матерый тот волк до золота, если мы умрем, и медведь-тот не задумается поработать клыками.

И тут проводила их дружина с плачем. Сын Хогни сказал:

— Счастливей вам путь и добрая удача.

Дома осталась большая часть их дружины. Поехали Солар и Сневар, сыны Хогни, и витязь один великий, что звался Оркинг; он был братом Беры. Народ проводил их до кораблей, и все отговаривали, но ничто не помогло. Тогда промолвила Глаумвор:

— Винги, — сказала она: — по всему видно, что великое несчастье будет от твоего приезда, и грозными делами чреват твой путь.

Он отвечает:

— Клянусь я в том, что не лгу; и обрекаю я себя высокой виселице и всем злым дням, если солгал я хоть в одном слове.

И мало он щадил себя в этих речах. Тогда молвила Бера:

— Счастливей вам путь и добрая удача.

Хогни отвечает:

— Будьте веселы, что бы с нами ни стало.

Тогда разлучились они, как было им суждено.

Затем принялись они грести так крепко, что киль под судном-тем стерся на добрую поло-

вину. Крепко ударяли они веслами с резкой оттяжкой, так что ломались ручки и уключины, а когда вышли на берег, то не привязали они своих стругов ⁶⁴. Затем поскакали они малое время на своих славных конях по темному бору. И вот видят они королевский тот двор, и слышат они там великий шум и лязг оружия, и видят множество людей и крепкие доспехи, что были на них. И все ворота кишели народом. Подъезжают они к замку, а он заперт. Хогни сломал ворота, и въехали они в замок. Тогда молвил Винги:

— Лучше бы ты этого не делал; а теперь подождите вы здесь, пока отыщу я дерево, чтоб вас повесить. Ласкою заманил я вас сюда, но хитрость скрывалась под нею. Теперь уж не долго ждать, пока вы высоко повиснете.

Хогни отвечает:

— Не поддадимся мы тебе; и не думаю я, чтобы мы отступили там, где мужи должны сражаться; и не удастся тебе нас застращать, и плохо тебе придется.

И стали его бить тупиками секир и забили насмерть.

XXXVIII

БИТВА В ЗАМКЕ-ТОМ И ПОБЕДА

Вот едут они к королевской палате. Атликонунг строит дружину для боя, и так построились полки, что двор некий оказался между ними.

— Добро пожаловать к нам, и отдайте мне золото-то несметное, что мне припадает по праву, богатство-то, что принадлежало прежде Сигурду, а теперь — Гудрун.

Гуннар говорит:

— Никогда не владеть тебе этим богатством, и с крепкими людьми придется вам встретиться, прежде чем мы лишимся жизни, если вы нам предлагаете бой; и может статься, что погосподски угостишь ты на этом пиру орла и волка.

— Давно я задумал добратся до вас и завладеть золотом-тем, и отплатить вам за подлое дело, что убили вы доблестного вашего свояка, и теперь я отомщу за него.

Хогни отвечает:

— Не на пользу вам долгие разговоры, и вы еще не снарядились для боя.

Тут начинается жестокая битва, и сперва сыплются стрелы. И вот доходят вести до Гудрун и, прослышав об этом, распалилась она гневом и сбросила с себя корзно. Затем вышла она из палаты и приветствовала гостей и поцеловала братьев своих и явила им любовь. И такова была последняя их беседа; молвила она тогда:

— Думалось мне, будто все я сделала, чтоб не ехали вы сюда; но никто не в силах одолеть судьбины.

И еще спросила она:

— Будет ли польза в переговорах?

Все наотрез отказались. Видит она тогда, что плохую игру сыграли с ее братьями. Надела она броню, взяла меч и сражалась вместе с родичами своими, и шла вперед, как отважнейший муж, и все говорили в один голос, что вряд ли где была оборона сильнее. Настало тут великое побоище, но сильнее всех был натиск братьев. И вот длится эта битва вплоть до полудня. Гушнар и Хогни двигались прямо навстречу полкам Атли-конунга, и сказывают так, что все поле было затоплено кровью. Сыны Хогни твердо шли вперед. Атли-конунг молвил:

— Была у нас дружина большая и отменная и могучие витязи; а теперь много наших погибло, и есть нам, за что отплатить вам злом: убито двенадцать витязей моих, и всего одиннадцать осталось в живых; и пусть будет передышка в сражении-том.

Молвил в ту пору Атли-конунг:

— Четверо было нас, братьев; а теперь я один остался. Добился я знатного свойства и

думал, что оно послужит мне к чести. Жену взял я красивую и мудрую, высокой души и твердого нрава; но не было мне прока от ее мудрости, потому что редко жили мы в мире. Теперь вы убили много моих родичей и обманом взяли мои земли и богатство и предали мою сестру, и это мне хуже всего.

Хогни отвечает:

— Как смешь ты говорить такие слова? Ты первый нарушил мир; ты взял женщину из моего рода и голодом загнал в Хел⁶⁵, предательски убил и забрал именье, а это не по-королевски. И смешно мне, что ты исчисляешь свои обиды, и хвала богам, что пришлось тебе плохо.

XXXIX

ХОГНИ ВЗЯТ В ПОЛОН

Вот горячит Атли-конунг дружину свою для крепкого натиска. Принялись они теперь жестоко рубиться, а Гьюкунги нападали так грозно, что Атли-конунг убежал в палату и схоронился там. А битва закипела свирепая. Эта схватка прошла с большим уроном и кончилась тем, что пала вся дружина братьев, и остались они вдвоем, но еще много народа отправилось в Хел от их оружия. Тогда набросились враги на Гуннара-конунга, и по причине их многолюдства был он взят в полон и заключен в оковы. Тогда Хогни стал сражаться один от великой своей отваги и богатейства и поразил из сильнейших витязей Атли-конунга двадцать человек. Многих он бросил в тот костер, что был разведен в палате.

Все, как один, признали, что вряд ли есть на свете муж ему равный. И все же под конец одолело его множество, и был он взят в полон. Атли-конунг молвил:

— Великое это чудо, что так много людей от него погибло. Вырежьте же у него сердце, и такова да будет его смерть.

Хогни молвил:

— Поступай, как знаешь. Весело буду я ожидать того, что вы захотите со мною сделать, и увидишь ты, что не дрожит мое сердце, и показал я себя твердым в деле и рад я был нести ратный иску, пока не был ранен; а теперь одолели нас раны, и можешь ты сам решить нашу участь.

Тогда молвил советник Атли-конунга:

— Вижу я лучший выход: возьмем раба-того Хьялли и пощадим Хогни. Раб этот обречен на смерть; всю жизнь он был жалок⁶⁶.

Услышал это раб-тот и завизжал на голос и стал носиться повсюду, где только чаял найти убежище: кричал, что терпит за чужую усобицу и всех больше страдает; проклинал день, когда придется ему умереть и уйти от сытой своей жизни и от свиного стада. Его поймали и всадили в него нож: он громко запищал, почувяв лезвие. Тогда молвил Хогни (как редко кто говорит, когда дело дойдет до испытания отваги), что дарит холопу жизнь и что не в силах он слушать этот визг; сказал, что самому ему легче вынести эту игру. Тогда раба-того оставили в живых.

Вот заковали их обоих, Гушнара и Хогни. Тогда молвил Атли-конунг Гушнару-конунгу, чтобы сказал он, где золото-то, если хочет сохранить жизнь. Тот ответил:

— Прежде должен я увидеть кровавое сердце Хогни, брата моего.

И вот снова схватили они раба-того и вырезали сердце и показали конунгу-тому, Гуннару. Он же сказал:

— Сердце Хьялли вижу я робкого, несхоже с сердцем Хогни хороброго, ибо сильно дрожит оно, и даже вдвое сильнее, чем дрожало в груди.

Тогда пошли они по приказу Атли-конунга к Хогни и вырезали у него сердце, и такова была его стойкость, что смеялся он, терпя эту муку, и все дивились его отваге, и с тех пор это не забылось. Они показали Гуннару сердце Хогни; он сказал:

— Вот вижу я сердце Хогни хороброго, несхожее с сердцем Хьялли робкого, ибо слабо оно трепещет и даже меньше, чем у него в груди. И так же ты, Атли, умрешь, как ныне мы умираем. А теперь я один знаю, где скрыто золото, и Хогни тебе не скажет. Я колебался, пока мы живы были оба, а теперь я сам за себя решаю: лучше пусть Рейн владеет золотом-тем, чем заберут его гунны в свои руки.

Атли-конунг молвил:

— Уведите узника прочь! — и было это исполнено.

Тут Гудрун сзывает людей и идет к Атли-конунгу.

— Да будет тебе худо, как худо сдержал ты слово, данное мне и братьям.

Тогда бросили Гуннара-конунга в змеиный загон: было там много змей, а руки у него были наврепко связаны. Гудрун послала ему арфу, а он показал свое умение и заиграл на

арфе с большим искусством, ударяя по струнам пальцами ног, и играл до того сладко и отменно, что мало кто, казалось, слышал, чтоб так и руками играли. И так долго забавлялся он этим искусством, покуда не заснули змеите. Но одна гадюка, большая и злобная, подползла к нему и вонзила в него жало, и добралась до сердца⁶⁷, и тут испустил он дух с великим мужеством.

XI

РАЗГОВОР АТЛИ С ГУДРУН

Думал теперь Атли-конунг, что одержал великую победу, и сказал Гудрун не без насмешки и словно хвастаясь:

— Гудрун, — сказал он: — потеряла ты теперь своих братьев, и сама ты в том виновата.

Она отвечает:

— Любо тебе хвалиться предо мною этим убийством; но может статься, что расквешься ты, когда увидишь, что за этим последует: а будет это наследие долго сохраняться, но слаще не станет; и не знать тебе блага, пока я жива.

Он отвечает:

— Давай помиримся, и дам я тебе виру за братьев, золотом и драгоценностями по твоему желанью.

Она отвечает:

— Долго была я неуживчивой и стояла на своем, пока жив был Хогни; и никогда бы тебе не отплатить мне за братьев моих так, как мне бы хотелось, но часто смиряет нас,

женщин, ваше могущество. Вот умерли все мои родичи, и теперь ты один надо мною властен. Принимаю я твое условие, и устроим мы большой пир: хочу я справить тризну по братьям своим да и по твоим родичам.

Стала она на словах ласкова, но иное под этим скрывалось. Он дал себя уговорить и поверил ее речам, когда она притворилась, что все принимает легко. Вот справляет Гудрун тризну по братьям, а Атли-конунг — по своим людям, и пируют они с большим великолепием. Думает Гудрун о своих невзгодах, а сама выжидает, как бы учинить конунгу великий позор. И под вечер взяла она сыновей своих от Атли-конунга, когда они играли на помосте⁹; мальчики-те удивились и спросили, чего она от них хочет. Она отвечает:

— Не спрашивайте. Умрете вы оба.

Они ответили:

— Властна ты учинить над детьми своими, что хочешь; никто не смеет запретить тебе, но стыдно тебе так поступать.

Тут она перерезала им горло.

Конунг-тот спросил, где его сыновья. Гудрун отвечает:

— Могу тебе сказать и повеселить твое сердце. Ты учинил нам великую обиду, умертвил моих братьев; а теперь выслушай мои слова: потерял ты сыновей своих — и вот черсца их, превращенные в чаши, и сам ты пил их кровь, с вином смешанную; а затем взяла я сердца их и поджарила на вертеле, и ты их съел.

Атли-конунг отвечает;

— Свиреп твой дух, раз убила ты своих сыновей и дала мне поестъ ихъ мяса, и мало времени оставляешь ты между двумя злодействами.

Гудрун говоритъ:

— Хотела бы я нанести тебе великий позор, но всякого зла мало для такого конунга, как ты.

Конунг молвилъ:

— Такъ ты поступила, что люди не знаютъ тому примера, и много безумства в такой жестокости, и заслужила ты, чтобъ тебя сожгли на костре или камнями прогнали в Хел, и нашла бы ты тогда то, чего искала.

Она отвечаетъ:

— Приберегги это для себя; а я приму другую смерть.

Такъ говорили они друг другу многие злобные речи.

После Хогни остался сын по имени Нифлунг. Он тайно великий гневъ противъ Атли-конунга и поведалъ Гудрун, что хочетъ отомстить за отца. Она обрадовалась, и стали они совещаться. Она сказала, что большая была бы удача, если бы это свершилось.

И под вечеръ конунг напился и отошел ко сну. А когда онъ започивал, вошли къ нему Гудрун и сын Хогни. Гудрун взяла мечъ и пронзила грудь Атли-конунга: такъ учинили они вдвоем, она и сын Хогни. Атли-конунг пробудился раненный и молвилъ:

— Тутъ ужъ не нужно ни перевязокъ ни ухода. Но кто совершилъ надо мной это злодейство?

Гудрун говорит:

— Есть тут доля моей вины, да еще сына Хогни.

Атли-конунг молвила:

— Негоже тебе так поступать, хоть и есть за мной кое-какая вина; ведь все же была ты выдана за меня с согласия рода, и дал я за тебя вено, тридцать добрых рыцарей и столько же дев и много другого люда, а тебе все казалось, что мало тебя почтили, раз не можешь ты сама государить над всеми владениями Будли-конунга, и часто доводила ты свекровь свою до слез.

Гудрун молвила:

— Много ты наговорил неправды: никогда я об этом не думала. Но часто бывала я не приветлива, и не мало тут твоей вины. Не раз бывали на дворе твоём побоища, и бились между собой родные и присные и враждовали друг с другом. Куда лучше жилось нам, когда была я за Сигурдом: убивали мы конунгов и владели их добром и давали защиту всем, кто просил. И хофдинги приходили к нам на поклон и, кто хотел, того мы обогащали. Затем потеряла я его, но не так еще тяжело было называться вдовою: хуже всего, что тебе я досталась, после того как владела я славнейшим конунгом. Ведь ни разу не вернулся ты с войны непобежденным.

Атли-конунг отвечает:

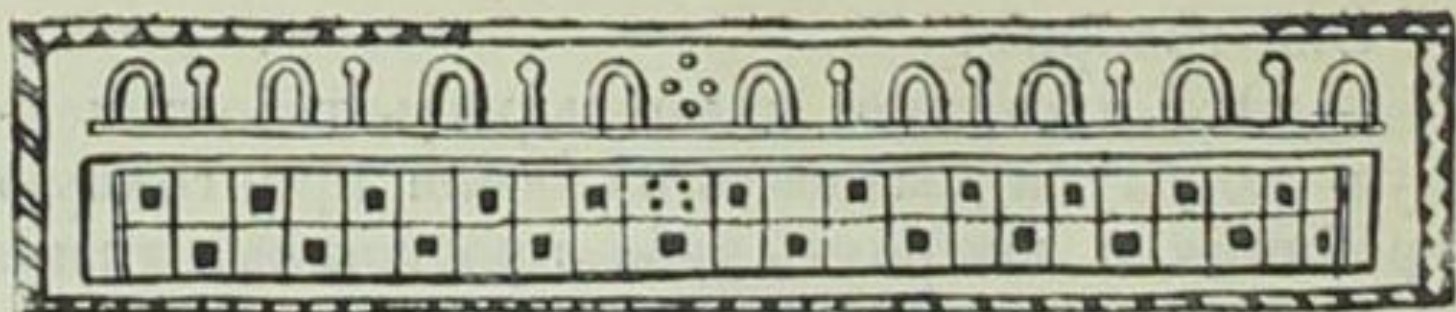
— Неправда это! Но от таких речей не будет лучше ни мне ни тебе, и оба мы пострадаем. Теперь же поступи со мною, как подобает, и вели обрядить тело мое с честью.

Она говорит:

— Это я сделаю: велю вырыть тебе почетную могилу и вытесать из камня пристойную гробницу и завернуть тебя в роскошные ткани и приготовить все, что подобает.

После этого он умер, а она сделала, как обещала; а затем приказала зажечь палату. А когда гридь проснулась со страхом, то не захотели люди терпеть ожогов и поубивали себя сами и так погибли. И завершился век Атликонунга и всех гридней его. Гудрун тоже не хотела жить после таких деяний, но еще не настал ее последний день.

Сказывают люди, что Волсунги и Гьюкунги были прегордыми и властными вождями, и то же находим мы во всех старинных песнях. И завершилась, таким образом, эта усобица на давних этих деяниях.

XLІ

О ГУДРУН⁶⁸

Гудрун родила от Сигурда дочь, по имени Сванхилд; была она всех женщин краше, и глаза у нее были блестящие, как у отца, так что редко кто осмеливался заглянуть ей под брови. Возвышалась она красою своею над прочими женами, как солнце над прочими звездами.

Однажды Гудрун пошла к морю и набрала камней за пазуху, и вошла в море, и хотела утопиться. Тогда подняли ее высокие волны и понесли по морю, и поплыла она с их помощью, пока не прибыла к замку Ионакраконунга. Он был могучий король и многодружбинный. Взял он за себя Гудрун. Дети их были: Хамди, Сорли и Эри. Там воспитали и Сванхилд,

XLII

ВЫДАНА СВАНХИЛД И РАСТОПТАНА КОНСКИМИ КОПЫТАМИ НАСМЕРТЬ

Иормунреком звался некий конунг. Был он могучим конунгом в те времена. Сын его звался Рандвер. Конунг позвал сына на беседу и молвил:

— Ты поедешь послом от меня к Ионакру-конунгу, а с тобой мой советник, что зовется Бикки. Воспитывается там Сванхилд, дочь Сигурда Фафниробойцы: известно мне, что она красивейшая девушка под вселенским солнцем. На ней хочу я жениться, и ты посватаешь ее для меня.

Тот говорит:

— Долг велит, государь, справить ваше посольство.

Тут приказывает он снарядить их в поход, как подобает.

Вот едут они, пока не прибывают к Ионакру-конунгу, видят Сванхилд и восхищаются ее лепотою. Рандвер зовет конунга на беседу и говорит:

— Иормунрек-конунг хочет с вами породниться. Прослышал он о Сванхилд и намерен избрать ее себе в жены, и невероятно, чтоб удалось ей выйти за более могущественного мужа.

Конунг ответил, что это — достойный брак — «и Иормунрек весьма прославлен».

Гудрун говорит:

— Ненадежное дело — доверять счастью: может оно разбиться.

Но с согласия короля и всех, кого дело касалось, сладилось это сватовство, и взошла Сванхилд на корабль с подобающей челядью и села на корме подле королевича. Тогда молвил Бикки Рандверу:

— Разумнее было бы, чтоб у вас была такая пригожая жена, а не у такого старца.

Тому это пришлось по душе, и он заговорил с нею ласково, а она ему отвечала. Прибыли они в свою землю и предстали перед конунгом. Бикки молвил:

— Подобаает тебе знать, государь, как обстоит дело, хотя и нелегко мне это высказать; а идет тут речь об измене, что учинил сын твой: добился он от Сванхилд полной любви, и она — его полюбовница, и ты не оставляй этого безнаказанным.

Много дурных советов давал он ему и прежде, но этот всех злее его укусил. Конунг слушался многих его злых советов: он не мог сдержать гнева и приказал Рандвера схватить и вздернуть на виселицу. А когда его привели к виселице, взял он сокола и выщипал у него все перья и сказал, чтобы сокола-того показали отцу. А когда конунг-тот увидел сокола, молвил:

— Ясно, что он хотел мне этим показать: я-де так же лишился всяческой чести, как сокол-тот перьев, — и приказал снять его с впселицы.

Но Бикки между тем устроил так, что он уже был мертв.

И снова заговорил Бикки:

— Ни на кого ты не должен гневаться больше, чем на Сванхилд: повели предать ее позорной смерти.

Конунг ответил:

— Этот совет мы примем.

Тогда положили ее связанную под городские ворота и погнали на нее коней. Но когда она раскрыла глаза, то не посмели кони ее растоптать. И Бикки, увидевши это, сказал, что нужно набросить ей на голову мешок, и так было сделано, и лишилась она жизни.

XLIII

ГУДРУН ПОДСТРЕКАЕТ СЫНОВЕЙ СВОИХ К МЕСТИ ЗА СВАНХИЛД⁶⁹

Вот прослышала Гудрун о кончине Сванхилд
и молвила сыновьям:

— Что сидите вы мирно и болтаете весело,
когда Иормунрек убил вашу сестру и раздавил
под копытами коней с великим бесчестием?
Нет в вас духа Гуннара и Хогни; отомстили
бы они за свою сестру.

Хамди отвечает:

— Не очень ты хвалила Гуннара и Хогни,
когда они убили Сигурда, и была ты обагрена
его кровью; и плоха была твоя месть за братьев,
когда убила ты своих сыновей. Но лучше
нам всем вместе убить Иормунрека-конунга,
чем сносить тяжкую укоризну, которой ты нас
подстрекаешь.

Смеясь, вышла Гудрун и принесла им на-
питься из больших кубков, а затем дала им
брони большие и крепкие и прочную брачную
сбрую.

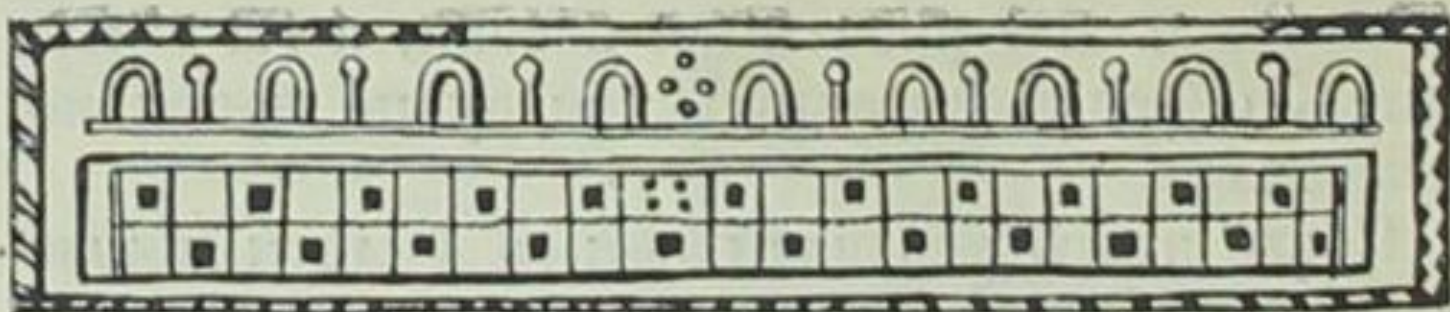
Тогда молвил Хамди:

— Здесь мы простимся навеки; а ты услышишь о нас и справишь тризну по нас и по Сванхилд.

После этого ускакали они; а Гудрун пошла в горницу, подавленная горем, и молвила:

— За тремя мужьями была я. За первым — за Сигурдом Фафниробойцей, но он был предательски убит, и это мое тягчайшее горе. После выдали меня за Атли-конунга, но так озлобилось сердце мое против него, что в горе убила я своих сыновей. Тогда пошла я к морю-тому, но вынесло меня на берег волнами, и вышла я тогда за этого конунга. Затем выдала я Сванхилд в чужую землю с великим богатством, и после убийства Сигурда больше всего мне та обида, что была она растоптана конскими копытами. И горько мне было, когда бросили Гуннара в змеиный загон; и тяжко — когда у Хогни вырезали сердце. И лучше было бы, если бы пришел за мной Сигурд и увел бы меня к себе. Не осталось здесь теперь ни сына, ни дочки, чтоб меня утешить. Помнишь ли, Сигурд, наше слово, когда мы с тобою всходили на ложе, что придешь ты за мною и из Хел прискачешь? ⁵⁹

И на том кончается ее заплачка.

XLIV

О СЫНАХ ГУДРУН ГЛАВА

Нужно теперь сказать про сыновей Гудрун, что она так справила их доспехи, чтобы не пробивало их железо, и запретила им метать камни и другие тяжести, и сказала, что на горе им будет, если ослушаются. А когда выехали они на дорогу, то встретили Эрпа, брата своего, и спросили, как собирается он им помочь. Он отвечает:

— Как рука руке или нога ноге.

Им показалось, что это — неправда, и они убили его⁷⁰. Затем поехали они своей дорогой, и немного времени прошло, как остушился Хамди и удержался рукою и молвил:

— Правду, пожалуй, молвил Эрп: упал бы я теперь, если бы не подперся рукою-той.

Немного погода остушился Сорли, но уперся одной ногой в землю и удержался на них и молвил:

— Упал бы я теперь, если бы не уперся обеими ногами, — и признали они, что неправо поступили с Эрпом, братом своим.

Вот поехали они дальше, пока не прибыли к Иормунреку-конунгу и ворвались к нему и тотчас на него напали: отрубил ему Хамди обе руки, а Сорли — обе ноги. Тогда молвил Хамди:

— Отскочила бы и голова-та, если бы Эрп был жив, брат наш, которого убили мы на дороге; и поздно мы это уразумели.

Так и в песне поется:

[Хамдисмол 26]

Прочь череп слетел бы, если б Эрп не пал,
Братец наш, бойкий в битвах,
158 Ныне в поле убитый нами.

И в том преступили они приказ матери своей, что бросались камнями. Тогда ринулись на них люди, а они защищались хорошо и храбро и многих перебили. Не брало их железо.

Тогда явился некий муж, высокий и могучий и кривой на один глаз⁷¹:

— Не умные же вы люди, раз не можете этих двоих предать смерти.

Конунг-тот отвечает:

— Посоветуй, если можешь.

Тот молвил:

— Загоните их камнями в Хел.

Так было сделано, и со всех сторон полетели в них камни, и тут постигла их смерть.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОКАЗАНИЯ ИСТОРИКОВ

А. ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ БУРГУНДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

По Григорию Турскому, VI век [*Greg. Turonensis, «Historia Francorum» (Mgh. SS-rei Merov. I)*].

Книга II, 28 (491—492 и.)

Был же у бургундов король Гундовех* из рода Атанарика-короля, утеснителя, о коем мы выше упоминали. У него было четверо сыновей: Гундобад, Годигисил, Хилперик и Годомар. Гундобад же убил брата своего Хилперика мечом, а жену его**, повесив камень на шею, бросил в воду. Двух дочерей его он обрек на изгнание. Старшая из них, приняв иноческий чин, была названа Хроною***, младшая же звалась Хротихилдой. Когда затем Хлодвиг**** отправил в Бургундию посольство, то послы застали Хротихилду незамужней. Найдя ее изящной и умной и узнав, что она из королевского рода, они изве-

* Король Гундобад (Mgh. Leges, III, 333) упоминает в «Бургундской Правде» о «царственной памяти предках своих»: Гебике, Годомаре, Гислахари, Гундахари. Сыном Гундахари, вероятно, был Гундовех (см. Указатель: Гьюки, Гуиннар, Готторм); Гислахари — в «Песни о Нибелунгах» Гиселхер.

** Вероятно, ошибка: жена Хилперика умерла в 306 г.

*** В миру — Седелеуба.

**** Хлодвиг I (481—511), положивший основу Франкскому могуществу.

стили о том короля Хлодвига. Тот незамедлительно отправил к Гундобаду посольство, прося ее себе в жены. Гундобад, боясь ему отказать, передал ее тем мужам; они же, приняв девушку, поспешно отвозят ее к королю. Чрезвычайно обрадовавшись при виде ее, король соединился с нею браком; в то время уже у него был от наложницы сын Теудерик (Теодорих).

Книга III, 5 (516—524 н.)

По смерти же Гундобада, царство его принял сын его Сигимунд... каковой, лишившись первой супруги, дочери Теудерика, короля Италии*, от которой у него был сын Сигирик, взял другую жену. Она, по обычаю всех мачех, начала сильно злобствовать и строить козни (*valide malignari et scandalizare coepit*) против Сигимундова сына. И вот однажды в праздничный день мальчик, узнав на ней наряд своей матери, распаленный гневом, сказал ей: «Недостойна ты того, чтобы спину твою покрывала одежда, которая, как всем известно, принадлежала твоей госпоже, а моей матери».

Она же, придя в бешенство, коварными словами побуждает мужа своего, говоря:

«Этот злодей хочет захватить твое царство и, убив тебя, распространить свою власть и на Италию, так, чтобы тем государством, которым владел его дед Теудерик, и он бы правил. Знает он, что при жизни твоей ему этого не достигнуть, и что если ты не падешь, он не возвысится».

Подстрекаемый такими и подобными речами и последовав совету негодной жены, стал он подлым

* Амалберга, дочь Теодориха Великого. Таким образом исторический Сигфрид (?) оказывается родным внуком Дитриха Бернского.

детоубийцей. А именно, после обеда он отсылает спать сына, одурманенного вином; а пока тот спал, ему протянули под затылком оравь, завязали узлом под подбородком, и двое отроков стали тянуть каждый в свою сторону; так он был удушен. После чего отец, слишком поздно раскаявшись, пав на бездыханный труп, принялся горько рыдать. Говорят, что старец некий сказал ему: «О себе едином, — говорил он: — должен ты плакать, ибо, послушавшись злодейского совета, стал ты сыноубийцей свирепейшим. Его же, невинно убиенного, оплакивать незачем». Тем не менее, король, отправившись в святую Агаунскую обитель (св. Маврикия) и в течение многих дней предаваясь слезам и посту, вымаливал себе отпущение. Повелев же петь там псалмы неукоснительно, сам вернулся в Лион, а божественное отмщение шло за ним по пятам.

Книга III, 6 (525—524 и.)

Хротихида же королева обратилась с речью к Хлодомеру и прочим сынам своим, говоря: «Да не раскаюсь я, дражайшие, в том, что любовно вас возрастила. Прошу вас принять к сердцу мою обиду и отмстить за смерть отца моего и матери с усердным рвением».

Услышав это, они направляются в Бургундию и идут войной на Сигимунда и брата его Годомара. Потерпев поражение, Годомар обращается в бегство. Сигимунд же, пытаясь спастись в святую Агаунскую обитель, был схвачен Хлодомером, взят в плен вместе с женой и детьми и, отведенный в Орлеанские пределы, содержался там.

После ухода этих (т. е. Франкских) королей Годомар, собравшись с силами, объединил бургундов

и вновь овладел царством. Готовясь выступить против него, Хлодомер постановил убить Сигимунда. И было ему сказано от блаженного Авита аббата, великого в те времена пресвитера:

«Если, — говорил он: — памятуя о боге, исправíš решение свое и не допустишь убийства этих людей, будет с тобою господь, и в походе добудешь победу; если же умертвишь их, то, преданный в руки недругов, сам тою же смертью погибнешь; будет же тебе, жене и сыновьям твоим то же, что учинишь ты Сигимунду и супруге и детям его».

На что тот, презрев совет, отвечал: «Глупый это, по-моему, совет, чтобы, оставив дома одних врагов, я выступил против других, так что, если одни нагрянут с тылу, другие же спереди, окажусь я между двух вражеских войск. Скорее и легче добиться победы, если будут они разлучены; убив одного, легко и другого предать смерти». И немедленно приказал умертвить Сигимунда с женою и детьми, бросив их в колодезь у Колумны (Сен-Перави-ла-Коломб), деревни подле города Орлеана, а сам двинулся в Бургундию, призвав на помощь короля Теодорика. Тот же не пожелал отомстить за обиду тестя (Сигимунда) и обещал выступить. Соединившись около Висоронтия (Везранс) в области г. Вьенны, они вступили в бой с Годомаром. Когда же Годомар со своим войском обратился в бегство, а Хлодомер, преследуя его, удалился от своих на немалое расстояние, бургунды, подменив его боевыми значками свои собственные, принялись громко кричать ему: «Сюда, сюда, к нам! мы — твои люди!» А он, поверив им, пошел на зов и ввергся в гущу неприятелей. Его отрубленную голову надели на древко и подняли вверх. Франки, видя это и уразумев, что Хлодомер убит,

собрав силы, обратили Годомара в бегство, покорили бургундов и страну их подчинили своему владычеству.

Хлодохарий немедленно взял себе в жены супругу брата своего (Хлодомера) по имени Гунтеуку. Сыновей же его, по миновании дней траура, Хротихида-королева приняла и при себе держала. Из них один назывался Теудоалдом, другой — Гунтарием, третий — Хлодоваалдом. Годомар вновь овладел царством (Бургундией).

Книга III, 11 (534 г.)

Хлодохарий же и Хилдеберт двинулись в Бургундию, обложили Аугустодунум (Отен) и, прогнав Годомара, заняли всю Бургундию.

Б. ГИБЕЛЬ ПЕРВОЙ БУРГУНДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

(Paulus Diaconus, «Gesta Episcopum Metensium», Mgh. SS. II, 262).

(457 г.)

Аттила, царь гуннов, из всех диких зверей свирепейший, который подчинил власти своей множество варварских народностей, сокрушив Гундигария*, короля бургундов, чье царство стояло у него на пути, развязал возжи своей жестокости для порабощения всей Галлии.

В. СМЕРТЬ АТТИЛЫ (453 г.)

По Иордану (*Iordanis, «De origine actibusque Getarum», Mgh. Scriptores Antiquissimi, V, 123*)**

Глава XLIX

Согласно показанию историка Приска, Аттила, под конец жизни взяв за себя после бесчисленных жен

* Гундахари (Гуннар).

** Иордан, или Иорнанд — готский историк VI века, составивший книгу «О происхождении и делах готов» около 532 г. Иор-

(по обычаю этого народа) весьма красивую девушку, по имени Илдиго, сильно повеселившись на свадьбе и отягченный вином и сном, лежал навзничь на своем ложе; тут кровь, обыкновенно шедшая у него носом, стесненная в привычном своем движении, устремилась опасным путем через горло и задушила его. Так прославленному в войнах властителю невоздержанность угодовала позорную кончину.

Г. ЭРМАНАРИХ, КОРОЛЬ ГОТСКИЙ

а. Показание Иордана

(V, 91)

Глава XXIV (575 г.)

Херманарик, король готов, восторжествовавший, как мы рассказали выше, над многими племенами, все же был весьма встревожен приходом гуннов. В это время коварное племя *росомонов*, которое в числе прочих выразило ему покорность, воспользовалось случаем, чтобы ему изменить. Так как разгневанный король приказал одну из женщин этого племени, по имени *Сунилду*, за вероломный уход мужа * привязать к хвостам коней и, подгоняя оных, разорвать ее на части, — то братья ее, Сар и Аммий **, мстя за смерть сестры, пронзили бок Херманарика булатом. Изувеченный этой раной, он закончил жизнь в жалком телесном убожестве.

дан пишет крайне тяжелым и неясным языком, так что показания его далеко не всегда вразумительны; к тому же желание возвеличить свое племя лишает беспристрастности его рассказ.

* *Pro mariti fraudulentio discessu*. Не исключена возможность, что на сукоинном языке Иордана это значит: «за вероломный уход от мужа» (т. е., что мужем был сам король).

** По другому источнику — Хемвдус и Серила.

б. Письмо Фулькона к императору
Арнульфу (X век)

(*Mgh., SS. III, 565*)

Значится также в немецких кнѣгах о некоем короле, по имени Херменрике, который все потомство свое предал смерти* по преступным проискам некоего своего советника.

в. Кведлинбургские анналы (XI век)

(*Mgh., SS. III, 51*)

В это время правил над всеми готами Эрманрик, на козни хитрый, на казну щедрый (*astutior in dolo, largior in dono*), каковой по убиении единственного своего сына Фредерика, по его же приказу совершенном, племянников своих Эмбрику и Фритилу вздернул на виселицу.

* Эти немецкие сказания сохранились в Тидрекс-саге (XIII век), где рассказывается о том, как Сибих (Сифка), злобствовавший на Эрманариха за соращение своей жены, коварными советами заставил его погубить трех своих сыновей (Фридриха, Региндбалда, Самсона) и двух племянников (Эдгарда и Аки); смерть Фридриха упоминается и в немецкой поэме «Бегство Дитриха» (XIII век).

Приложение II

ЗМЕЕБОРСТВО СИГМУНДА

(Из англо-саксонской поэмы «Беовульф», VII — VIII век)

[При дворе датского короля один из дружинников
занимает гостей]

- 868 Гриденъ королевский,
Испытанный в подвигах, помнивший песни,
870 Воин, что сотни старых сказов
В мыслях держал, затеял мудро
Складом искусным * снова восславить
Бой Беовульфа и брани былые.
Сказывать он стал словом умелым.
875 Разные повел от разума речи,
Все, что о Сигмунде прежде он слышал,
Множество подвигов мощных, неслыханных,
Дивных дел Велсинга, дальних походов,
Что род людской раньше не ведал,
880 Войны и хитрости, что с Фителой храбрым
Вместе вершил иль поведал в то время
Сестричу дядя, как было их двое
Товарищей в бедах и в буйных битвах.
Эти многих из рода Эотенов *
885 Сталью сразили — Сигмунду ж досталась
И после смерти слава немалая,
С тех пор как знатный змея сразил,
Сторожа клада. Под серым камнем

* Эотены = скандинавские «потуны» (см. Указатель), великаны.

Эделинга * сын сам это сделал
890 Славное дело, без Фителы друга.
Так он был удачлив, что тело пробил
Злобному гаду: в гору вонзилась
Страшная сталь. Змея смерть настигла.
Грозный муж мощью добился,
895 Чтоб красными кольцами клада он правил
Сам без раздела. Струг нагрузил,
Бросив в лоно ладьи бремя блестящее,
Велсов сын гордый **. Гад в огне растаял ***.
Был он средь витязей воин славнейший,
900 Средь рода людского ратников щит.
За сильные подвиги славу стяжал он.

* Эделинг = скандинавский «одлинг» (см.), высокородный.

** О несметной золотой казне Сигмунда упомянуто и в Волсунга-саге (глава XII).

*** Растопившаяся от огня роговая кожа змея встречается в немецких сказаниях о змееборстве Сигфрида.

КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заголовки некоторых глав (в том числе и первой) стерлись и не могут быть восстановлены.

² Старые скандинавы различали непреступное убийство (*drágr*), о котором убийца сам заявлял, приводя оправдания или добровольно платя виру, и уголовное убийство (*mordh*), за которое полагалось объявление вне закона. Кровная месть, впрочем, следовала часто и за тем и за другим видом убийства, если родственники отказывались от виры.

³ Суд объявлял преступника «лишенным мира», и каждый мог безнаказанно убить его; но государство само не брало на себя выполнения приговора, предоставляя его потерпевшим или добровольным исполнителям. Поэтому такой приговор часто оставался безрезультатным в отношении богатого и могущественного преступника. Однако большей частью лишенный мира должен был скрываться, отчего это и называлось «уходом в лес», а сам преступник — «волком».

⁴ В «Римах о Волсунге Нерожденном» (72—82) женитьба и смерть Сиги описаны полнее. Двое королевичей правят Русью (Гардарики); Сиги сватается к их сестре; в ответ на их отказ объявляет им войну, побеждает их и заставляет согласиться на брак. Через много лет (Рери уже вырос) шурья Сиги затевают коварную измену; конунг, обманом завлеченный в западню, погибает.

⁵ Очевидно, из-за родства со стороны матери.

⁶ Оперенный наряд, вороний, лебяжий и т. п., часто встречается в скандинавских поверьях. Оборотничество понималось именно как материальное платье, которое можно надеть и скинуть и даже одолжить другому.

⁷ В тексте вернее всего ошибка переписчика: *et sumt* вместо *etu a samt* = «поели вместе (от того яблока)».

⁸ Буквально «детский (детоносный) ствол» (*barpstokkr*). Очень вероятно, что имеется в виду яблоня, произросшая из семени яблока Хльод (глава II), тем более, что дерево названо далее яблоней. Чтение «Рим о Волсунге Нерожденном» — «ствол помощи» не заслуживает внимания. Деревья посреди палаты встречаются в других сагах.

⁹ Единственная большая комната, палата, староскандинавского дома имела удлиненную форму. В длину по стенам шли два помоста, на которых стояли скамьи, а во время пира и столы. В середине вдоль всей палаты в земляном полу было вырыто углубление, в коем раскладывались костры. Посреди каждого из помостов, друг против друга, помещались два «хасети», т. е. «высоких места»; на каждом из этих престолов могло усесться по два человека; садились же там сам хозяин и наиболее важные гости. Каждое «хасети» ограничивалось двумя вертикальными столбами, подпиравшими потолок; то были священные фамильные столбы, посвященные тому богу, которого хозяин избирал своим «фултрун» (т. е. «крепкой надежей»), большей частью Тору. По стенам над скамьями вешали рога и оружие, в особенности расписные парадные щиты.

¹⁰ Среди северных германцев (от Нижней Германии до Ледовитого океана) вплоть до XIX века крепко держалась вера, что некоторые люди обладают «вторым зрением», т. е. предвидят будущее. Эта способность (как, впрочем, и у большинства других европейских народов) в особенности приписывалась женщинам (см. Указатель: *Волва*).

¹¹ Относительно оборотничества — см. примечание 6. Волки-оборотни часто встречаются в сагах. От славянских «вовкудлаков» и т. п. они отличаются тем, что это не покойники, а живые люди. Такие люди назывались «спящими по вечерам» (*kveldsvaeft*): вечером они впадали в бессознательное состояние и лежали неподвижно (очевидно, какой-нибудь

психоз); окружающие же толковали это так, будто из спящего вышла душа и бегаёт в волчьем облике.

¹² В основной рукописи пробел, плохо восполняемый бумажными рукописями: «Тут подходит Сигмунд и спрашивает: «Почему ты не крикнул?» Синфьотли сказал: «Я не хотел звать тебя на помощь».

¹³ Это так называемая «брэнна», довольно обычная у скандинавов и, в частности, у исландцев, расправа с врагом. В бытовых сагах не только неоднократно говорится о «сжигании внутри», но повторяется и та же ситуация: сжигающий предлагает какой-нибудь женщине выйти из горящего дома, но она отказывается из чувства долга (Ньялс-сага, Гардар-сага, Льосветнинга-сага). В Гардар-саге — это сестра сжигающего. Тот же мотив мы встречаем и в нашей летописи (945 г.), когда Ольга сжигает в бане древлянских послов.

¹⁴ С этого места идёт парафраза песен Старшей Эдды; начинается парафраза со второй строфы «Первой песни о Хелге Хундингобойце».

2 Ночь была в доме, норны явились,
Стали сказывать знатному судьбы.
Молвят, что будет он мужем славнейшим
И между латными самым лучшим.

и т. д. до конца «Первой песни», т. е. до женитьбы Хелги.

¹⁵ Порей (laukr), по некоторым толкованиям, «чеснок». Мы придерживаемся толкования «порей» (сл. Gummere, «Founders of England», N. York, 1930, p. 68) по следующей причине: в Эдде, во «Второй песни о Гудрун» (стр. 2), Гудрун говорит, что «таков был Сигурд пред сынами Гьюки, как зеленый порей пред прочими травами», — что лучше подходит к высоким стеблям порея. Здесь (как и в главе XX, ст. 56) это растение служит для отведения злых чар. Черты этой нет в «Песни о Хелге»: она, очевидно, взята из быта.

¹⁶ Счет на дюжины — остаток дуодецимального счисления, которым пользовались древние германцы (см. Предисловие, § 5).

¹⁷ Здесь начинается так называемая «сенна», т. е. импровизированная перебранка, ставшая у скандинавов особым литературным жанром вроде провансальской тенцоны. «Кормление свиней и собак» должно означать, что Синфьотли называет противника рабом, не свободнорожденным (страшное оскорбление). «Зайдешь к жене»: кто забавляется с женой, когда нужно сражаться, тот — не воин (второе оскорбление, которого между прочим нет в «Песни о Хелге»). Далее он называет Гранмара женщиной со всеми вытекающими из этого последствиями (самое ужасное оскорбление).

¹⁸ В «Песни о Хелге» здесь — нарицательное имя.

52 Стоят там в гавани пред Гнипа-лундом
Звери волн черно-синие, златом украшены.
Много у Хелги мощной дружины:
Не отянет он тинга твердых мечей.

«Звери волн» — корабли; «тинг (вече) мечей» — бой.

¹⁹ В основе этой главы, вероятно, лежит прозаическая побывальщина «О смерти Синфьотли», следующая в Эдде после «Второй песни о Хелге Хундингобойце». В саге развит диалог и рассказана дальнейшая судьба королевы Боргхилд, чего нет в Эдде.

²⁰ Один в качестве лодочника встречается и в «Песни о Харбарде», где он препирается с Тором (см. «Эдда», пер. Свириденко).

²¹ Содержание глав XI и XII передано в вышеуказанной побывальщине («О смерти Синфьотли») в четырех строках. Вероятно, Волсунга-сага использовала другой источник.

²² Торг, т. е. возможность обменивать свои товары на съестные припасы.

²³ «Мы» — *pluralis modestiae* (см. Предисловие, § 10, в).

²⁴ У скандинавов в языческие времена был обычай отдавать детей на воспитание родным или близким друзьям.

²⁵ Отсюда начинается парафраза песни Эдды: «Речи о Регине». Но встреча с Одином там отсутствует, а выбор коня отмечен в прозе одной строчкой.

²⁶ Рогнвалд Кали, оркнейский ярл, составитель древнейшего учебника старо-скандинавского стихосложения (XII век), в одном из стихотворений перечисляет девять искусств, которыми он сам владеет и которые, очевидно, являлись признаками совершенства: игра в тавлеи, знание рун, кузнечное (ювелирное) мастерство, чтение книг, лыжи, стрельба, гребля, игра на арфе, стихотворство.

²⁷ «Пламя вод» — кеннинг (см. Указатель), для золота, так как клад Нибелунгов был брошен в воду и там сиял (горел).

²⁸ Т. е. поэты (скальды) берут из этого мифа образы для сравнений и метафор.

²⁹ Первая часть этой главы кратко пересказывает фабулу песни Эдды, называемой «Пророчеством Грипи» (см. Указатель: *Грипи*). После встречи с Регином опять начинается парафраза «Регинсмола».

³⁰ Здесь сага отступает от Эдды, где бой описан в двух прозаических строках, а одна строфа повествует о том, что (живому) Люнгни вырезали на спине так называемого «кровавого орла» (см. Указатель: *Люнгни*).

³¹ Отсюда начинается парафраза следующей песни Эдды — «Речей о Фафни» («Фафнисмола»).

³² *Igdhug* — сойки, или кукши. Есть и другие толкования: «камышевки» или другой вид синиц. Мы отклонили второй перевод, так как «болтовня» больше подходит сойкам, чем синицам.

³³ Здесь начинается парафраза следующей песни Эдды «Речи Сигдрифы». В этой песне спящая валкирия Сигдрифа ни разу не названа Брюнхильдой.

³⁴ «Стена из щитов» — здесь это надо понимать буквально. Вообще же «стена из щитов» (скальдборг) — особый вид построения войска: небольшой отряд группируется вокруг вождя и так смыкает щиты, что образует как бы небольшую крепость, непроницаемую для стрел (см. Предисловие, § 5).

- ³⁵ «Убийца Фафни» — кеннинг: «меч Грам».
- ³⁶ По одной рукописи Эдды — «начертай дважды (пмя) Тю».
- ³⁷ Судный день, Страшный суд — понятия, не встречающиеся в других памятниках германского язычества. Может быть, тут уже влияние христианских воззрений.
- ³⁸ «Руны брани», очевидно, должны предохранять в чужом доме от отравления или колдовского питья, которое хозяйка («чужая жена») может поднести гостю.
- ³⁹ Вјаггúнар могут означать и «укрывающие, предохраняющие руны», но по аналогии с «рунами волн, леса и т. д.» мы думаем, что это — «руны гор».
- ⁴⁰ Руны писались на камнях в виде длинных извивающихся лент.
- ⁴¹ Буквально: «на ладонь избавления и на след лечения».
- ⁴² То есть «до окончания света», до «сумерек богов».
- ⁴³ «Клен копий» — кеннинг: «воин».
- ⁴⁴ Из 185 главы «Тидрекс-саги» (см. Предисловие, § 10, а).
- ⁴⁵ Здесь употреблено слово *kurteisí* от французского *courtoisie* — придворное, рыцарское обхождение.
- ⁴⁶ Отсюда начинается часть, заполняющая так называемый Пробел в кодексе Эдды (см. Предисловие, § 10, а).
- ⁴⁷ Этот сон составляет первый эпизод немецкой «Песни о Нибелунгах». Но сон Кримхилт (=Гудрун) толкует не служанка, а мать Ута (соответствует скандинавской Гримхилд).

[*Песнь о Нибелунгах, 15*].

Средь этой пышной жизни Кримхилте снится сон,
 Что сокол ею вскормлен красив, зол, силен.
 Но при ней заклевали его два орла:
 Не могли ей в этом мире сделать худшего зла.

⁴⁸ Обряд братания состоял в том, что побратимы смешивали кровь в следах ног на земле и давали друг другу нерушимую клятву верности.

⁴⁹ *Польмя* — скандинавское «вафрлоги». Некоторые полагают, что в основе этого мифа лежит северное сияние, так как встречается он только в Скандинавии; немецкий вариант сказания о Брюнхильде его не знает.

⁵⁰ Здесь проза противоречит песне (см. выше, ст. 111).

⁵¹ В Младшей Эдде («Слово об искусстве скальдов», глава 41) этот эпизод рассказан иначе: «Случилось однажды, что Брюнхильд и Гудрун поехали к реке, чтобы белить волосы; когда они подошли к реке, то Брюнхильд вошла с берега в воду и молвила, что не хочет мочить свою голову в той воде, что будет течь с волос Гудрун, потому что муж у нее отважнее. Тогда Гудрун вошла в воду вслед за нею и сказала, что будет мыть волосы выше по течению, потому что никто на свете не сравняется в храбрости с ее мужем, убившим Фафни и Регина и захватившим наследие их обоих. Отвечает на это Брюнхильд: «Гораздо ценнее то, что Гуннар проскакал через польмя, а Сигурд не посмел». Тогда рассмеялась Гудрун и молвила: «Думаешь ты, что Гуннар проскакал сквозь польмя-то? А я думаю, что лежал с тобою в постели тот, кто дал мне этот золотой перстень; а то кольцо, что ты носишь на руке и что получила в «утренний дар», называется Андваранаут, и думается мне, будто не Гуннар добыл его с Гни-тахейды». Тогда замолчала Брюнхильд и пошла домой.

Изложение у Снорри проще и логичнее, чем в Волсунга-саге: нет путаницы с кольцами (см. Волсунга-сага, глава XXXI), и начало ссоры королев более понятно. Версию Снорри мы встречаем и в народной ферейской балладе о Брюнхильд, которая в остальном держится Волсунга-саги.

162 То была Гурон Юкадоттир,
Она сделала это со злом:
Не хотела она той водою мыться,
Что с кос у Брихильд текла.

Спор жен как причина трагедии мужей встречается и в бытовых сагах (Ньяла, Льосветнинга-сага, Лаксдела-сага).

⁵² Буквально: «Не мучила мертвых людей». Это малопонятное место толкуется так: «не занималась некромантией», «не вызывала мертвых из могильных курганов».

⁵³ Как и все языческие народы Европы, скандинавы относились к колдунам с почтением, легко переходившим в ненависть. Колдовство считалось признаком высшего знания, но все же делом темным и недобрым.

⁵⁴ Текст не оставляет сомнений; но слова Брюнхилд не совсем ясны в связи с началом реплики Брюнхилд: «не знаешь ты моего нрава». Возможно, что автор саги здесь, как и во многих других местах, не понял текста песни или выпустил какие-нибудь поясняющие слова.

⁵⁵ В саге об Эгиле Скалагримссоне (глава 78) рассказывается, как от горя по умершем сыне жены Эгиля так набрякли, что вся одежда на нем лопнула. «Свита из стали» = кольчуга.

⁵⁶ Здесь кончается «Пробел Эдды», и начинается довольно свободная парафраза так называемой «Краткой песни о Сигурде».

⁵⁷ Стихи являются вариантом стр. 4 так называемого «Отрывка песни о Сигурде» (см. Предисловие, § 10, а).

Эти волка палят, те змея пилят, —
Дали Готторму дикой птици,
Прежде, чем подняли, полные злобы,
На мудрого мужа руку мести.

«Рыбы подколодные» (в тексте «лесные рыбы») = змеи. Вся следующая за тем сцена с троекратной попыткой Готторма отсутствует в песнях.

⁵⁸ Чрезвычайно слабая парафраза места, излюбленного певцами и встречающегося в двух песнях Эдды.
Отрывок Песни о Сигурде:

10 Засмелась тут Брюнхилд — дрогнули балки —
Единь раз от радости сердца:
«Вечно владейте войском и вотчиной,
Коль смелого мужа вы предали смерти».

50 Засмеялась тут Брюнхилд Булладоттир
Единый раз от радости сердца,
Когда из спальни слышен ей стал
Громкий плач дочери Гьюки.

⁵⁰ Т. е. «не сразу захлопнется за ним дверь (царства мертвых)»: придется пропустить его кортеж, и он вступит туда с честью. Подъемная дверь Хел упоминается в Младшей Эдде. Очевидно, имеется в виду не Валхалла, потому что Сигурд не пал в бою. К тому же существует особая песня Эдды (не использованная сагой) о том, как Брюнхилд поехала в Хел вслед за Сигурдом (см. также главу XLIII).

⁶⁰ Здесь начинается парафраза так называемой «Второй, или древней, песни о Гудрун».

⁶¹ Эта подробность взята из «Второй песни о Гудрун», где Сигурда убивают вне дома и Грани приносит о том весть.

4 Мчался Грани, с тинга слышен был топот;
Но Сигурд мой сам не вернулся...

В Скандинавии было распространено несколько версий о смерти Сигурда, и компилятору не легко было их согласовать. Уже собиратель Эдды (проза «Отрывки») говорит: «Иные говорят так, что они убили его спящим в постели. А немецкие люди говорят, что они убили его вне дома в лесу («Песнь о Нибелунгах»); а в Древней песне о Гудрун говорится, что Сигурд и сыновья Гьюки поехали на тинг в тот день, когда он был убит. Но все на том сходится, что они обманно его предали и закололи его лежащим и безоружным».

⁶² «Росы огнища» — кеннинг: = «сажа».

⁶³ Это место не совсем точно соответствует прозаической части (побывальщине) Эдды, озаглавленной «Убийство Нифлунгов». А затем начинается парафраза так называемых гренландских песен Эдды, главным образом «Речей об Атли» вперемежку с «Песнью об Атли».

⁶⁴ В немецкой «Песни о Нибелунгах» — тот же фатализм: Хаген разбивает ладью, на которой они переправились через Дунай.

⁶⁵ В «Речах об Атли», 53 — намек на неизвестное сказание: «Взял ты мою мать и убил на сокровищах; разумницу-племянницу уморил голодом в пещере» (см. Указатель: *Нифлуни*).

⁶⁶ Это — нелепая перестановка. Подмена сердец имеет смысл только после разговора с Гуннаром.

⁶⁷ В «Плаче Оддруны» эта змея названа матерью Атли (оборотень).

⁶⁸ Отсюда начинается парафраза песни «Подстрекательство Гудруи» с большими добавлениями (из другого источника).

⁶⁹ Парафраза песни «Речи о Хамди» с возвращением к предыдущей песне.

⁷⁰ См. Указатель: *Эри*.

⁷¹ См. Предисловие, § 10, б. В «Речах о Хамди» после расправы над Иормунреком сказано:

24 Крикнул тут богородный (конунг)
Ратный в броне медвежьим рыком:
«Кидайте камни, коль копыя не колют,
Коль сталь не сечет, Понокра семя».

Здесь речь явно идет о самом Иормунреке (который производил свой род от богов), а не об О́дине.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН И ПРЕДМЕТОВ

При переводе древне-исландских имен нами откидывается флексия «р»: Сигурд, а не Сигурдр, Брюнхилд, а не Брюнхилдр. Это «р» генетически соответствует латинскому и греческому «с», которое мы большей частью откидываем: Сократ, а не Сократес, Проб, а не Пробус. Конечно, «р» сохраняется там, где оно принадлежит к основе: Помакр. Главное ударение в исландских именах стоит на первом слове.

А

Алфы (общегерманск. «алб», англо-саксонск. «элф») — общегерманские божества или стихийные духи обоего пола с самыми разнообразными особенностями и функциями. По Младшей Эдде («Видение Гюлфи», глава 17) делятся на сияющих А. света (живущих в небесном чертоге Алфхейме) и черных А. тьмы (живущих под землей). Последние по функциям приближаются к карлам (искусные кузнецы). Другие А. живут в могильных курганах, под водой, в лесу.

Арвак, или Арвакр (= «рано просыпающийся») и *Алсвид* или Алсвидр (= «всебыстрейший») — кони, запряженные в колесницу солнца. Солнце (Сол, немецк. Сунна), едущее в этой колеснице, — здесь женское божество (см. Снорри, «Видение Гюлфи», глава XI); однако, есть и мужские боги солнца (Фрей, Балдр).

Аслауг — мифическая праматерь норвежских королей. В нашей саге она служит звеном между Рагнаром Лодброком и Сигурдом (см. Предисловие, § 10, а). Хейми уносит ее в Норвегию, в Спангархейд, внутри

арфы. Она под именем Краки воспитывается у крестьян, встречается с Рагнармом-конунгом Лодброком, выходит за него замуж. А. встречается во многих сагах, но ни один из этих текстов не древнее Волсунга-саги. Оттуда она перешла в баллады, датские и ферейские. Еще в XIX веке в Спангерейде (Норвегия) записана легенда о ней.

Асгард — твердыня асов (см.), обиталище богов.

Асы — основные общегерманские божества. Род их возглавляется Одинем; сюда относятся Фригг, Балдр, Тор, Тю и многие другие.

Б

Бекхилд — персонаж, встречающийся только в Волсунга-саге. Имя ее происходит от *беккг* (= «скамья», «лавка»); таким образом, она как домоседка контрастирует с Брюнхилд, имя которой происходит от «брони».

Бера = Костбера.

Бикки (англо-саксонск. Сифека, немецк. Сибих) — засвидетельствован в немецком эпосе в той же роли, что и в Волсунга-саге.

Брани Боддасон Старый (начало IX века) — первый исторически засвидетельствованный норвежский скальд, которого исландские поэты почитали как основоположника своего искусства (нечто вроде Баяна). Неизвестно, когда он был обожествлен, или, вернее, имя его было придано особому асу, покровителю скальдов; в виде бога фигурирует он и в Старшей и в Младшей Эдде.

В

Валдимар — в Эдде — Валдар. Сага заменила его более известным именем датских властителей. Автор мог знать трех Вальдемаров датских: I (1157—1182), II (1202—1241) и III, коронованного и умершего при жизни отца (1218—1231).

Валкюрьи, или валкирии (= «отбирающие уби-

тых»), — по скандинавским повериям, женские божества, носившиеся над полем битвы, помогавшие тем, кто был под покровительством Одина, и после боя отбиравшие храбрейших из павших воинов, чтобы отвести их в чертог Одина, Валгаллу. В Эдде встречаются В., дочери смертных конунгов. Это указывает на смешение В. с «поленицами» (см.).

Ваны — семейство богов, к которому принадлежат Ньорд, Фрей и Фрейя. Это — светлые, солнечные, плодоносные божества; боги любви, богатства и золота. Есть миф о мирно завершившейся предвечной борьбе их с асами (вероятно, отражение доисторических культовых распрей).

Варян — vaeringjar. Так обыкновенно скандинавы называли своих соотечественников, служивших в страже византийского императора. Однако здесь (и только здесь) это слово, очевидно, употреблено в более широком смысле: норманны вообще (?).

Ведьмы — váettir. «Ветты» (= «существо» вообще, затем по преимуществу существо женского пола) — то духи, то ведьмы или женщины-колдуньи. Здесь, вероятно, имеются в виду последние, так как в Эдде в «Речах Сигдрифы» (строфы 26—27), которые парафразирует наша сага, говорится о ворожеях и злокозненных женах:

27 Часто злые жены ждут при дороге,
Что меч притупляют и мысли.

Русское «ведьма» лучше всего передает понятие, среднее между колдуньей и нечистью.

Вено у германцев выплачивалось в древнейшую эпоху родным жены, а жене давался «утренний дар» уже после осуществления брака. Но порой встречается и выплата вена самой жене, как здесь в главе XII. Вено было необходимым условием законности брака и права наследования для детей от этого брака.

Вира (германская «вер-гилд» = «плата за человека») считалась возмещением роду или семье убытка, причиненного убийством. Заплатить виру за убитого было делом законным и отнюдь не позорным, но все

же считалось признаком некоторой слабости: кто чувствовал себя достаточно сильным, чтобы справиться с кровниками, тот виры не платил. В «Хейдарвига-саге» исландский магнат Вига-Стюр (XI век) хвастается, что убил 33 человека и ни за одного не заплатил (см. Волсунга-сага, глава X).

Волва, или валва — провидица и пророчица. Засвидетельствованы у германцев уже со II века новой эры. Тацит в своей «Истории» (книга IV) замечает: «По древнему обыкновению, германцы почитают многих женщин прорицательницами, а при более сильном суевении и богинями». Женщина считалась сведущей в тайнах природы, в колдовстве и рунах. В одной из песен Эдды («Пророчество Волвы») в уста В. вложено целое богословское учение. Почти то же — в «Песни Хюндлы» (см. пер. Свириденко). Скандинавы почитали В., хотя, судя по некоторым памятникам, были невысокого мнения об их нравственности: это, впрочем явствует и из нашей саги.

Волсунг — по форме имя целого рода, а не отдельного человека. И действительно, Сигурд в песнях Эдды назван «юным Волсунгом», т. е. происходящим из рода Волси; в англо-саксонской поэме «Беовульф» (VII век) отец Сигмунда носит имя Велсе (скандинавское Волси), а сам он Велсинг. Самое слово «волси» (*volsi*) встречается в «Саге об Олафе Трюггвасоне» в значении обожествленного фаллического символа. Возможно, что мифическому родоначальнику приписывалось это имя как символ деторождения; таковы, например, тестикулы в гербе итальянского рода Коллеони и самое имя этого рода.

Г

Гери (= «прожорливый») и *Фреки* (= «жадный») — волки Одина.

Готторм (в немецком эпосе утерялся) — бургундский король Годомар (VI век), брат Сигмунда, последний король второго бургундского королевства (на Роне) (см. Приложение I).

Грипи, или Гришир — дядя Сигурда, вымышленный каким-нибудь исландским поэтом XII—XIII века (не традиционный) персонаж. «Пророчество Грипи» вряд ли не самая поздняя из песен Эдды; это — обзор всего сказания о Сигурде, вложенный в уста прорицателя Г. Собираатель Эдды поместил его перед всеми песнями о Сигурде как бы в виде оглавления.

Гунни, или Гунгнир — копьё Óдина, скованное карлами.

Гуннар (немекк. Гунтер) — бургундский король Гундахари (V век).

Гунская земля, или Хуналанд. — Под этим названием саги разумеют неопределенную часть Южной Германии: конечно, творцы саг не имели понятия о гуннах как о тюркских кочевниках; они знали их только из континентальных эпических поэм и считали южно-германским племенем. Эдда, повидимому, слабо различает между Хуналандом и Фраккаландом (земля франков).

Гьюки (немекк. Гибих) — бургундский король Гибика (начало V века).

Д

Двалин, или Двалини — один из карликов. «Дочери Двалина» — женщины из рода карликов.

Дисы — вообще женские божества; дисами называются и валкюрьи, и норны, и фюлгьи и асюньи (богини). Норны имеются в виду в главах XI и XX. В поэзии «дисами» величают высокородных женщин.

Дракон (по-исландски «дреки») — длинное судно с головой дракона на носу.

И

Ионакр — неизвестный король. Есть предположение (см. Heinzel: «Ueber die Hervararsaga», 102), что это славянское имя — «юнак», что вызывает сомнения. Как отца (росомонских) братьев, убивших Иормунрека, знает его уже Браги Старый (около 830 г.).

Иормунрек, или *Иормунрекр* (готск. Херманарик, немецк. Эрменрих) — остготский король, якобы покончивший самоубийством из-за того, что по старости и слабости не мог защитить свой народ от нашествия гуннов (375 г.). Исторические свидетельства о нем — см. Приложение I. В позднейший эпос он вошел как тип ненавистного тирана в цикле сказаний о Теодорихе Великом (Дитрих Бернский). В англо-саксонском эпосе «Видсид» он называется «злым изменником».

Иотуны, иотны, или турсы — гиганты, соответствующие греческим титанам. По скандинавским верованиям, И. возникли из довременного хаоса («Зияющей бездны»), где из жара и холода родился первый И., Имир (первозданная материя), из тела коего создан весь мир. И. живут в холодной туманной стране (Иотунхейм, НиФлхейм, Утгард), а также в подземном царстве (Хел), где они пожирают мертвых. В день разрушения мира («сумерки богов») они вырвутся дикой стихией из своих жилищ и уничтожат асов.

К

Кеннинг (буквально: «обозначение») — двучленное метафорическое выражение, наиболее распространенная у скальдов фигура: «игра копий» = «бой», «сосна ожерелья» = «женщина». Обычная метафора («сосна» = «стройная женщина») называется «полукеннинг» (халфкеннинг), или «необозначенным наименованием» (окент хейти). Усложнениями этой формы являются: «двойко обозначенное» *твикент* («дуб игры копий» = воин) и «растянутое», *рекинт* («пожиратель дерева пути угрей» = «огонь воды» = клад Нибелунгов).

Конунг — буквально: «человек из (властного) рода» (почему конунгами, а на материке кунингами, назывались иногда не только сами властители, но и родичи их, например, Гранмар в главе IX нашей саги) — древне-германский властитель. Первоначально скандинавские К., управлявшие отдельным племенем (Фюлки), соответствовали русским «князьям», назва-

ние коих и есть «конунг» в славянской огласовке. После образования национальных держав (Швеция, Дания, Норвегия) власть К. стала больше походить на власть немецкого кунинга, т. е. короля. Слово «конунг» можно, значит, понимать и как «князь» и как «король». Так как в нашей саге речь идет главным образом о властителях эпохи переселения народов, которых в русской литературе принято называть королями, то и мы в своем переводе называем жену К. «королевой», сыновей — «королевичами» и т. д.

Л

Локи — один из интереснейших персонажей норвежско-исландской мифологии и литературы. У других германских народов не засвидетельствован. Первоначально, вероятно, — божество огня. Будучи из рода асов, он то помогает своим родичам против великанов, то, напротив, вредит им. «Словесная распря Локи» (см. «Эдда», пер. Свириденко) — любопытнейший памятник отмирающего язычества: автор-скептик заставляет Л. издеваться над всеми богами и бросать им в лицо все их пороки. Есть миф, что Л. убил юного и прекрасного Балдра, и за это боги привязали его под землей кишками собственного сына, а над головой поместили ядовитую змею, яд от которой спадает ему на лицо; тогда он вздрагивает так, что происходят землетрясения (ср. миф о Прометее). Но в некий день, в «сумерки богов», Л. вырвется и примет участие в разрушении мира (Снорри, «Видение Гюлфи», главы 50 и 51). О нем есть ряд других мифов. Исландская мифография знает антиподов Л. в царстве великанов: Утгарда-Локи и Логи. Очевидно, это какое-то расщепление первоначального единого божества. Культ Л. нигде не засвидетельствован.

Люнгни — сын Хундинга-конунга, побежденный Сигурдом. Это событие передано несколько иначе в «Повести о Норнагесте» (глава VI):

Затем братья Люнгни крепко наступают и убивают многих людей, а иные от них бегут. Тогда

бросился Хамунд, брат Сигурдов, им навстречу, а я (Норнагест) с ним. Было тут несколько схваток, и кончилось у Сигурда с Люнгни тем, что Сигурд взял его в плен, и заковали в оковы. А когда Сигурд приспел к нам на помощь, то быстро повернулось дело в нашу пользу. Пали тут сыны Хундинга и вся их дружина, — и тут наступила ночь. А когда рассвело, то оказалось, что Хникар исчез, и с тех пор его не видали; люди думают, что это был Один.

Стали тогда говорить, какой смертью умертвить Люнгни. Регин подал совет — вырезать ему на спине «кровавого орла». Взял тогда Регин у меня свой меч и так раскроил спину Люнгни, что отделил ребра от станового хребта (и поднял их в виде крыльев) и вытащил вон легкое. Так умер Люнгни с великой стойкостью. Тогда рек Регин («Речи о Регине», 26).

Вот кровник-орел крепким оружием
Убийце Сигмунда на спине насечен.
Много отважней был отпрыск мощных,
Когда почву кровавил и потчевал воронов.

Н

«*Науд*» (= «нужда») — название руны «Н», которую нужно начертить в *нужде*.

Нифлунг, или Нифлунгр — родовое имя (немецк. Нибелунг), перенесенное на единичное лицо, сына Хогни из рода Гьюкунгов, или Нифлунгов. В ферейской балладе о Хогни это лицо названо Хогни Хогнасон: он запирает Атли (Артала-конунг) в сокровищнице, где тот умирает с голоду.

Нифлунги (немецк. Нибелунги — в «Песне о Нибелунгах») — таинственный народ, хранители несметного богатства: Сигфрид покоряет их и завладевает сокровищами. Имя их происходит от *nebel* — «туман». По скандинавским поверьям, великаны тоже живут в туманной стране, Нифлхейме. Имя их перенесено на завладевших кладом (после смерти Сигфрида) бургундских королей; в этом употреблении оно засвидетельствовано в Германии и на Севере.

Норны, или Урды — богини судьбы. По живым народным верованиям, их было много (см. Волсунга-

сага, глава XVIII). Позднее скандинавское (языческое) богословие (X век) выделило из них три, олицетворяющих прошлое (Урд), настоящее (Верданди) и будущее (Скулд), восседающих под мировым деревом Игдрасилом и ведающих судьбы людей.

О

Оддрун — сестра Атли и Брюнхилд. О ней сохранилась в Эдде отдельная песнь, «Плач Оддрун», в которой рассказывается о ее любовных отношениях с Гуннаром. Песнь эта не использована нашей сагой, которая черпает свои сведения об О. из «Краткой песни о Сигурде» (стр. 57).

Один (Óðinn) (англо-саксонск. Воден, верхне-немецк. Вуотан) — общегерманское божество из рода асов (см.). Первоначально, может быть, стихийный демон (ветер); затем — бог войны, главным образом военной хитрости; постепенно становится божеством всякой умственной деятельности: торговли, врачевания, поэзии, колдовства, письменности (см. руны). При сношениях германцев с римлянами отождествлялся с Меркурием (отсюда, между прочим, английское название среды (Wednesday — dies Mercurii). На Севере считался покровителем викингов и скальдов. Мифы об О. часто эротически окрашены. Детей у него считалось множество как бессмертных (от богинь), так и смертных. Разные германские короли, в том числе англо-саксонские, возводили к нему свой род. Между прочим, в «Римах о Волсунге» (48—50) названо несколько сыновей О., родоначальников династий: датских королей (Нифлунг), халейгских ярлов (Семинг) и шведских королей (Инги); последнее не отвечает никакому преданию, так как Ингви (эпоним династии инглингов) — это бог Фрей из рода ванов, т. е. не сын О. Скандинавы представляли себе О. одноглазым: он якобы отдал один глаз великану Мимиру в обмен за мудрость. Атрибуты его: шляпа, вороны, копье.

Одлинги (немецк. и англо-саксонск. «эделинги») — исконная аристократия древне-германского племени.

ного строя: богатейшие землевладельцы и собственники стад (упомянуты уже в I веке до нашей эры у Цезаря: *locupletissimi*) и их родичи.

II

Поленница — «скьялмер» (буквально: «дева со щитом»), бытовое явление у скандинавов; это — воинственные женщины, ходившие в походы с викингами; засвидетельствованы они и у варяго-русов. Брак с такой женщиной во время похода считался законным даже без вена (в других случаях брак без вена приравнивался к конкубинату).

Р

Ран — морская богиня. Сеть ей служит для того, чтобы улавливать всех людей, падающих в море.

Рандвер — в англо-саксонских и немецких источниках назван Фридрихом. Эпизода с оципанным соколом нет в песнях Эдды; но он повторен в Младшей Эдде («Слово об искусстве скальдов», глава 42).

Рери, или *Рерир* — встречается лишь в нашей саге и в «Римах о Волсунге», где подробно (85—94) описана его женитьба на дочери шведского короля Инги, белокожей, мудрой и красноречивой Ингегерд. Как и Сиги, он берет жену с боя; Инги погибает; Рери воздвигает ему почетный курган и становится властителем Руси (Гардарики) и Швеции.

Рогни, или *Рагнир* — одно из имен Óдина. Однако ни в одном памятнике Óдин не изображен едущим на колеснице. Не исключена возможность, что прозвище «рогни» (= «властитель») применялось и к Тору, возок коего, запряженный козлами, хорошо засвидетельствован. Наше толкование поддерживается отчасти тем, что в «Торсдрапе» Эйнара-скальда Гудрунарсона (X—XI век) Тор назван *sóknar rōgnir* = «князь натиска».

Руны — древне-германские письмена, представляющие видоизменение латинского алфавита (в приспособлении к нарезыванию на деревянные палочки).

Руны засвидетельствованы (если не считать не совсем ясного замечания у Тацита) со II века нашей эры у готов, скандинавов, немцев и англо-саксов. Резали их на украшениях, на надгробных камнях, на утвари и оружии. Служили они как для обозначения принадлежности, так и главным образом для заклинаний. Позже в Скандинавии они иногда употребляются как обычные письмена (есть даже рунические рукописи) рядом с латинскими буквами; но в широкое употребление они не вошли.

С

Сванхилд (у Иордана: Супильда) — см. Приложение I, Г.

Скади — как мужское имя встречается только здесь; автор «Рим о Волсунге» спутал его с общеизвестным именем богини Скади и превратил в женщину.

Скальд — поэт, стихотворец. Скандинавы называли так всех поэтов, в том числе и сочинителей песен в стиле Эдды (ср. главу XXXII). Но в современной науке это название применяется лишь в отношении норвежско-исландских поэтов придворного стиля.

Слейпни, или *Слейпнир* — восьминогий конь Óдина.

Снорри Стурлусон (1178—1241) — исландский политический деятель, поэт, литературовед и историк. Ему принадлежит ряд стихотворений в духе скальдов, так называемая Младшая Эдда (см.) и крупный исторический труд «Хеймскрингла». С. был крупнейшим исландским магнатом своего времени, два раза избирался на высшую должность «законоговорителя». Погиб он от руки убийц, подосланных королем Хаконном, так как принадлежал к партии ярла Скули.

Сурт, или *Суртр* (черный) — великан, который во время «сумерек богов» поведет враждебные полчища на асов.

«Прорицание Волвы» (Эдда):

52 Сурт близится с юга с губителем сучьев (т. е. с огнем),
Светится меч солнцем сражений.
Рушатся горы, гибнут горынянки,
Топот слышен из Хел, треснула твердь.

Т

Троллы — злые чудища, близкие к великанам. (В скандинавских поверьях новейшего времени — разного рода стихийные духи).

Тю, или *Тюр* (англо-саксонск. Тиу, немецк. Циу, греческ. Дзеус (Зевс), древне-индийск. Дева) — одно из верховных божеств германского мира. Другие его имена: Ирмин, Сакнот. Член немецкой троицы (Вуотан-Донар-Циу). В исторические времена засвидетельствован только как бог войны: по-гречески переводится «Арес», по-латыни — «Марс» (Mars Thingus, откуда «вторник» — dies Martis, немецк. Dienstag, английск. tuesday). В Скандинавии культ его был сильно развит еще в VI веке, но потом Т. отступает на задний план перед Тором, Óдином и Фрейем. Изображается Тю одноруким (правую руку откусил ему адский волк Фенри). Атрибут — меч. Вот почему «руны побед» посвящены Тю и режутся на мече.

Ф

Фенг, или *Фенгр* — одно из имен Óдина; засвидетельствовано только в этом месте (см. Хинкар).

Фриг (общегерманск. Фрия = «госпожа») — богиня, олицетворяющая женское, рождающее начало в природе, нечто вроде египетской Изиды. Под разными именами почиталась у древне-германских племен как главное женское божество при мужской троице. В скандинавской мифологии считалась женою всей троицы, т. е. Óдина, Вили и Ве (Эдда: «Распря Локи», 26), но большей частью одного Óдина: «от их потомства произошли те поколения, которые мы называем родом асов» (Снорри, «Видение Гюлфи», глава 9).

Фьолни, или *Фьялнир* — одно из имен Óдина; имеется в перечне «Речей Хримни» (см. Хинкар). Ф., вероятно, обозначает «многообразный», «многоликий» (?).

Фюльв (= «спутница»), или *Хаминья* — дух-хранитель; мыслилась скандинавами всегда как суще-

ство женского пола. Вероятно, отголосок матриархата; первоначально может быть дух прародительницы. Ф. бывает индивидуальная или родовая (кюн-фюлгья, этфюлгья). Она охраняет человека, приносит ему счастье (отчего «хамингья» порой просто означает «счастье», «удачу», «талант»). Ф. иногда предсказывают судьбу. Большинство людей не видят своей Ф.: увидеть ее — признак близкой смерти. Является она большей частью в виде какого-нибудь животного (змея, медведь, бык и др.), но порой и в виде женщины наяву (например, в Эдде верхом на волке, взнузданном змеею) и во сне (драумкона). Как богини, ведающие судьбу, фюлгьи очень близки к нормам (см.); народные верования их часто смешивали.

Х

Хаддинги (готск. Хаздинги, немецк. Харлунги) — мифические братья-герои, германские Диоскуры. Засвидетельствованы греческими историками еще у готов. Но что это за «рыба степи» (т. е. змея) из земли Х.? В соответствующей песне Эдды («Вторая песнь о Гудрун», 23) она к тому же названа «морской» (а не длинной). Вероятно, какой-нибудь утерянный миф.

Хаки и Хагбард — скандинавские герои, встречающиеся также в «Датской Истории» Саксона Грамматика (XII век). Отец их Хамунд (по другому варианту Хермунд) нигде не упоминается.

Хамди, или *Хамдир*, и *Сорли*, или *Сарли* — см. Приложение I.

Хамингья = *фюльья* (см.). Хамингья помогает видеть будущее и прозревать сущность явлений: поэтому дымка, застилающая Х., вызывает помутнение разума (глава XXXI).

Хел — 1) Подземное царство, куда уходят души тех, кто недостоин Валгаллы (т. е. не пал в бою), обиталище чудовищ; лежит оно в холодном и мрачном Нифлхейме. 2) Олицетворение того же ада в виде богини Х., дочери Локи и великанши Ангрбоды;

Х. — сестра адского волка Фенри и змея Йормунганда (обвитого вокруг земли). На вид она наполовину пшенично-черная, наполовину — телесного цвета. — Поэтому можно сказать: «в Хел» и «к Х.», «из Х.» и «от Х.».

Хелли — имя трех героев скандинавского эпоса, связанных с мифом о валкирии, полюбившей смертного: 1) Х. Хундингсбани и Сигрун, 2) Х. Хьорвардссон и Свава, 3) Х. Хаддингскати и Кара. Здесь идет речь о первом. Это — герой датского происхождения, Х. Халфданарсон, убивший Хундияга. В Норвегии к нему пристегнули миф о валкирии, а самого его притянули к циклу Волсунгов, превратив его в сына Сигмунда. В Эдде Х. Хундингбойцу посвящены две песни (датский источник — Саксон Грамматик; упоминается и в «Саге об Хролфе Кроки»); второму Х. — одна; о третьем упоминается в прозе (подробнее — в «Саге о Хромунде Грейпссоне»).

Хёни, или **Хёнир** — бог из рода асов. Здесь — член троицы (состав германской троицы очень изменчив). О нем известен еще один миф: асы, заключив мир с другим племенем богов, ванами, отдали им Хёни в заложники, а сами получили Ньорда.

Хникар, или **Хникарр** (значение не совсем ясно: «пятящий» (?) «поражающий» (?), — одно из многочисленных имен Одина. В песне Э. «Речи Гримни» (46—50) перечислено 42 имени, и это еще не все. См. «Эдда», пер. Свириденко, стр. 267—268; там же даны и толкования этих имен, точное значение коих, впрочем, может быть установлено лишь в немногих случаях.

Хогни — немецк. Хаген фон Тронье. В «Песни о Нибелунгах» он не брат, а вассал Гунтера; также и в латинской поэме X века «Валтарий», написанной Эккехартом по народно-эпическим источникам.

Хофдинг, или **Хафдинг** — буквально: «главарь». Так назывались у старых скандинавов крупные землевладельцы и главы больших родов.

Хримни, или **Хримнир**, встречается в Эдде, в заклинии Скирни («Песнь о Скирнире», 28) в не со-

всем ясной роли: «Пусть на тебя глумится Хримни», — говорится в виде проклятия (см. пер. Свириденко).

Хропт, или *Хроптр* — одно из имен *Одина* (см. *Один*, *Хникар*).

III

Шлем-страшилище — может быть какая-нибудь страшная маска, служившая одновременно и шлемом. Древне-германские воины старались устрашать неприятеля грозным видом и криком. К этого рода приемам относятся, между прочим, рога или конские хвосты на шлемах.

Эдда (см. Предисловие, §§ 9, 10, а).

I. Так называемая Младшая Э. — учебник для поэтов, составленный *Снорри Стурлусоном* в 20-х годах XIII века. «Эдда» — буквально: «Книга из *Одди*», поместья, где учился *Снорри Э.* состоит из трех частей: 1) «Видение (мираж) *Гюлфи*» — необходимые поэту мифологические сведения для правильного употребления образов (важнейший источник скандинавской мифологии); 2) «Слово об искусстве скальдов» — учение о тропах (метафорических выражениях) с примерами из поэтов и толкованием символов (см. *кеннинг*); 3) «Перечень размеров» — учебник метрики.

II. Так называемая Старшая Э. — исландский сборник мифологических и героических песен, рукопись коего дошла до нас в списке XIII века. Вероятно, и самое составление сборника относится к началу XIII века. Заглавие «Эдда» в XVII веке ошибочно приписано этой книге и по праву принадлежит только так называемой Младшей Эдде, но так укоренилось, что теперь употребляется преимущественно в отношении сборника песен, а Э. I называют Младшей Эдой, или Эдой *Снорри*. Так же ошибочно этот сборник приписывался *Семунду Мудрому* (XII век).

В современных изданиях к основным песням сборника прибавляют еще некоторые из других рукописей,

и всю древне-исландскую поэзию не придворной формы называют эддической.

Песни Э. возникли в разное время от IX до конца XII (может быть, даже начала XIII) века. Все они были известны в Исландии; самые древние, может быть, занесены еще из Норвегии (Песни о Триуме, о Волунде); две помечены как гренландские; остальные сложились в Исландии, но вероятнее всего взяли свои сюжеты из песен более древней формы.

Эрп, или Эрпр — сын Ионакра и Гудрун. В «Речах о Хамди» он назван «хитрым» и «чернявым малышом». Описание его ссоры с братьями в рукописи Эдды попорчено. В Младшей Эдде («Скалдскапармал», 42) Эрп выезжает вместе с братьями (что несогласно с песнью) и на вопрос, как он им поможет, отвечает: «Как нога руке». Они понимают это как отказ от помощи и убивают его. Это логичнее, чем в саге, но в песне было нечто другое.

СОДЕРЖАНИЕ

Серия «Скандинавские саги»	7
<i>Б. Ярхо. — СКАЗАНИЕ О СИГУРДЕ И НИФЛУНГАХ НА СКАНДИНАВСКОМ СЕВЕРЕ</i>	
I. Эпоха переселения народов. — Доисторические формы.	17
§ 1. Исторические элементы сказания. § 2. Контаминация. § 3. Героическое развитие.	
II. Эпоха викингов. — Лиро-эпические песни.	30
§ 4. Сложение песен Эдды. § 5. Бытовой элемент. § 6. Религиозный элемент. § 7. Циклизация.	
III. Эпоха рыцарей. — Сводные памятники.	54
§ 8. Рецепция немецкой версии. § 9. Компиляция. § 10. Волсунга-сага. § 11. Версификация саг.	
IV. Деревенская среда. — Дробные формы и отмирание цикла	82
§ 12. Дробление цикла. § 13. Комическая реакция. § 14. От предания к поверью.	

САГА О ВОЛСУНГАХ

I.	95
II. Рождается Волсунг	98
III.	100
IV.	103
V. Гибель Волсунга	105
VI.	109
VII. Сигню породила Синфьотли	111
VIII. Сигмунд с сыном надевают волчью шкуру	114

IX.	Хелги добыл Сигрун	121
X.	О Волсунгах	126
XI.	129
XII.	132
XIII.	Рождается Сигурд	136
XIV.	140
XV.	Регин выковал Грам	143
XVI.	145
XVII.	Сигурд убил Люнгни и Хьорварда и всех тех	146
XVIII.	Вот едут Регин и Сигурд	150
XIX.	Регин испил крови Фифни	155
XX.	Сигурд съел змеиное сердце	157
XXI.	О Сигурде	160
XXII.	Премудрые советы Брюнхилд	165
XXIII.	Обличие Сигурда	167
XXIV.	Сигурд прибыл к Хейми	169
XXV.	Беседа Сигурда с Брюнхилд	171
XXVI.	О Гьюки-конунге и сыновьях	175
XXVII.	Сон Гудрун разгадала Брюнхилд	179
XXVIII.	Сигурду сварили дурманного меду	180
XXIX.	Сигурд проскакал сквозь полымя к Брюнхилд Будладоттир	184
XXX.	Спор королев-тех, Брюнхилд и Гуд- рун	188
XXXI.	Разрослось горе Брюнхилд	193
XXXII.	Предан Сигурд	201
XXXIII.	Просьба Брюнхилд	208
XXXIV.	Уход Гудрун	210
XXXV.	Гудрун нарезала руны	215
XXXVI.	Хогни разгадал сны жены своей	219
XXXVII.	Выезд братьев-тех из дому	221
XXXVIII.	Битва в замке-том и победа	224
XXXIX.	Хогни взят в полон	227
XL.	Разговор Атли с Гудрун	231
XLI.	О Гудрун	232
XLII.	Выдана Сванхилд и растоптана конскими копытами насмерть	233
XLIII.	Гудрун подстрекает сыновей своих к мести за Сванхилд	240
XLIV.	О сынах Гудрун глава	242

Приложения

I. Показания историков	247
II. Змееборство Сигмунда (из англо-саксонской поэмы «Беовульф»)	254

Комментарии

Примечания	259
Указатель важнейших имен и предметов	269

Редактор *Б. И. Ярко*.
Художественн. редакция
М. И. Сокольников. Техн.
редактор *Н. Н. Филиппов*

*

Сдано в набор 28.IX 1953 г.
Подписано к печати 25.III
1954 г. Тираж 5500 экз.
Уполн. Главл. № Б-24120.
Индекс А-1. Изд. № 100.
Зак. № 1020. Бумага 74 ×
× 105 в $\frac{1}{32}$ Печ. лист. 9.
Бум. листов 4,5 по
92000 зн.

*

Отпечатано во 2-й типо-
графии «Печатный Двор»
треста «Полиграфкиниа».
Ленинград, Гатчинская,
26.

Цена Р. 5. —

Переплет Р. 2. —

Стр. все
Подпись *Александр*
Дата *20/VII 57*

